

май – июнь
2 (101) 2021 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ**
- 6 БОНДАРЕВ А. В.**
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРОЛОГИИ: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
- 23 ТИХОНОВА В. А.**
КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
- 31 ГРИНЕНКО Г. В.**
О ПРИРОДЕ ЗНАКОВ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА
- 46 ВЕЙНМЕЙСТЕР А. В.**
ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ
«ФИЛОСОФИИ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ» ЭРНСТА КАССИРЕРА
- 58 МЫСОВСКИХ Л. О.**
ФЕНОМЕН КОНФОРМИЗМА
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ
- 64 РИМСКИЙ В. П., АОТЕГЕНХУАР, СУМ БЭР**
АНТИЧНЫЙ ШАМАНИЗМ И МИФ
У ИСТОКОВ ФИЛОСОФСКО-ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
- 82 ЛЯХОВ А. В.**
НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ)
- 89 ВАРАВА В. В., ИВАНОВ Д. И.**
НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ И КОНСТАНТИН КИНЧЕВ:
ОБЩНОСТЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ УСТАНОВОК
В КОНТЕКСТЕ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЭСТЕТИКА 104 КУРЕНКОВА Р. А.

ЗАМЕТКИ О ВТОРОМ РОССИЙСКОМ
ЭСТЕТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

115 ШАФАЖИНСКАЯ Н. Е.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ДЕКАДАНСА

128 ВЕРХОТУРОВ Е. В.

ФЕНОМЕН АКЦИОНИЗМА В ОПТИКЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

135 СКОРОБОГАЧЕВА Е. А., ЧИЧВАРИНА О. Г.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ Е. А. КИБРИКА
1930-Х ГОДОВ. НОВЫЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТВОРЧЕСТВА

143 КОСТЕРИНА М. А.

ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА НИКОЛАЯ РЕРИХА
К СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ 152 ИПОЛИТОВ С. С.

**КУЛЬТУРНЫЕ
ПРАКТИКИ**

ТВОРЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ КАК ДРАЙВЕР РОСТА
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

168 ХВОСТИКОВА В. О.

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ УТОПИЗМ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ (1920–1930-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

178 БУТОРОВ С. А.

ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ В РОССИИ:
НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

185 АСКАРОВА В. Я.

ЧТЕНИЕ, МОЛОДЁЖЬ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:
«ПРИОРИТЕТ-2030»

May – June
3 (101) 2021
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

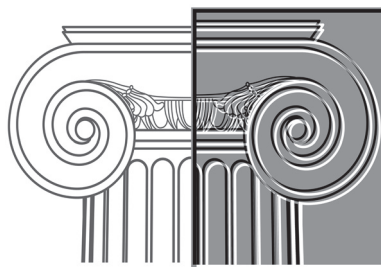
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THEORY AND HISTORY OF CULTURES**
- 6 BONDAREV ALEXEY V.**
EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING
THE HISTORY OF CULTUROLOGY:
RESEARCH AND EDUCATIONAL ASPECTS
- 23 TIKHONOVA VALERIYA A.**
CONCEPT OF SOCIAL STATE AND POLITICAL CULTURE
OF MODERN RUSSIAN SOCIETY
- 31 GRINENKO GALINA V.**
ABOUT THE NATURE OF SIGNS:
A CULTURAL AND HISTORICAL PERSPECTIVE
- 46 VEINMEISTER ANASTASIA V.**
PRINCIPLES OF ERNST CASSIRER'S PHILOSOPHY
OF SYMBOLIC FORMS
- 58 MYSOVSKIKH LEV O.**
THE PHENOMENON OF CONFORMISM
IN FRENCH SOCIOLOGY OF CULTURE
- 64 RIMSKIY VICTOR P., AOTGENHUAR, SUM BER**
ANCIENT SHAMANISM AND MYTH
AT THE ORIGINS OF PHILOSOPHICAL AND POETIC DISCOURSE
- 82 LYAKHOV ANDREY V.**
MORAL FOUNDATIONS OF CULTURAL BEING
(BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN PHILOSOPHY)
- 89 VARAVA VLADIMIR V., IVANOV D. I.**
NIKOLAY GOGOL AND KONSTANTIN KINCHEV:
THE COMMUNITY OF SPIRITUAL AND MORAL ATTITUDES
IN THE CONTEXT OF VERBAL CULTURE

- AESTHETICS 104 KURENKOVA RIMMA A.**
REVIEW ON THE SECOND RUSSIAN AESTHETIC CONGRESS
- 115 SHAFAZHINSKAYA NATALIA E.**
SOME ASPECTS OF THE TRANSFORMATION
OF RUSSIAN CULTURE IN THE ERA OF DECADENCE
- 128 VERKHOTUROV EVGENII V.**
THE PHENOMENON OF ACTIONISM
IN THE OPTICS OF MODERN AESTHETIC APPROACHES
- 135 SKOROBOGACHEVA EKATERINA A., CHICHVARINA OLGA G.**
UNKNOWN PORTRAIT SKETCHES BY E. A. KIBRIK
OF THE 1930TH. NEW CULTURAL ASPECTS OF CREATIVITY
- 143 KOSTERINA MARINA A.**
FEATURES OF NICHOLAS ROERICH'S APPROACH
TO THE PRESERVATION OF CULTURAL
AND ARTISTIC HERITAGE
-
- MODERN CULTURAL PRACTICES 152 IPPOLITOV SERGEY S.**
CREATIVE CLUSTERS AS A GROWTH DRIVER
FOR REGIONAL ECONOMIES
- 168 KHVOSTIKOVA VASILINA O.**
URBAN UTOPIANISM IN ROSTOV-ON-DON:
REGIONAL EXPERIENCE (1920–1930)
- 178 BUTOROV SERGEY A.**
NATIONAL TOURISM IN RUSSIA: UNREALIZED POTENTIAL
- 185 ASKAROVA VIOLETTA YA.**
READING, YOUTH AND DIGITAL TECHNOLOGIES:
“PRIORITY-2030”

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРОЛОГИИ: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 130.2:001.1

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-6-22>

А. В. Бондарев

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: aleksej-bondarev@yandex.ru

Аннотация: В предлагаемой статье обосновывается актуальность знания истории культурологии, анализируются узловые эпистемологические проблемы её изучения, а также намечаются возможные пути их преодоления. Предлагаются некоторые методические способы построения и отбора учебного материала для повышения эффективности преподавания истории культурологии в рамках соответствующих университетских курсов. Подчёркивается роль знания истории культурологии в самоопределении, самопознании, самообосновании культурологической науки, а также в формировании профессиональной идентичности и самосознания самих культурологов, их консолидации и осознании своей научной и общественной миссии.

Ключевые слова: гносеологические и эпистемологические основания изучения истории культурологии, культурологическое образование в России, профессиональное самоопределение и самосознание культурологов, интеллектуальная история, история и методология науки.

Для цитирования: Бондарев А. В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 6–22. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-6-22>

EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING THE HISTORY OF CULTUROLOGY: RESEARCH AND EDUCATIONAL ASPECTS

Alexey V. Bondarev

Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: aleksej-bondarev@yandex.ru

Abstract: The article substantiates the relevance of the culturology history knowledge, analyzes the epistemological problems of its study, and outlines possible ways to solve them. Some methods of constructing and selecting educational material for improving the effectiveness of teaching the history

БОНДАРЕВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

BONDAREV ALEXEY VLADIMIROVICH – PhD in Culturology, Associate Professor at the Department of theory and history of culture, the Herzen State Pedagogical University

© Бондарев А. В., 2021

of culturology in the university courses are proposed. The role of the history of culturology knowledge in self-determination, self-knowledge, self-foundation of cultural science is emphasized, as well as in the formation of professional identity and self-consciousness of culturologists themselves, their consolidation and awareness of scientific and social mission.

Keywords: history of culturology, epistemology, history and methodology of science, intellectual history, scientific heritage, culturological education in Russia, professional identity and self-consciousness of culturologists.

For citation: Bondarev A. V. Epistemological problems of studying the history of culturology: research and educational aspects. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 6–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-6-22>

Современный уровень развития культурологического знания ставит перед нами новые вопросы, от ответа на которые зависит само существование культурологии в будущем. Острота социокультурных проблем, требующих своего оперативного и эффективного решения, всё более возрастает. Приходит понимание, что решение этих социокультурных проблем лежит отнюдь не в плоскости компетенции политологии, юриспруденции, экономики или социологии. Имеется несомненный и всё более осознаваемый общественный запрос на культурологию. Стихийно-хаотичное, противоречивое, во многом эклектичное, разноректорное, никак не скоординированное и вместе с тем бурное развитие культурологии в России в 1990-х – начале 2000-х годах перешло в фазу стабилизации и устойчивого научного роста по уже проложенным исследовательским руслу и направлениям – перелом намечался где-то в 2005–2010-х годах. Одним из важнейших условий дальнейшего интенсивного научного роста культурологии является обогащение её теоретико-методологического арсенала, инструментария методов, повышение их познавательной эффективности и расширение понимания прикладных практико-ориентированных возможностей его использования. Однако формирование методологической культуры культуролога-исследовате-

ля – задача высокой степени трудоёмкости, требует значительных интеллектуальных усилий и самое главное – времени. А жизнь настолько стремительно меняется, мы настолько перегружены срочной и сверхсрочной работой, что у нас зачастую элементарно не хватает времени всерьёз вчитываться в монументальные и многотомные собрания сочинений мыслителей и учёных прежних веков, глубоко их осваивать, самим без конца на каждом шагу что-то придумывать, изобретать и тем более заново по незнанию переоткрывать уже кем-то в истории науки открытое... В этом смысле совершенно особое значение приобретает история нашей науки – бесценный кладёз и экстракт накопленных нашими предшественниками интеллектуальных богатств: собранные за многие десятилетия кропотливых изысканий и тематически систематизированные материалы, разработанные методы и подходы культурологических исследований, опробованные способы постановки научных проблем, опыт их решения и т.д. Всё это в концентрированном и готовом виде, не надо самому тратить время и силы на поиск информации в море исследовательских публикаций на различных языках. Посмотрел добротную книжку по истории культурологии – сориентировался в опыте предшественников и, может быть, даже лучше понял бы, как выстроить

свою собственную исследовательскую работу. Какая была бы значительная экономия времени! Впрочем, некоторые (особенно постмодернистски настроенные) авторы крайне скептически оценивают всё интеллектуальное наследие российской культурологии, отрицают даже саму возможность существования культурологии как науки (К. А. Богданов, С. Н. Зенкин, М. Ларуэль, О. Л. Поляков, С. Д. Серебряный и другие).

Действительно, а есть ли культурология? А если есть, то какова её история? И надо ли знать культурологам собственное прошлое? Казалось бы, ответ очевиден, однако задумавшись над функционально-прагматическим аспектом этого вопроса: кому и для чего нужна история культурологии? Не менее проблематичен и эпистемологический вопрос: кто и как её может и должен изучать? И наконец, образовательный аспект: как транслировать знания об истории культурологии в учебном процессе?

Актуальность изучения истории культурологии связана с целым рядом обстоятельств. В рамках того научного пространства, которое мы сейчас называем культурологией, накоплен огромный исследовательский опыт. В развитие культурологии и формирование самого культурологического тезауруса внесли значительный вклад многие выдающиеся учёные из самых различных научных областей. Знание истории культурологии противостоит забвению научных заслуг наших предшественников, девальвации, эрозии самого культурологического знания в целом. Древние утверждали: «*Historia est magistra vitae*» («История – учительница жизни»), история культурологии тоже должна наконец обрести свои права истинной наставницы для культурологов и навигатора в понимании самой культурологии. И ещё древние прихо-

дили к убеждению: «*Ducunt volentem fata, nolentem trahunt*» («Желающих Судьба ведёт, а нежелающих – тащит»). Но откуда узнать, каково веление Судьбы для культурологии и собственное предназначение для культурологов? Может быть, стоит заглянуть в анналы истории собственной науки? Всё это обуславливает настоятельную потребность в выявлении, изучении, осмыслении и актуализации научных достижений, аккумулированных в культурологии, реконструкции самого пути, пройденного культурологией.

Однако прежде чем приступать к исследованию собственного прошлого, истории культурологии, необходимо определиться, как это прошлое в соответствии со спецификой культурологии изучать. Между тем исходные эпистемологические проблемы изучения истории культурологии не только не решены, они даже зачастую не осознаются некоторыми исследователями. Серьёзное изучение гносеологических проблем культурологии вообще и тем более изучения прошлого своей науки находится где-то на периферии исследовательских интересов современных культурологов. Имеются лишь отдельные и довольно редкие публикации на эту тематику, но они затрагивают только частные аспекты проблемного поля изучения истории культурологии. Необходимо осознать значимость эпистемологической рефлексии для культурологии и культурологов, нужны специальные исследования, нацеленные на эпистемологическую проблематизацию самих основ культурологии и её истории.

Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии. Г. А. Касьянов очень верно охарактеризовал сложившуюся в области изучения истории культурологии ситуацию: «Представитель любой

классической университетской дисциплины может с лёгкостью изложить историю той науки, на которой его дисциплина базируется. Так обстоит дело со всеми учебными предметами, с которыми культурология обрывает межпредметные связи: история, социология, культурная антропология, искусствоведение, социальная психология... Но когда историю своей науки начинают излагать культурологи, сразу дают о себе знать противоречия и неуверенность» [11, с. 95]. Отсутствие эффективного методологического инструментария исследовательского поиска приводит к подмене подлинной истории становления культурологии никак не обоснованными ретроспективными конструкциями, произвольным подбором (где критерии?) и изложением различных концепций культуры (а кто сказал, что история культурологии – это только изложение концепций?), всё это наполнено субъективными интерпретациями, какой-то мифологизацией, самыми разнообразными фикциями и т.д.

Ещё в глубокой древности было осознано: «кто владеет прошлым, управляет настоящим и определяет будущее». А кто же пишет нашу историю? Культурологи? Нет, философы! [см., напр.: 9; 10; 15]. Впрочем, это даже к лучшему, поскольку если бы за дело взялись историки, которые ещё меньшее философов понимают и уважают культурологию, то было бы гораздо хуже. «Свято место пусто не бывает»: другие уже за нас написали историю нашей науки [22; 23] – и что теперь делать, без конца оправдываться и уличать таких авторов в непонимании, незнании и ангажированности? Нет, как в народе по таким случаям говорят: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Поэтому если всё-таки культурологи проявят шопенгауэровскую

«*Wille zum Leben*», волю к самосохранению, выживанию и развитию, то им придётся рано или поздно начать задумываться над написанием своей собственной истории...

Остро стоит и вопрос о подготовке серии профессионально выполненной учебной литературы, посвящённой истории культурологии, – соответствующие учебные курсы обеспечены явно недостаточно. Имеющиеся учебные и методические издания зачастую грешат отсутствием чёткого понимания специфики культурологии и соответственно аморфностью, какой-то замутнённой и путанностью в представлении её истории [см., напр.: 8; 9; 21; 22; 23]. Таким образом, создается неверная реконструкция прошлого нашей науки. Отсутствие адекватного и научно обоснованного представления собственного прошлого, как следствие, приводит к непониманию настоящего положения культурологии, а также отсутствию понимания возможного спектра перспектив её развития в будущем. Тем большее значение имеют значительно более удачные опыты изучения истории культурологии [см., напр.: 1; 13; 14; 16; 17; 19; 20].

Особенно противоречиво в существующих учебных версиях представлен вопрос о начале культурологии. Без всяких оговорок и разъяснений историю культурологии некоторые авторы начинают с Цицерона, Платона и Аристотеля. Неужели если в каком-то случае Цицерон использовал в специфическом значении слово *cultura*, то это уже повод отсчитывать начало истории науки о культуре? Складывается порой ощущение, что разные авторы изданий по истории культурологии даже как бы соревнуются друг с другом, кто ещё более удревет истоки культурологии [ср., напр.: 8; 9; 10; 20; 21]. За всеми этими попытками ощущается какой-то комплекс то ли неуверен-

ности, то ли неполноценности. Мне очень импонирует в этой связи ремарка Г. А. Касьянова: «Есть что-то трогательно-ранимое в этом стремлении сочинить для культурологии как можно более длинную, солидную историю, насыщенную именами и датами. Не может не вызывать умиления безотчётное желание множества российских авторов едва ли не всё богатство духовного наследия человечества представить в качестве фундамента такой вершины гуманитарного гения, как культурология» [11, с. 100].

Понятно, что никакая наука не может возникнуть в одночасье, разумеется, её возникновению предшествует период длительного накопления соответствующего знания, формирования своего понятийно-категориального аппарата, поиска собственных специфических способов познания и т.д. [10, с. 10]. Однако насколько следует растягивать этот подготовительный период формирования культурологии? Кого мы можем относить к числу предтеч и основоположников культурологии? Следует принимать во внимание также и то, что на протяжении длительного времени становление культурологии (точнее я бы сказал – «культурологического дискурса») происходило в рамках многочисленных культуроведческих наук (этнографии, истории культуры, искусствоведения, археологии, лингвистики, филологии и других). Что должно выступать в качестве критерия в определении точки перехода от «предшествующего накопления знания» к возникновению собственно культурологии? Что следует считать исходной, отправной точкой в её развитии, «точкой ноль»?

Необходимо с сожалением констатировать, что на настоящий момент отсутствует конвенционально выработанное понимание подлинных истоков и основных направле-

ний в развитии культурологии в их исторической ретроспективе. Существующие учебные пособия и исследовательские разработки по данной тематике за редчайшими исключениями затрагивают по большей части историю становления философских концепций культуры, но не историю собственно культурологической науки [см., напр.: 8; 9; 15; 20; 21]. Необходимо понимать, что далеко не всякое исследование, в котором рассматривается культура в целом или какая-то её часть, обладает культурологической спецификой и может быть отнесено к профилю культурологии [см.: 5] и соответственно – занимать место в истории культурологии. Слишком часто приходится сталкиваться с неким синкретическим суммативным представлением истории культурознания. В сознании авторов, пытающихся представить историю культурологии, происходит явное смешение качественно различных уровней в системе знаний о культуре – культуроведения, культурфилософии и культурологии, а следовательно, и траекторий их исторического развития. Как определить, что относится к культурологии, что – к культурфилософии, а что – к культуроведению, а что вообще к нашей области знания не относится? Какие учёные, созданные ими школы, предложенные ими методы, теории, подходы и направления наиболее важны и, следовательно, должны присутствовать в истории культурологии, а какие нет? Эти и другие эпистемологические проблемы изучения истории культурологии обуславливают весьма размытые и противоречивые представления о прошлом нашей науки.

Ситуация усугубляется ещё и тем, что отсутствие у культурологов ясного понимания того, кто они и откуда взялись, это беспомыслие о собственном прошлом,

естественным образом приводит к ещё одной проблеме – *проблеме восприятия культурологии и культурологов*. Вокруг культурологии роится множество предубеждений и мифологем (в числе наиболее въевшегося предубеждения можно назвать абсолютно несостоятельное представление о том, что культурология – это не более чем переименованная наследница исторического материализма и других советских идеологических дисциплин) [2, с. 10]. Незнание культурологами истории собственной науки делает их беспомощными, бессильными перед подобными дискредитирующими обвинениями, разного рода обидными и нелепыми предубеждениями, а также въевшимися штампами искажённого восприятия. Проблемы восприятия культурологии сказываются и на попытках выстраивания междисциплинарного сотрудничества с представителями других научных областей, и даже на востребованности культурологов на рынке труда. В связи с этим исключительное, просто жизненное значение приобретает необходимость *«эпистемологической защиты»* культурологии и самого права её на существование.

Следует признать, что в нашем знании о прошлом культурологии действительно множество зияющих лакун. Достаточно применить мемориальный подход (*memory studies*) к изучению истории культурологии, как это «беспамятство» культурологов будет особенно очевидно: налажено ли кем-то интервьюирование учёных, внесших значимый вклад в культурологию, чтобы в видеозаписи запечатлеть живой голос и образ наших классиков? Потом ведь локти кусать будем... Где документальные фильмы, освещающие и пропагандирующие научные достижения культурологии и культурологов? Кто задумывается о сохранении

архивов культурологических институций (в том числе и уже прекративших своё существование) и выдающихся культурологов (в том числе и уже ушедших)? Где искать эти архивные документы? А ведь это источниковая база для будущих исследований по истории культурологии. Где работы о «коллективной памяти» культурологов, изучает ли кто-нибудь функционирование «образов прошлого» нашего профессионального сообщества? Много ли мы занимаемся фиксацией «мест памяти» или особо значимых «памятных событий»? Даже 100-летие рождения идеи культурологии «забыли» культурологи отметить в 2009 году¹...

История науки – это форма её коллективной памяти, поэтому неизученность истории культурологии подобна *«коллективной амнезии»*. Это, в частности, озна-

¹ Напомню, что впервые этот замысел проекта по созданию культурологии был выдвинут Вильгельмом Фридрихом Оствальдом в его статье «Das System der Wissenschaften» («Система наук») и в развёрнутой форме в книге «Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft» («Энергетические основы науки о культуре»), изданных в 1909 году.

Со своей стороны, я несколько раз выступал с предложениями провести в 2009 году конференцию, симпозиум или хотя бы «круглый стол», посвящённый 100-летию культурологии. Однако мою инициативу тогда никто из культурологов не поддержал. Поэтому в начале 2010 года я вынужден был ограничиться докладом на тему *«Генезис культурологического знания: К 100-летию идеи культурологии»*, представленного на научно-практической конференции «Роль культурологии в современном мире» (в рамках IV Собрания Российского Научно-образовательного культурологического общества). На этой конференции присутствовал один из моих учителей – Э. С. Маркарян, патриарх отечественной культурологии, который не только горячо поддержал мой доклад, но и поделился некоторыми ценными воспоминаниями о своём личном общении и научном сотрудничестве с Л. Э. Уайтом, идеологических трудностях упоминания В. Ф. Оствальда в советское время в связи с обоснованием культурологии и т.д.

чает, что без знания истории своей науки каждому новому поколению культурологов приходится каждый раз повторять весь исследовательский путь «проб и ошибок» своих предшественников, начинать всё заново и, к сожалению, далеко не всегда решать встающие исследовательские задачи более эффективно. Из-за этого «научного беспамятства» проистекает полное незнание и непонимание того, что уже было достигнуто, а что требует своего настоящего изучения, расстановки исследовательских приоритетов и т.д. Ещё для античных авторов было очевидно: *«Не зная, что было до того, как ты родился, значит оставаться всю жизнь ребёнком»*. Перефразируя эту несомненно верную мысль, можно с полным основанием считать, что не зная историю культурологии – это значит уподобляться в своей профессиональной деятельности «несмышлёному ребёнку», «застрявшему в детстве», да так и «не выросшему» до «взрослого» профессионального культуролога. Следует с сожалением констатировать, что мы зачастую недооцениваем вклад наших великих предшественников и попросту не знаем их работ. Вместо прироста культурологического знания зачастую наблюдается лишь его переоткрытие, а ведь знание опыта своих предшественников могло бы существенно повысить эффективность культурологических исследований, импульсировать само развитие культурологии как науки в целом.

Можно сказать, что знание истории культурологии является своего рода *«банком идей»*: то, что вчера было не понято и не принято научным сообществом, сегодня представляется не имеющим ценности, завтра может оказаться интересным, важным и перспективным. Более того, наблюдается удивительный эпистемологический

эффект: в зависимости от разных контекстов и познавательных ситуаций, ментальных и когнитивных установок исследователя, в разное время одни и те же эвристически значимые культурологические идеи могут иногда по-разному восприниматься, интерпретироваться и открывать новые горизонты смыслов, оставаясь при этом самими собой. Эти обстоятельства необычайно *расширяют возможности выбора* культурологом наиболее нужных и подходящих ему в той или иной познавательной ситуации культурологических знаний, понятий, теорий, принципов, методов и т.д. Решая определённую научную проблему, культуролог всегда, вольно или невольно, соотносит себя с определённой научной школой, традицией, направлением или подходом. Знание истории культурологии помогает ему делать это осознанно, позволяя понять, где действительно новое, где давно или недавно забытое старое и как с помощью того и другого решать стоящие перед ним научные задачи.

Имеется ещё и *этическая* составляющая, актуализирующая важность знания истории культурологии: необходимо знать накопленный опыт наших выдающихся предшественников, их достижения и заблуждения, уважать их усилия и искания, ценить их вклад в нашу общую копилку знаний о культуре [2, с. 15–16]. В своё время В. М. Межуев вполне резонно предельно заострял вопрос о прямой зависимости между признанием права культурологии на существование и наличием у неё собственной истории и соответственно – заслуженных представителей в истории науки: «если есть особая наука под названием “культурология”, то кто её конкретно представлял в истории мысли?» [12, с. 9]. Так что без знания истории собственной науки – мы ни-

кто. Сколько ещё культурологи будут оставаться «Иванами, не помнящими родства»?

Все эти обстоятельства актуализируют необходимость в целенаправленном, планомерном, скоординированном и систематическом изучении истории культурологии, а также вызывают настоятельную потребность в научно-исследовательской и учебно-методической литературе, способствующей осмыслению и ясному пониманию особенностей возникновения и развития культурологии.

Научно-исследовательские и учебно-методические аспекты изучения истории культурологии. В чём состоит предмет истории культурологии? На основе каких фактов и источников можно проводить исследовательские реконструкции истории культурологии? Как изучать историю культурологии? В чём заключаются задачи этой научной области и учебной дисциплины? Известно, что любая история отвечает, в сущности, на несколько основополагающих вопросов: Что и как происходило? Когда и где это было? При каких обстоятельствах произошло? Почему это случилось? И каковы были последствия? Применительно к истории культурологии ответить на эти вопросы – значит дать представление о том, как возник тот тип знания, который получил наименование «культурология», как формировались специфические эпистемологические признаки, отличающие культурологию от всех иных способов познания культуры, что и как думали учёные о культуре, о способах её изучения, а также о том, в каких условиях они об этом думали и почему они думали так, а не иначе. Иными словами, если вспомнить крылатую мысль Леопольда фон Ранке, то задача историка культурологии – рассказать, «как всё происходило на самом деле» в рассматри-

ваемой им науке («Wie es eigentlich gewesen»). Задача эта, однако, отнюдь не так проста, как кажется некоторым авторам специализированных учебных пособий по истории культурологии, и требует предварительного решения целого ряда серьёзных теоретико-методологических проблем.

В научно-исследовательском отношении история культурологии представляет собой способ рефлексии накопленного опыта в познании культуры, что имеет самое непосредственное отношение не только к познанию прошлого нашей науки, но и совершенствованию её теоретических и методологических оснований в настоящем. Поэтому история культурологии в структуре культурологического знания – это не просто историческая дисциплина, посвящённая прошлому нашей науки, а один из смежных разделов на стыке исторической и теоретической культурологии.

Изучение становления культурологии в рамках имеющихся учебных планов, как правило, подразделяется на несколько дополняющих друг друга дисциплин: «История культурологической мысли», «История культурологии», «Современные исследования культуры», а также изредка встречающийся спецкурс «Источниковедение культурологии».

«История культурологической мысли» рассматривается мною как предваряющая вступительная часть этого общего курса. С моей точки зрения, эта часть курса должна быть посвящена *генезису представлений о культуре*, осознанию специфики мира человека в истории философской мысли, накоплению многообразного опыта постижения культуры и методов её изучения, формированию философии культуры и различных наук о культуре. Я бы предпочёл назвать этот вводный пропедевтический курс

не «История культурологической мысли», а «История изучения культуры», поскольку собственно «культурологическая» составляющая здесь, на самом деле, минимальна.

Условным водоразделом между курсом «История культурологической мысли» и собственно «Историей культурологии» я бы предложил считать *появление проекта культурологии как самостоятельной науки* по системно-целостному изучению культуры в её качественной специфичности (В. Ф. Оствальд, Л. Э. Уайт, Э. С. Маркарян).

В рамках курса «История культурологии», как мне кажется, следует освещать уже не только и даже не столько становление представлений о культуре, а *генезис самой культурологии*, осознание необходимости в преодолении фрагментированности, мозаичности, раздробленности в накопленных различными науками знаниях о культуре, а также появление потребности в особой науке, генерализующей и интегрирующей знания о культуре, выявляющей системообразующие основания культуры как целостности. Особое внимание должно уделяться постепенному складыванию *специфических культурологических принципов в изучении культуры*, формированию *особой исследовательской оптики познания культуры* в её системной сопряжённости и целостности. И конечно же, в рамках курса по истории культурологии необходимо рассмотреть возникавшие в различных науках о культуре ведущие направления, подходы и концепции, имеющие культурологический характер, а также основные пути развития собственно культурологии, её своеобразные формы в различных странах мира. Следует охарактеризовать причины актуализации культурологии в конце 1980-х – начале 1990-х годов, её укоренения в отечественной науке, про-

цессы оформления российской культурологии и образования различных институций культурологического профиля (НИИ, факультеты, кафедры и т.д.), а также процессы культурологизации в образовании и гуманитарных науках в 1990-х – 2000-х годах. При этом важно сделать акцент на особенностях формирования профессионального сообщества российских культурологов, осветить проблемы формирования их профессиональной идентичности и охарактеризовать объединительные тенденции в сообществе культурологов. Итак, в рамках учебного курса «История культурологии» следует представить пусть и неполное (в ситуации лимитированного количества часов на освоение дисциплины), но и отнюдь не хаотическое видение пройденного культурологией сложного и многовекторного пути развития, формирования специфически культурологических принципов в познании мира культуры, а также профессионального самосознания и самоопределения, складывания институциональных форм в организации научной и образовательной деятельности, самом сообществе культурологов и т.д.

В своих выступлениях на конференциях и некоторых публикациях я уже указывал на то, что главные трудности существующих на настоящий момент реконструкций истории культурологического знания связаны прежде всего с двумя принципиальными эпистемологическими проблемами: во-первых, **нечёткостью осознания «объекта развития», то есть понимания специфичности культурологии («историю чего мы реконструируем?»)**; и, во-вторых, **несовершенством теоретико-методологического инструментария реконструкций её истории («как изучать историю культурологии?»)** [2, с. 8–16].

Для того чтобы заниматься реконструкциями по истории культурологии, необходимо со всей отчётливостью осознавать и учитывать *специфичность* того объекта, историю которого мы реконструируем, то есть специфику культурологии как самостоятельной науки, которая имеет своей целью обобщённо-научное знание о культуре как целостности. И в этом смысле представляется важным и эвристически весьма плодотворным *принцип трёх уровней культурознания* [5]. В соответствии с этим принципом культурология – это, по существу, качественно особый уровень рассмотрения мира культуры, занимающий в системе культурознания промежуточное положение между абстрактно-философским (культурософия) и частно-дисциплинарным уровнями (культуроведение). Понимание этой специфической «фокусировки» культурологического уровня исследования чрезвычайно важно для адекватного выстраивания отношений культурологии и культурфилософии [14], равно как и связей с другими науками о культуре, использующими свой арсенал средств познания. И эти науки имеют собственную историю формирования, которая, естественно, зачастую оказывалась теснейшим образом взаимосвязанной с постепенным выделением культурологии как качественно особой области исследовательских практик и отдельной самостоятельной науки. «*За деревьями видеть лес*», за колоссальным вариативным многообразием культурных явлений видеть *инвариантное* – культуру в её системной сопряжённости и целостности. Вот исходная установка, заложенная в фундамент культурологии её основоположниками (В. Ф. Оствальд, Л. Э. Уайт, Э. С. Маркарян). Кстати сказать, в этом заключается принципиальное отличие культурологии от культурной антропо-

логии, нацеленной по преимуществу на постижение культурного много- и разнообразия, то есть *вариативности* форм и явлений культуры. Культурология же способна даже индивидуальное своеобразие, уникальность каждой культуры и её развития представить на обобщённом уровне. Именно эту отличительную черту культурологии Э. С. Маркарян обозначил как «*генерализирующая индивидуализация*» [3, с. 607–608].

Понимание этой специфической теоретико-методологической фокусировки культурологии, её промежуточного положения между абстрактно-философским и частно-дисциплинарными уровнями – мне представляется принципиальным. Конечно, эта дифференциация уровней культурознания (культурфилософия, культурология, культуроведение) достаточно условна и относительна. В конкретной исследовательской практике отдельных учёных эти уровни вполне успешно могут сочетаться и совмещаться. Но вместе с тем именно этот принцип задает чёткие ориентиры для понимания специфики генезиса культурологии и особенностей её формирования в исторической ретроспективе по отношению к философии культуры и по отношению ко всему сонму культуроведческих дисциплин (этнографии, истории культуры, искусствознанию, языкознанию и т.д.). Поэтому мне представляется, что не следует путать историю культурфилософии и культуроведения с историей собственно культурологии. Таким образом, я предложил бы рассматривать историю культурологии как процесс становления, развития и реализации *определённых признаков*, образующих специфическую область культурологического знания. Комплексный анализ этих признаков (онтологических, теоретико-познавательных, этико-нормативных и институционально-организационных)

позволяет надеяться, что речь идёт об истории именно культурологии. Даже прослеживая внешние по отношению к культурологии влияния (значение которых может быть достаточно велико), следует стремиться не смешивать эти влияния с собственно познавательными процессами внутринаучного генезиса.

Именно для преодоления этой трудности в изложении студентам истории культурологии мною был уже давно предложен довольно неожиданный для этой в общем-то исторической дисциплины, но весьма эффективно зарекомендовавший себя «методический ход» – «начать с конца», ставший одной из главных особенностей разработанного мною авторского курса [4]. Очевидно, что представление о том, что такое история культурологии, явно или неявно предполагает исходное понимание того, что такое сама культурология («здесь и сейчас»). в зависимости от того, что мы относим к собственно культурологии, мы очерчиваем её предметные и объектные, пространственные и временные границы, то есть определяем, где и когда имеет место её история. В соответствии с этой «ретроспективной» установкой, чтобы не путать историю культурфилософии и культуроведения с историей собственно культурологии, необходимо с самого начала отчётливо уяснить *специфику «культурологизма»* в изучении мира культуры, понять ключевые методологические особенности культурологического подхода (в сравнении с иными подходами к изучению культуры), а также представлять особенности современного состояния культурологии. Иными словами, начинать изложение истории культурологии следует не с Цицерона и первых попыток осмысления культуры как особой сферы бытия, а с общей характеристики *научной программы культу-*

рологии, выступающей своего рода аналогом *генетической программы* для любых самовоспроизводящихся систем (как биологических, так и социокультурных). Благодаря этому, казалось бы, простому ходу в изложении материала появляется возможность для решения и преодоления первой из указанных выше принципиальной методологической трудности в изучении и преподавании истории культурологии. Благодаря этой авторской методической новации у студентов (как хотелось бы надеяться) изначально закладываются чёткие ориентиры в понимании *порождающих культурологию теоретико-методологических принципов*, благодаря чему мы можем проследить генезис культурологической мысли, не заблудившись в сложных и зачастую не изученных ещё траекториях формирования культурологического дискурса в различных науках. Это ещё раз показывает плодотворность *генетического* (а не историко-хронологического) *подхода в изучении истории науки*: чтобы понять происхождение какого-либо явления, необходимо *выявить порождающую его сердцевину*, выяснить его наличное состояние, а уяснив это, искать истоки¹.

¹ В связи с этим приведу несколько достаточно показательных цитат, характеризующих ключевые особенности генетического анализа: «*Всякая видимость – мираж, а факты – не факты вне взаимной генетической увязки*» (Н. Я. Марр); «*Показать происхождение какого-нибудь явления – это значит показать систему его связности*» (О. М. Фрейденберг). Сам генетический метод был предложен и разработан И.-В. Гёте и И. Г. Гердером как одна из неотъемлемых методологических составляющих *холизма/органицизма* – универсального подхода, или, можно даже сказать, парадигмы в изучении объектов любой природы (органической, неорганической и сверхорганической, то есть социокультурной).

Кстати говоря, генетический метод был успешно использован, в частности, К. Марксом при анализе генезиса капитализма. В советское время хрестоматийной стала его фраза: «анатомия человека – ключ

Мною было показано, что существуют потенциально различные подходы в историко-культурологических исследованиях и они могут совершенно по-разному освещать историю культурологии [2, с. 8–16]:

- как историю культурологических идей, концептов, интуиций и понятий в процессе познания культуры;
- как многослойный и динамический комплекс, для которого характерно постепенное накопление культурологических знаний и переход в их концептуализации в новый контекст, дающий новую парадигматику и прагматику (архитектоника истории культурологии);
- как смену научных и мировоззренческих парадигм в понимании культуры;
- как персонологическую историю выдающихся учёных и мыслителей, внесших значимый вклад в развитие культурологии (биографика);
- как историю формирования профессионального сообщества культурологов;
- как изучение традиций конкретных научных школ и национальных научных традиций в истории культурологии;
- как историю развития дисциплин культурологического цикла (например, историческая культурология, фундаментальная культурология, прикладная культурология, этнокультурология, лингвокультурология и другие);
- как история культурологических институтов и учреждений (НИИ, кафедры, лаборатории, отделения и т.д.).

Моё предложение заключалось в том, чтобы не только по отдельности освещать

к анатомии обезьяны». Эту, казалось бы, неожиданную и парадоксальную мысль Маркс объяснял генетически: «... намёки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» (Маркс, Энгельс, том 12, с. 731).

эти разные пласты и грани культурологического прошлого, а стремиться к разработке многомерной теоретико-методологической модели истории культурологии, синтезирующей все возможные проекции её реконструкции и изучения [2, с. 13–14]. Иными словами, я предложил применить теоретико-методологический интегративный потенциал исследовательской оптики культурологии к изучению её же собственной истории во всей её многогранности, многомерности, многоуровневости и многоплановости.

Теперь после рассмотрения этой эпистемологической пропедевтики мы можем вернуться к одному из обозначенных в начале «больных вопросов»: на каком вообще основании мы причисляем того или иного учёного или мыслителя в состав культурологов? Это одна из тех проблем, которую поставил не только В. М. Межуев, но и вполне резонно постоянно поднимает в своих ярких антикультурологических выступлениях С. Д. Серебряный [18]. Культура является объектом исследования многих наук, и каждая из них в этом грандиозном объекте выделяет свое явление или сторону, свой предмет и соответствующий ему метод его изучения. Многие исследователи в области филологии, истории, востоковедения, археологии, искусствоведения перерастали рамки этих специальных наук, создавали обобщённые панорамы развития культуры различных народов, умели конкретное явление видеть в контексте развития всей системы культуры, разрабатывали узловые проблемы теории культуры. В таком случае их исследования приобретали культурологический уровень генерализации, а сами они в этой (и только в этой) части своих работ могут рассматриваться в качестве культурологов. На этом основании можно го-

ворить, что значительная роль в формировании историко-культурологического курса принадлежит Дж. Вико, И. Г. Гердеру, Н. Я. Данилевскому, К. Н. Леонтьеву, О. Шпенглеру и А. Ф. Лосеву, физико-химику В. Ф. Оствальду, писателю и антропософу Андрею Белому, языковеду и археологу Н. Я. Марру, психологам Л. С. Выготскому и А. Р. Лурии, культурантропологам Л. Э. Уайту и А. Л. Крёберу, историкам Л. Февру, М. Блоку, Ж. Ле Гоффу, Ж. Дюби, Ф. Броделю, востоковедам Н. И. Конраду и Е. А. Торчинову, филологам О. М. Фрейденберг, В. Я. Проппу, Д. С. Лихачёву, Ю. М. Лотману и С. С. Аверинцеву, историко-географу и этнологу Л. Н. Гумилёву, археологам А. П. Окладникову, В. М. Массону, В. С. Бочкарёву и многим другим учёным. Под их влиянием и благодаря осмыслению их работ в XX веке постепенно происходило формирование культурологического сознания, пробуждалось новое понимание человека, общества и истории.

Итак, проблематичность и дискуссионность существующих на настоящий момент реконструкций истории культурологического знания обуславливают весьма размытые и противоречивые представления о культурологии и самих культурологах, недооценку познавательного и прикладного потенциала этой науки, порождают множество мифологем и предубеждений против культурологии, которые самым негативным образом сказываются на её общественном восприятии и научном статусе.

История науки – неотъемлемая составляющая имиджа, престижа и авторитета любой дисциплины. Знание истории культурологии делает нас вооружёнными против любых попыток фальсификаций нашего

прошлого и соответственно – манипуляций нами сегодня. Поэтому следует всемерно приветствовать исследования, опирающиеся на солидную источниковую базу и посвящённые именно становлению собственно культурологии, различных этапов и знаковых событий её истории (С. Я. Левит, Г. В. Драч, В. В. Савельев, Л. А. Сугай, Е. В. Мареева, Г. А. Касьянов и другие), формированию её научной программы, «конститутивных», эпистемологических признаков как особой области знания (Э. С. Маркарян, И. М. Быховская, Г. В. Драч, К. И. Забулионите, Н. Вс. Исакова, Ю. В. Осокин, Ю. Н. Солонин, В. А. Ремизов, С. Л. Гертнер, Ю. В. Китов и др.). Очень полезны обстоятельные работы о научной деятельности и судьбах выдающихся учёных, внесших заметный вклад в формирование культурологии, создание научных школ, институций и т.д. (Г. В. Драч, Л. А. Закс, С. В. Лурье, Е. В. Мареева, В. И. Шаронов, М. М. Шибаева и другие). Интеллектуальное наследие не только одних зарубежных, но и отечественных культурологов из всех регионов России настоятельно нуждается в серьёзном научном изучении, осмыслении, генерализации, пропаганде и популяризации (С. Я. Левит, Л. А. Мостова, Л. М. Мосолова, И. В. Кондаков, Г. В. Драч и другие). Весьма перспективны и полезны исследования, посвящённые изучению процессов культурологизации в отдельных науках, различным культурологическим институциям, самому профессиональному сообществу культурологов и т.д. (Л. М. Мосолова, И. В. Кондаков, М. С. Уваров, Н. А. Хренов и другие). Автор настоящей статьи со своей стороны также делал по мере своих сил всё возможное в каждом из этих исследовательских направлений изучения и актуализации истории культурологии [см., напр.: 2; 3; 4].

Итак, хотелось бы ещё раз подчеркнуть: не стоит подменять историю культурологии изложением лишь одной бесконечной вереницы концепций культуры, это тоже важно, но – недостаточно. За этим кроются несомненные логические и содержательные подмены: истории науки – историей концепций, истории культурологии – историей культурознания и т.д.

Что даёт знание накопленного опыта развития культурологии? Прежде всего, знакомство и «интериоризация» достижений предшественников повышает методологическую культуру не только студентов, обучающихся по курсу «История культурологии», но и уже зрелых профессиональных исследователей, обращающихся к изучению истории культурологии. В общем, можно сказать, что освоение накопленного опыта развития культурологии аналогично овладению определённым капиталом или ресурсом. Историко-культурологическое знание, если оно имеется у культуролога, выступает его неотъемлемым интеллектуальным и культурным капиталом и таким же ресурсом. А дальше всё зависит от того, как мы сами сумеем этим «капиталом» распорядиться, приумножив интеллектуальные богатства наших знаменитых предшественников или бездумно растратив их.

Знание истории культурологии в значительной мере выполняет функцию *навигатора*, позволяющего быстро и успешно ориентироваться в море существующей литературы, лабиринтах зачастую ещё не изученных извилистых траекторий развития культурознания, сложностях понимания культурологических концепций, массиве самых разнообразных фактов и имён многочисленных учёных, внесших каждый свою лепту в копилку культурологии.

При этом историко-культурологическое знание обладает также не только собственно «знаниевой» функцией, но и программирующим, регулятивным, мотивирующим и консолидирующим потенциалом для современной культурологии и самого сообщества культурологов. Можно сделать вывод о том, что *представление об истории культурологии предопределено нашим исходным пониманием, что такое культурология и какова её научная специфика*. Вместе с тем хотелось бы заметить, что верно и обратное: *представление о том, что такое культурология, определяется тем, как осмыслена её история* (аналогичная эпистемологическая закономерность была выведена А. Б. Гофманом для взаимообусловленности между пониманием специфики социологии и способами представления её истории [7, с. 20]).

Эпистемология изучения истории культурологии органически и взаимнообразно связана с онтологией культурологии. Более того, если исходить из того, что наука – это весь массив научного наследия, непрерывно пополняемого и обновляемого, в том числе и на наших глазах, то тогда оказывается, что в известном смысле *история культурологии – это сама культурология*. Как и любая другая наука, культурология не должна ограничиваться лишь трансляцией научного наследия и воспроизводством уже открытого. Разумеется, её главным предназначением является генерация нового знания и тем самым движение вперед, но двигаться вперёд гораздо лучше и удобнее, зная опыт предшественников. В этом состоит диалектика научных традиций и новаций в истории культурологии, лишь на этой основе возможно научное творчество, культурологические прорывы и рождение нового знания о мире культуры. Таким образом, знание истории культурологии, будучи са-

моценным, в то же время играет эвристическую роль, служит основой для получения нового знания и способствует формированию науки будущего.

И наконец, последний и, возможно, один из самых важных выводов: история культурологии – форма её коллективной памяти, и как таковая она является консолидирующей основой *идентичности* членов

научного сообщества [2, с. 14]. В этом смысле знание истории культурологии выступает фундаментом, одной из базовых составляющих в научном самоопределении, самопознании, самообосновании культурологической науки, а также в формировании профессионального самосознания культурологов, осознании своей научной и общественной миссии.

Список литературы

1. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры : Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков. 2-е издание, испр. и доп. Москва : ОГИ, 2001. 344 с.
2. Бондарев А. В. История культурологии: память научного сообщества и проблема самоидентификации // Человек в мире культуры. 2014. № 3. С. 8–16.
3. Бондарев А. В. Третье рождение культурологии : Вклад Э. С. Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и составитель А. В. Бондарев. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. С. 563–625.
4. Бондарев А. В. История культурологии. Методическое пособие. Санкт-Петербург : Астерион, 2019. 136 с.
5. Быховская И. М. Изучение культуры : горизонталь и вертикаль // Александрова Е. Я., Быховская И. М. Культурологические опыты. Москва : РИК, Типография Россельхозакадемии, 1996. С. 31–42.
6. Гертнер С. Л., Китов Ю. В. Культурология как реальность и перспектива общественного развития // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29-2. С. 13–18.
7. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии : учебное пособие. 9-е издание. Москва : Книжный дом «Университет», 2015. 240 с.
8. Иконникова С. Н. История культурологии : учебник для академического бакалавриата. 3-е издание, перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2018. 416 с.
9. История культурологии / С. С. Неретина, А. П. Огурцов, В. М. Межуев, Ф. Т. Михайлов. Москва : Гардарики, 2006. 383 с.
10. История культурологии : учебник для бакалавров / В. М. Дианова, Ю. Н. Солонин. 3-е издание, испр. и доп. Москва : Юрайт, 2017. 461 с.
11. Касьянов Г. А. Дисциплина с тёмной историей: мифы об истоках культурологии и их критика // XX Юбилейные Царскосельские чтения. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург : Издательство ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2016. С. 95–102.
12. Культурология как наука : за и против : круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 года / [науч. ред. : А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий]. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2009. 102 с.
13. Культурология как она есть и как ей быть / глав. ред. Л. Морева. Санкт-Петербург : Эйдос, 1998. 406 с. (Международные чтения по теории, истории и философии культуры ; Вып. 5).
14. Мареева Е. В. Культурология или философия культуры : истоки методологического конфликта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1 (99). С. 52–61. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-199-52-61>
15. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. Москва : Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

16. Савельев В. В. Генетические и генезисные истоки отечественной культурологии // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2005. № 1. С. 62–68.
17. Савельев В. В. О преемственности в культурологии // Управленческое консультирование. 2007. № 2. С. 206–218.
18. Серебряный С. Д. Есть ли такая наука – «культурология»? // Филология – искусствознание – культурология : новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы Международной научной конференции (2–4 апреля 2009 г., Белые Столбы) / отв. ред. Н. А. Кочеляева, К. Э. Разлогов. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. С. 141–150.
19. Сугай Л. А. Культура и культурология – термины и понятия (русский, славянский и общеевропейский контекст). Vanska Bysrica : UMB, Belianum, 2019. 182 с.
20. Трофимова Р. П. История культурологии в России : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2018. 473 с.
21. Щавелёва М. Б. История культурологии : учебное пособие. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, 2013. 131 с.
22. Laruelle, Marlène. La culturologie: un nouveau “prêt-à-penser” pour la Russie? *Diogenè*. Paris, 2003, n°204, décembre, pp. 25–45.
23. Scherrer, Jutta. *Kulturologie – Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität*. Göttingen : Wallstein Verlag, 2003. 192 s.

References

1. Asoyan Yu., Malafeev A. *Discovery of the Idea of Culture: The Experience of Russian Culturology of the Middle XIX – Early XX Centuries*. 2nd edition. Moscow, United Humanitarian Publishers, 2001. 344 p. (In Russ.).
2. Bondarev A. V. The history of culturology: the memory of the scientific community and the problem of self-identification. *Man in the world of culture*. 2014, no. 3, pp. 8–16. (In Russ.).
3. Bondarev A. V. The third birth of culturology: E. S. Markaryan’s contribution to the development of a culturological theory of culture. In: Markaryan E. S. *The science of culture and the imperatives of the era*. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, University Book Publishing House, 2014. Pp. 563–625. (In Russ.).
4. Bondarev A. V. *History of culturology*. St. Petersburg, Asterion Publishing House, 2019. 136 p. (In Russ.).
5. Bykhovskaya I. M. Studying culture: horizontals and verticals. In: Aleksandrova E. Ya., Bykhovskaya I. M. *Culturological experiments*. Moscow, RIK, Printing House of the Russian Agricultural Academy, 1996. Pp. 31–42. (In Russ.).
6. Gertner S. L., Kitov Yu. V. Culturology as reality and perspectives of social development. *Vestnik of Kemerovo state university of culture and arts*. 2014, no. 29-2, pp. 13–18. (In Russ.).
7. Gofman A. B. *Seven lectures on the history of sociology*. 9nd edition. Moscow, Publishing House “University”, 2015. 240 p. (In Russ.).
8. Ikonnikova S. N. *History of culturology*. 3rd edition. Moscow, Publishing URAIT, 2018. 416 p. (In Russ.).
9. Neretina S. S., Ogurtsov A. P., Mezhuiev V. M., Mikhailov F. T. *History of culturology*. Moscow, Gardariki Publishing House, 2006. 383 p. (In Russ.).
10. Dianova V. M., Solonin Yu. N. *History of culturology*. 3rd edition. Moscow, Publishing URAIT, 2017. 461 p. (In Russ.).
11. Kasyanov G. A. Discipline with a dark history: myths about the origins of culturology and their criticism. In: *XX Anniversary Tsarskoye Selo readings. Materials of the International Scientific Conference*. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publishing House, 2016. Pp. 95–102. (In Russ.).
12. Guseinov A. A., Zapesotskii A. S., eds. *Culturology as a science: pros and cons: Round Table, Moscow, February 13, 2008*. St. Petersburg, Publishing House of the Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2009. 102 p. (In Russ.).

13. Moreva L., ed. *Culturology as it is and how it should be*. St. Petersburg, Eidos Publishing House, 1998. 406 p. (In Russ.).
14. Mareeva E. V. Culturology or philosophy of culture: the origins of methodological conflict. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 1 (99), pp. 52–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-199-52-61>
15. Mezhuev V. M. *The idea of culture. Essays on the philosophy of culture*. Moscow, Publishing House «Progress-Tradition», 2006. 408 p. (In Russ.).
16. Saveliev V. V. Genetic and genesis origins of Russian culturology. *Scientific notes of the Russian State Social University*. 2005, no. 1, pp. 62–68. (In Russ.).
17. Saveliev V. V. On continuity in culturology. *Management consulting*. 2007, no. 2, pp. 206–218. (In Russ.).
18. Serebryanyi S. D. Is there such a science – “culturology”? In: Kochelyaeva N. A., Razlogov K. E., eds. *Philology – art studies – culturology: new watersheds and prospects for interaction: materials of the International Scientific Conference (April 2-4, 2009, White Stolby)*. St. Petersburg, Nestor-History Publishing House, 2009. Pp. 141–150. (In Russ.).
19. Sugai L. A. *Culture and Culturology – Terms and Concepts (Russian, Slavic and European Context)*. Banska Bysrica, UMB, Belianum, 2019. 182 p. (In Russ.).
20. Trofimova R. P. *The history of culturology in Russia*. Moscow, Publishing URAIT, 2018. 473 p. (In Russ.).
21. Shchaveleva M. B. *History of culturology*. Nizhny Novgorod, Publishing House of Lobachevsky State University, 2013. 131 p. (In Russ.).
22. Laruelle, Marlène. La culturologie: un nouveau “prêt-à-penser” pour la Russie? *Diogène*. Paris, 2003, n°204, décembre, pp. 25–45.
23. Scherrer, Jutta. *Kulturologie – Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität*. Göttingen : Wallstein Verlag, 2003. 192 s.

*

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 008:321.01

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-23-30>

В. А. Тихонова

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tikhonovava@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются предпосылки формирования социального государства в контексте изменения гуманистического вектора в развитии национальных государств Западной Европы. Показаны различные подходы к решению проблемы бедности в государстве «всеобщего благоденствия». На основе философско-культурологической рефлексии проблемы социального государства, представленной, в частности, на «круглом столе» Института философии РАН и ЦИСИ (март 2019 года), автор характеризует роль политической культуры в формировании социального государства в России и уточняет соответствующий концепт. Проанализирован поиск новой модели социального государства, направленной на разрешение противоречия между социалистическими и неолиберальными стратегиями в государственной политике западных стран. Автор утверждает позитивную роль элементов коллективизма и патриотизма в составе русской национальной идеи, а также традиционной поддержки большинством народа государственной политики в качестве основания российской политической культуры. Актуализируя внимание к концепту социального государства, автор указывает на необходимость расширения пространства исследования политической культуры в формировании российской модели социального государства, в сочетании с методами социологии, политологии и других социальных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: социальное государство, российская политическая культура, национальная идея, национальное государство, индивидуализм, коллективизм, патриотизм.

Для цитирования: Тихонова В. А. Концепт социального государства и политическая культура современного российского общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 23–30. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-23-30>

CONCEPT OF SOCIAL STATE AND POLITICAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Valeriya A. Tikhonova

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: tikhonovava@mail.ru

Abstract: The article deals with the prerequisites of the social state formation in the context of changing humanistic vector in the development of national states of Western Europe. Different approaches to solving the problem of poverty in the welfare state are shown. Based on the philosophical and cultural reflection of the problem of the social state, presented, in particular, at the Round Table of the Institute of Philosophy

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор, эксперт управления научной работой, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVNA – DPhil, Professor, expert in scientific work management, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

© Тихонова В. А., 2021

of RAS and CISI (March 2019), the author characterizes the role of political culture in the formation of the social state in Russia and in clarifying the relevant concept. The search for a new model of social state aimed at resolving the contradiction between socialist and neoliberal strategies in public policy of Western countries is analyzed. The author argues for the positive role of the elements of collectivism and patriotism in the composition of the Russian national idea, as well as the traditional support of the majority of the people for the state policy as the basis of Russian political culture. Actualizing the attention to the concept of social state, the author points out the need to expand the space of political culture research in the formation of the Russian model of social state, combined with the methods of sociology, political science, and other social and humanitarian sciences.

Keywords: social state, Russian political culture, national idea, nation-state, individualism, collectivism, patriotism.

For citation: Tikhonova V.A. Concept of social state and political culture of modern Russian society. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 23–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-23-30>

В многообразном пространстве культурного бытия именно политическая культура играет существенную роль в формировании культурно-исторической модели государства, которая наиболее адекватна ситуации, времени, эпохе. И в современных условиях она так или иначе подчинена задаче консолидации общества, обеспечению благополучия народа и стабильности международных отношений.

В наши дни политическая культура российского общества сопряжена с конституционно-правовыми принципами социального государства. В положениях второй части седьмой статьи российской Конституции декларируются гарантии «достойной жизни» и «свободного развития человека», что в современных условиях выражает перспективы развития России.

Идея социального государства составляет концептуальную основу изучения современного российского общества, и это способствует реализации гуманистического вектора развития страны. Но где и как зародилась идея социального государства? Расходилась ли теория социального государства с практикой?

Эти вопросы важны для России и её политической культуры ещё и потому, что

в XX веке для нас была актуальна идея социалистического государства. Так в чём же социальное государство расходится с социалистическим?

Предпосылки феномена социального государства можно обнаружить уже у истоков западноевропейской цивилизации XVII–XVIII столетий, а вернее, у истоков буржуазного рыночного общества, которое формировалось одновременно с демократическим правовым государством. В условиях классического капитализма одно не мыслилось без другого, и на фоне Великой французской буржуазной революции с её лозунгами Свободы, Равенства и Братства социальные преобразования сочетались со стремлением преодолеть не только политическое, но и социальное неравенство, нищету и бедность больших масс населения. Одновременно в западноевропейской философской мысли XVII–XVIII веков шло переосмысление представлений об «общественном благе», что сочеталось с идеей рационального устройства национального государства.

В разрешении социальных проблем государством нового типа доминировала идея

всесилия человеческого разума. Как отмечал в дискуссиях о природе социального государства Ю. Д. Гранин, достижения философской мысли и успехи естественных наук формировали «убеждение о рациональном устройстве природы и общества и “всесильности” человеческого Разума» [2, с. 14]. В контексте таких рационалистических убеждений и сформировалась в английской политической экономии идея «невидимой руки рынка», которая предполагала, что национальный рынок обладает своей внутренней экономической логикой, уравнивающей потребности и интересы его субъектов и тем самым обеспечивая благополучие общества в целом.

Обратим внимание на то, что в работе основоположника английской политэкономии Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» гармоничное устройство и богатство общества обеспечивается не столько рациональной политикой государства, сколько «разумностью» рыночного механизма. Но в то же время развитие рынка и буржуазного общества не сглаживало, а обостряло социально-экономические противоречия, что провоцировало представления о неизбежности социального неравенства, вина за которое возлагалась на самих бедных и униженных. Как пишет Гранин, социальное неравенство и повсеместная бедность уже в работах французских просветителей, в частности Ж.-Ж. Руссо и Д. Дидро, «объявлялись неустранимыми, так как будто бы постоянно провоцировались “неутолимой жаждой размножения” низших слоёв, которая якобы будет только увеличиваться по мере повышения им заработной платы и перераспределения общественного богатства в их пользу» [2, с. 140].

Развитие западноевропейской цивилизации и усиливающееся недовольство низших слоёв общества ослабляли веру в безусловную разумность и экономической жизни и государства, и всё это, в свою очередь, вело к популярности представлений об ответственности государства за реализацию политических и социальных прав человека. Так, в XIX столетии стало возрастать и усиливаться социалистическое движение и формироваться социалистическая идеология. И это оказало значительное воздействие на внутреннюю политику многих европейских стран.

В то же время, как отмечает Гранин, игнорирование подлинных причин неравенства и бедности поддерживалось верой в то, что рационально устроенное государство при накале социального напряжения в условиях развития промышленной революции способно реализовать проблему его снятия, даже когда «произошла переориентация социальной политики от абстрактной идеи социальной справедливости в сторону её практической реализации» [2, с. 15].

Здесь тот пункт, в котором разошлись в XIX–XX столетиях пути разных представителей социал-демократии в борьбе за социальную справедливость. Одни из них были настроены на усиление роли государства во всех областях жизни, включая экономику, что и привело затем к идее огосударствления экономики и ликвидации частной собственности на средства производства. Другие социал-демократы связывали социалистическое развитие с усилением роли государства в условиях сохранения частной собственности и рыночного хозяйства. Первые в XX веке стали строить в СССР социалистическое государство. Вторые вступили на долгий путь формирования социального государства в западных странах.

XIX–XX столетия ознаменовались острой борьбой двух указанных стратегий в социал-демократической среде. Те, кто боролись за права низов в условиях рынка, были вынуждены выстраивать долгие и сложные взаимоотношения с существующим буржуазным правовым государством, которое в XX веке постепенно трансформировалось в то, что мы сегодня именуем «социальным государством».

Принято считать, что основы социального государства были заложены в Германии 1880-х годов во времена правления канцлера Отто Бисмарка. И это сопровождалось введением государственного страхования от несчастных случаев на производстве, финансированием медицинской помощи, введением пособия по болезни и государственным страхованием граждан, что, начиная со второй половины 1880-х годов было конституционно закреплено в ряде стран.

Понятно, что серьёзное влияние на правительства и социал-демократические партии Европы оказала социальная политика советского государства. Опыт СССР во многом помогал противостоять в западных странах политической модели, соответствующей идеологии неолиберализма. Сторонники неолиберализма в прошлом и настоящем, подобно Смиту, склоняются к тому, что определяющим в жизни общества является развитие рыночной экономики, за счёт чего растёт общественное богатство, причём даже ценой социального неравенства. В противоположность им, сторонники «социального государства» на первый план ставят социальную справедливость, которую везде, включая экономическую жизнь, можно обеспечить силами не рынка, а государства, профсоюзов и общественных организаций.

Если оценивать развитие социального государства в постиндустриальном обществе, то может сложиться впечатление, подчёркивает Н. И. Лапин, что европейское государство этого периода является социально защищённым, способным обеспечивать «приемлемый уровень жизни уязвимых слоёв населения» [5, с. 8]. На «круглом столе», организованном Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) и Институтом философии РАН в марте 2019 года, речь шла о гуманистической функции социального государства, в основе которого принцип повышения качества жизни как «далеко выходящий за пределы социальной политики и означающий преодоление социального отторжения человека, его включение в систему социальной безопасности общества» [4, с. 8]. И тем не менее вопрос о гуманизации современного общества нельзя считать решённым. С 80–90-х годов XX века даже в странах «золотого миллиарда» нарастает противодействие этому движению со стороны мирового рынка. И само современное государство, которое должно следовать принципу социальной ответственности, всё чаще, как отмечает английский исследователь К. Раймон, «провозглашает свою приверженность ценностям рыночной демократии» [5, с. 91]. Более того, в условиях значительного обострения борьбы за рынки сбыта и сферы влияния крупных монополий, по словам Н. Н. Федотовой, «государственное вмешательство в экономику всё более обвинялось в неэффективности; в результате процессов глобализации выросло значение мирового рынка» [9, с. 20].

Как пишет В. С. Малахов, «определённая асимметрия между императивами рынка и императивами общественного блага сопровождала государство с момента формирования капитализма» [5, с. 91]. И в наши

дни это противостояние не исчезает. Современная действительность свидетельствует, что по-прежнему нерешённой остаётся проблема бедности. В современных условиях даже развитые европейские государства способны отказываться от обязательств перед своими гражданами при решении злободневных социальных проблем. Изменение вектора в действиях европейского социального государства в сторону поддержки крупных монополий и, соответственно, сокращения расходов на нужды незащищённых слоёв населения, провоцирует усиление социального расслоения не только в отдельных странах, но и на глобальном уровне. И это диссонирует с самой сутью и принципами социального государства, негативно влияя на внутривнутриполитическую ситуацию в стране и международные отношения в мире. При этом представление о «мы» как единстве народа и государства легко заменяется формулой «каждый за себя».

Такая постановка вопроса актуализирует интерес к национальной ментальности, мировоззренческим основам взаимодействия личности и государства, к сути национальной идентичности. На примере Великобритании можно убедиться, замечает Н. Н. Федотова, что, как только после предшествующей социальной политики, создававшей иллюзию совпадения интересов личности и государства, были увеличены выгоды промышленности в сторону всё большей прибыли, «национальная идентичность оказалась под вопросом, и социальное государство фактически демонтировалось» [9, с. 19]. Как справедливо отмечают британские исследователи, неолиберальные реформы в сфере социальной политики Великобритании (и не только этой страны. – В. Т.), привели к тому, что «люди стали чаще сомневаться в том, что

они должны хранить верность британскому государству, которое постоянно уменьшает количество услуг» [9, с. 20]. Фактически это свидетельствует о нарастании кризисных явлений в области национальной идентичности даже в условиях современного социального государства, что является, по мнению К. С. Гаджиева, «результатом разочарования в господствующих идеалах и ценностях, падения доверия к ним и к существующей власти» [1, с. 11].

Не вдаваясь в анализ показателей снижения эффективности социального государства в западных странах, отметим сопровождающее эти процессы ослабление стабильности международных отношений, угрожающее системе глобальной безопасности. Характеризуя эту ситуацию, президент В. В. Путин в выступлении на форуме в Давосе 31 января 2021 года, в частности, сказал: «Мы видим кризис прежних моделей и инструментов экономического развития. Усиление социального расслоения как на глобальном уровне, так и в отдельных странах. Об этом мы и раньше говорили. Но это, в свою очередь, сегодня вызывает резкую поляризацию общественных взглядов, провоцирует рост популизма, правового и левого радикализма, других крайностей, обострение и ожесточение внутривнутриполитических процессов в том числе в ведущих странах» [7]. Всё вышесказанное подтверждает актуальность поиска новых моделей государства, несущих ответственность за свою социальную политику. А это, в свою очередь, предполагает дальнейший анализ концепта социального государства, его роли в эволюции национальных государств в Европе в свете гуманистического вектора развития российской государственности. При этом в условиях своеобразного «демонтажа» западной модели социально-

го государства нам не обойтись без анализа политической культуры и национального менталитета как условия новых моделей социального государства.

При определении контуров новой модели социального государства особенно значим учёт ценностных, морально-этических основ того или иного общества, отражающих ментальные черты нации. И если морально-этической предпосылкой кризиса европейского социального государства стал изначально присущий буржуазному обществу индивидуализм и меркантилизм, то позитивным моментом в российской модели социального государства может выступить коллективизм и приверженность народа своей государственности, что является основополагающей ментальной чертой нашего народа, выраженной в его национальной идее [8].

Исходя из признания того, что идентичность народа – продукт национальной истории и культуры, неудивительно, что самосознание нашего народа основано на приверженности государству как центру собирания земель и единения различных этносов в единую нацию. Самим ходом истории было сформировано отношение к государству как гаранту защиты национального суверенитета, правды и справедливости, что и определило патриотизм народа, его священный долг служению государству, сотрудничеству с ним в решении общих дел.

Д. И. Менделеев, отмечая особенности создания российской империи, обращал особое внимание на то, что в многообразии этносов, в их единстве заключается сила России, преимущество её цивилизационного развития [6, с. 310]. Выраженная в фило-

софских трудах отечественных мыслителей «русская идея» основывалась на традициях именно такого отношения к государству, на том, что в противовес индивидуализму западного человека в душе русских людей общий интерес всегда преобладал над частным, что и выразилось в идеологии соборности. Известный философ И. А. Ильин особо выделял ценность духовной общности государства и его граждан. Он писал об осознании гражданином своей ответственности за судьбу государства, принятии «интереса государства так, как он принимает свой собственный» [3, с. 489].

Подобное восприятие миссии государства по реализации чаяний народа проявляло себя и в сознании советских людей, в позитивном влиянии СССР на другие государства. «При всех ныне хорошо известных изъянах и пропагандистских мифах, – пишет Н. И. Лапин, – ликвидация неграмотности, бесплатное всеобщее начальное, затем среднее и высшее образование, бесплатное медицинское обслуживание, гарантии труда и отдыха, пенсионное обеспечение и многие другие социальные обязательства стали примером социальной политики, которую демонстрировало социалистическое государство, и в немалой степени стимулировали утверждение социальных государств в развитых западных странах. Такой была реальность, и она не должна замалчиваться или принижаться» [4, с. 8].

Российское государство в наши дни пытается следовать этим традициям. Уже существующие проекты развития системы здравоохранения, направленные на сбережение народа, проекты решения демографической проблемы и помощи молодой семье, совершенствования системы образования, пенсионного обеспечения в совокупности со многими другими мерами, в том

числе по включению новаций информационной сферы в среду нашего обитания, свидетельствуют об ответственном подходе к реализации конституционно закреплённых функций социального государства.

В основе такого подхода заложены методы, призванные обеспечить устойчивое и гармоничное развитие страны и реализации потенциала человека. Это коррелируется с положениями Конституции РФ о достойной жизни и свободном развитии человека и в целом определяет гуманистический вектор российского социального государства, что, однако, не отменяет сложностей и противоречий на этом пути.

К актуальным нерешённым проблемам по-прежнему относится проблема бедности, значительный разрыв в уровне жизни и доходах разных слоёв населения, что требует постоянного внимания и эффективных методов их решения. И здесь особо значим учёт нравственных и правовых аспектов разрешения проблем. При этом значима роль политической культуры, учитывая, что её основополагающие принципы, которые отражают взаимодействие государства и личности, соотносятся с гражданской ответственностью по обеспечению стабильности общества. Всё это как раз и является условием успешного функционирования социального государства, его развития «по иной, позитивной, гармоничной и созидательной траектории» [7]. При этом следует учесть перспективу создания комфортной среды для жизни каждого, его уверенности в том, что в своей политике государство руководствуется принципом «люди – не средство, а цель» [7]. Убедительность указанной траектории подтверждается выводами о том, что без эффективных действий социального государства решение социально-экономических и прочих

проблем, раскалывающих общество, даже с устоявшимися демократическими институтами, бесперспективно.

Следует также иметь в виду, что несмотря на негативные социальные последствия, вызванные сокращением социальных гарантий, социальное государство остаётся популярной идеей во многих странах. Его черты мы наблюдаем в социальной политике Германии, Австрии и Скандинавских стран. При этом, как замечает Н. Н. Федотова, концепт социального государства «наполняется разным содержанием в зависимости от социокультурной специфики и уровня социального, экономического и политического развития стран» [9, с. 21].

В связи с этим становится очевидным, что модель успешного социального государства должна быть обеспечена не только созданием условий для достойного уровня жизни каждого человека, но гарантией согласованности усилий государства и устремлений его граждан, что и составляет основу традиций российской государственности, суть политической культуры российского общества.

Мы хотим завершить анализ проблемы, обозначив перспективы её дальнейшего исследования, представленные у Н. И. Лапина, который указал на возможность создания нового научного направления – «конституционно-социальная философия», а шире «конституционные социогуманитарные исследования». При этом подчёркивалась целесообразность сочетания социально-философской методологии с методами социологии, политологии и других социальных и гуманитарных наук. И здесь, на наш взгляд, важную роль играет культурология и философия культуры, ориентированные на анализ традиционных ценностных основ политической культуры российского общества.

Список литературы

1. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
2. Гранин Ю. Д. Социальное государство: факторы становления // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 11–16.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Избранное / сост., авт. коммент. : Т. А. Филиппова, П. Н. Баратов ; авт. вступ. ст. : Т. А. Филиппова. Москва : РОССПЭН, 2010. С. 300–528.
4. Лапин Н. И. Социальное государство как конституционный принцип России // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 3–105.
5. Малахов В. С. Национальное государство, национальная культура и национальный суверенитет // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 87–94.
6. Менделеев Д. И. Дополнения к познанию России: посмертное издание с портретом автора. Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1907. 107 с.
7. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938>
8. Тихонова В. А. Национальная идея в системе государственной идеологии: культурно-исторический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 6–13.
9. Федотова Н. Н. Социальное государство – результат эволюции национального государства // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 17–21.

References

1. Gadzhiev K. S. National identity: conceptual aspect. *Problems of philosophy*. 2011, no. 10, pp. 3–16. (In Russ.).
2. Granin Yu. D. Social state: formation factors. *Problems of philosophy*. 2019, no. 10, pp. 11–16. (In Russ.).
3. Ilyin I. A. The path of spiritual renewal. In: Ilyin I. A. *Selected works*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2010. Pp. 300–528. (In Russ.).
4. Lapin N. I. The welfare state as a constitutional principle of Russia. *Problems of philosophy*. 2019, no. 10, pp. 3–105. (In Russ.).
5. Malakhov V. S. National state, national culture and national sovereignty. *Problems of philosophy*. 2011, no. 9, pp. 87–94. (In Russ.).
6. Mendeleev D. I. *Additions to the cognition of Russia: posthumous edition with a portrait of the author*. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publishing House, 1907. 107 p. (In Russ.).
7. *Davos Agenda 2021 Online Forum Session*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (In Russ.).
8. Tikhonova V. A. National idea in the system of state ideology. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2019, no. 5 (91), pp. 6–13. (In Russ.).
9. Fedotov N. N. Welfare state is a result of the nation-state's evolution. *Problems of philosophy*. 2019, no. 10, pp. 17–21. (In Russ.).

*

ПРИРОДЕ ЗНАКОВ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

УДК 130.2:930.85

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-31-45>

Г. В. Гриненко

Всероссийская академия внешней торговли, Москва, Российская Федерация, e-mail: loglingw@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о природе трёх основных типов знаков – иконических, индексов и символов. Центральная проблема данной статьи – характер мотивации при установлении отношения обозначения для этих типов знаков. Для выявления характера первичной мотивации в первобытном пред-логическом мышлении для иконических знаков и знаков-индексов предлагается обращение к закону партиципации, сформулированному Л. Леви-Брюлем. Современные исследования когнитивных процессов и работы в области фоносемантики в определённой степени подтверждают данный вывод. Появление чисто условных знаков – символов – связано с развитием абстрактного мышления. Термин «символ» в семиотике и в историко-культурной традиции имеет принципиально разное значение.

Ключевые слова: знак, иконический знак, знак-индекс, символ, отношение обозначения, эффект «буба-кики», фоносемантика.

Для цитирования: Гриненко Г. В. О природе знаков: культурно-историческая перспектива // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 31–45. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-31-45>

ABOUT THE NATURE OF SIGNS: A CULTURAL AND HISTORICAL PERSPECTIVE

Galina V. Grinenko

Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation, e-mail: loglingw@mail.ru

Abstract: The article discusses the nature of the three main types of signs – iconic, indexes and symbols. The central problem of this article is the nature of motivation in establishing the designation relationship for these types of signs. To identify the nature of primary motivation in primitive pre-logical thinking for iconic signs and index signs, an appeal to the law of participation formulated by L. Levi-Bruhl is proposed. Modern studies of cognitive processes and work in the field of phonosemantic to a certain extent confirm this conclusion. The appearance of purely conventional signs - symbols - is associated with the development of abstract thinking. The term “symbol” in semiotics and in the historical and cultural tradition has fundamentally different meanings.

Keywords: sign, iconic, index, symbol, designation relation, “buba-kiki” effect, phonosemantics.

For citation: Grinenko G. V. About the nature of signs: a cultural and historical perspective. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 31–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-31-45>

ГРИНЕНКО ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории государства и права Всероссийской академии внешней торговли

GRINENKO GALINA VALENTINOVNA – DPhil, Professor at the Department of History and Theory of State and Law, the Russian Foreign Trade Academy

© Гриненко Г. В., 2021

Чарльз Моррис, внёсший большой вклад в развитие семиотики, однажды заметил: «Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков, – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [11, с. 37–38]. С этими словами перекликается и определение Э. Кассирером человека как «символизирующего существа», а культуры – как «символической реальности» [7]. Причём развитие человеческой цивилизации сопровождается постоянным ростом «символической реальности», а темпы её роста значительно опережают материальное развитие человечества, стимулируя его и подталкивая. Ведь прежде чем что-то появится в реальности, оно должно родиться в человеческом сознании в виде структурированной группы знаков. Появление виртуальной реальности и погружение в неё громадного количества людей, так же как и кардинальное увеличение числа симулякров в современной культуре, является естественным этапом этого развития.

Осознание роли знаков в культуре привело к созданию семиотики – общей науки о знаках, активно развивавшей со второй половины XIX века. Если лингвистика изучала только языковые знаки (устного и письменного естественного языка), то предметом исследования в семиотике стали знаки любой природы, то есть знаки вообще и состоящие из них знаковые системы. Не случайно, что в XX веке стали развиваться даже такие направления, как семиотика архитектуры, кино, ландшафтов и т.д., и т.п. Именно в семиотике появились общие определения таких фундаментальных понятий, как «знак», «значение» («денотат»), «отношение обозначения», «смысл»,

«семиотический треугольник», были выделены основные типы знаков и т.п. В рамках семиотики была выявлена и роль субъекта-пользователя, который, собственно, и использует один объект для обозначения, представления, презентации другого. Однако при этом вопрос о том, как и почему один объект может стать знаком другого, оставался недостаточно изученным. В последнее время был проведён ряд исследований (в нейрофизиологии, фоносемантике и других областях), позволяющих несколько продвинуться в этом направлении. Но, как нам представляется, при этом всё ещё недооценивается роль истории культуры. А именно она во многом определяет сознание разных субъектов и закрепляет определённый смысл за теми или иными знаками в социуме. Ведь человек – это социальное существо, и знаки он использует в общении с другими субъектами. Так что важно не только то, какой смысл один субъект первоначально вкладывает в тот или иной знак, но и то, какой смысл другие субъекты усматривают в этом знаке и какой смысл закрепился за этим знаком в социуме. А эти смыслы могут различаться как в силу различия между индивидуальными сознаниями разных субъектов (с различным жизненным опытом и профессиональной подготовкой, принадлежащих к разным культурам и т.п.), но и в силу развития языка (естественного или искусственного) – системы знаков, в которую входит данный знак. В «Алисе в Зазеркалье» у Л. Кэрролла [9] есть примечательный в этом смысле диалог Шалтая-Болтая и Алисы. Когда Шалтай-Болтай заявляет: «Моё слово, как хочу, так и использую», Алиса на это закономерно отвечает: «Но надо, чтобы оно тебя ещё слушалось!». Как показывает практика, многие люди придумывают свои собственные сло-

ва, но в язык входит лишь их ничтожное количество. Не случайно Ф. М. Достоевский гордился тем, что обогатил русский язык словом «стушеваться».

В естественном языке связь между знаком (словом, именем) и его значением, то есть означающим и означаемым, чаще всего не является жёстко детерминированной: ведь слово в устной речи – это последовательность звуков, а в письменной – графических значков, но обозначать оно может объекты любой природы: предметы, явления, цвета, запахи и даже абстракции. Это и создаёт принципиальную возможность многозначности слова. Многозначность языковых терминов – одна из важнейших особенностей естественного языка, являющаяся основой его богатства и важнейшим фактором развития. Откройте словарь любого языка – русского, английского, французского и т.д. и увидите, что рядом с большинством терминов идёт перечисление их различных значений (обычно от самого распространённого – к редкому). В своей совокупности все эти значения задают семантическое поле данного термина, связанное с историко-культурными традициями народа – носителя данного языка. По мере развития языка одни значения при этом со временем могут исчезнуть, другие – появиться. Рассмотрим, например, всем хорошо известное слово «ябеда». «Толковый словарь русского языка» (под редакцией Д. Н. Ушакова) даёт такие его основные значения в современном русском языке:

«1. жен. Наушническое сообщение, разговор, клевета (разг.). Заниматься ябедами. Гнусная ябеда.

|| только ед. То же – в собир. смысле. «Вся ябеда, добытая через наушников, внеслась в чёрную книгу». Помяловский.

|| Просьба, заявление в суд (устар.). Писать ябеды. Приказная ябеда.

2. муж. и жен. То же, что ябедник (разг.)» [21].

Но вот «Этимологический словарь русского языка» сообщает нам неожиданную информацию:

«Ябеда – старое заимствование из др.-исл.-яз., где в *embaetti* корень тот же, что в нем. *Amt* “служба, должность”. Первоначальное значение “должностное лицо” с этим значением производное ябедник отмечается в памятниках письменности уже в XIII веке. Значение “клеветник, доносчик” фиксируется только с XVI века. Развитие значения “должностное лицо – доносчик, ябеда” аналогично тому, что отмечается в слове фискал» [21].

Таким образом, оказывается, что в XIII веке ябедник – это должностное лицо, чиновник. Но этот смысл слова полностью забыт к настоящему времени, утрачен в современном языке! Или возьмём слово «атом». В буквальном переводе с древнегреческого языка, к которому оно относится, оно означает «неделимый». Но и после того, как в конце XIX века с развитием физики выяснилось, что атомы имеют сложный состав (протоны, нейтроны, электроны), эти делимые объекты продолжают называть атомами, то есть неделимыми!

Развитие слов с одним и тем же корнем (в частности, в родственных языках) может идти в разных направлениях, так что имеющие один корень и сходное звучание слова могут приобретать очень далёкие друг от друга и даже прямо противоположные значения. Характерным примером такого рода будет, скажем, польское слово «урода», означающее «красота», тогда как в русском языке «урод» и «уродина» имеют прямо противоположное значение.

По мере становления классического естествознания к многозначности языковых терминов стали относиться как недостатку естественного языка, который необходимо устранять при построении особого научного языка, стремящегося к строгости и однозначности. Не случайно уже Френсис Бэкон, считающийся родоначальником философии Нового времени, говоря о «призраках» или «идолах», мешающих развитию науки, среди четырёх основных указал и на «призраки рынка» – проблемы во взаимопонимании людей, порождаемые многозначностью слов естественного языка. Так что, с одной стороны, многозначность – это достоинство, с другой – недостаток, так можно сегодня оценить это языковое явление.

Обращаясь к терминам, особенно важным для культурологии и наиболее часто в ней используемым, мы видим, что одним из самых сложных и многозначных является термин «символ». Возникшие ещё в глубокой древности символы буквально пронизывают всю историю культуры: крест – символ христианства, а полумесяц – ислама, свастика в древности была символом огня, солнца, а в XX веке стала символом фашизма. Важную роль в истории христианской культуры сыграл «Символ веры». Эйфелева башня, которую многие деятели культуры считали первоначально уродующей Париж, со временем стала символом Парижа и т.д., и т.п.

Множество новых символов появилось в наше время и активно используется на клавиатурах компьютеров, мобильных и т.д. Термин «символ» отождествляют со знаком, метафорой, эмблемой, аллегорией и другими. Так что же такое символы и откуда они берутся? Как они обретают свой смысл?

С точки зрения семиотики символы – это особый тип знаков. В семиотику этот термин был введён её основоположником Ч. Пирсом (1839–1914), причём в весьма специфическом смысле, о котором мы ещё будем говорить ниже. Хорошо известно, что Пирс [13], основываясь на характере связи знака и его значения, означающего и означаемого, выделял три основных типа знаков: иконические знаки, индексы, и символы.

Иконические знаки (icon) – это означающие, обладающие определённым сходством с означаемым, и именно благодаря этому сходству их легко использовать как представителей соответствующих объектов: рисунки и фотографии, чертежи, а также физические или математические модели являются примерами иконических знаков. Уже в рамках первобытной культуры жизненный опыт наших далёких предков позволил им понять, что у похожих объектов, имеющих наглядные сходные черты, обычно есть и другие общие характеристики (вывод по аналогии), что особенно важно при осуществлении практически-ориентированной деятельности. Так, если одно дерево способно гореть, то и другое можно использовать для устройства костра. По мере развития абстрактного мышления уже в первобытной культуре рождаются представления о том, что все сходные объекты имеют некую общую сущность, благодаря которой они все взаимосвязаны. На этом основаны приёмы симпатической магии (магии подобия), игравшей важную роль в первобытном мышлении и практической деятельности людей: действуя на один объект, можно повлиять на другой, сходный с первым. Отсюда масса различных табу в первобытной культуре, многие из которых описаны у Дж. Фрэзера в его «Золотой ветви» [18]. Например, когда

охотники уходят за добычей, их жены, оставшиеся дома, не должны расчёсывать волосы. Ведь если они это будут делать, то различного рода петли и ловушки, которые охотники ставят на звериных тропах, тоже распутаются и не смогут захватить добычу.

В естественном языке к иконическим знакам можно отнести так называемые звукоизобразительные слова, обладающие «языковой иконичностью», то есть определённым сходством между звуком или последовательностью звуков, с одной стороны, и значением слова – с другой. В фоносемантике (одном из относительно новых направлений в лингвистике) – выделяют несколько типов таких слов, например, оноματοпы – звукоподражательные слова. В русском языке к ним относятся «шептать», «шелестеть», «жужжать», «грохотать», «рычать» и т.п. Кроме звукоподражания выделяется и звуко-символизм: «Звуковой символизм – это закономерная, не произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом)» [цит. по: 17]. Подробно исследовавший данную проблему С. В. Воронин предлагает для таких движений название «кинемы», обобщающее жестовые и мимические движения, которые выражают различные эмотивные, ментальные и т.п. процессы, происходящие в сознании человека или являющиеся подражанием неакустическим объектам [17].

Второй тип знаков, выделенный Пирсом, он назвал индексами (index). Это знаки, прямо указывающие на объекты, здесь означающее и означаемое связаны друг с другом причинно-следственной связью. Следствие порождается определённой причиной, и поэтому оно способно служить естественным знаком этой причины (порождённый

огнём дым – знак огня, вызываемая болезнью повышенная температура – знак болезни и т.п.). Позднее индексы стали трактоваться несколько шире, как знаки, основанные на реальной смежности означающего и означаемого (например, весёлый смех – индекс радости, счастья), чаще всего связанные причинно-следственной связью, но не только ей, так часть может выступать в качестве знака-индекса целого. И здесь для нас важно ещё одно наблюдение Фрэзера: «Дикарь не в состоянии провести чёткую грань между словами и вещами, считая своё имя существенной частью самого себя и вследствие этого полагая, что помощью магии через его имя, так же как и через его волосы, ногти или другие части тела, ему может быть нанесён вред. Поэтому он с большой осторожностью произносит своё имя и редко позволяет это делать другим» [18, с. 265]. Особо интересно его замечание о том, что табу на произнесение имён отсутствующих людей распространяется и на названия вещей, сходных с именами этих отсутствующих людей.

Отметим, что для обоих этих типов знаков – и иконических, и индексов – характерно наличие определённой мотивации для установления отношения обозначения.

В древности и Средневековье во многих цивилизациях популярной была «природная теория» языка, согласно которой имена всех объектов, используемые в языке, связаны с сущностью этих объектов. Поэтому знание правильного имени даёт говорящему определённую власть над этим объектом, например, врачу над болезнью. Но сами эти «правильные имена» относятся только к истинному или «изначальному языку». Исходя из «природной» теории, слова естественного языка можно считать иконическими знаками, как имеющими ту же

природу, что и их значения. Но в определённом смысле их можно трактовать и как знаки-индексы: ведь само их звучание и функционирование в качестве имён соответствующих объектов и явлений есть следствие природы этих объектов и явлений, здесь имеет место реальная смежность означющего и означаемого. Такие имена всегда сопричастны своим означаемым. И здесь уместно вспомнить сформулированный Л. Леви-Брюлем «закон партиципации» («сопричастности»), как главный закон сверхъестественного в первобытном дологическом мышлении [10]. Наряду с магией подобия, этот закон утверждает ещё и действие контагиозной магии (магии соприкосновения), предполагающей мистическое взаимодействие всех соприкасающихся объектов или даже шире – всех объектов, которые какое-то время находились в одном месте [см. об этом: 3].

В связи с этим невольно вспоминается знаменитый опыт русского физиолога И. П. Павлова (1849–1936) по выработке условного рефлекса у собак. Опыт основывался на том, что слюноотделение у собак начинается только после того, как они начнут воспринимать пищу (увидят, почувствуют запах и т.п.). В процессе опыта за несколько минут до кормления рядом с собакой раздавался звонок. Через несколько дней слюноотделение стало начинаться сразу после звонка, то есть до реального восприятия пищи. Таким образом, звонок, который, разумеется, не был причиной появления пищи, а лишь предшествовал её появлению, стал восприниматься животным как знак-индекс – прямое указание на неё. Аналогичный механизм лежит и в основе образования примет в человеческом обществе: достаточно ряда совпадений, «смежности» каких-то объектов и явлений, и не-

развитое сознание «усматривает» между ними причинно-следственную связь, которая в реальности может как иметь место, так и не иметь. Так, примета «ласточки низко летают – к дождю» фиксирует реальную связь: перед дождём понижается атмосферное давление, и мошкара, летающая в воздухе, опускается ниже, а за ней и ласточки, которые на неё охотятся. А вот примета о том, что «встреча с чёрной кошкой, человеком в чёрном – к несчастью» основана на семантике цвета, ведь чёрный цвет в ряде культур считается траурным.

В Новое время с развитием науки «природная» теория языка была отброшена, и сейчас её можно найти только в художественной литературе жанра фэнтези, описывающей миры «меча и магии». Относительно же слов естественного языка утвердилась та точка зрения, что они являются в основном условными знаками.

Не пытаюсь воскресить эту древнюю теорию, хотим отметить, что некоторые наблюдения, лежащие в её основе, стоит принимать во внимание и сейчас. Так, в естественном языке есть слова, звучание которых связано, разумеется, не с сущностью называемого объекта или явления, а с определённым эмоциональным состоянием человека, возникающим при контакте с этими объектами или явлениями. Это было замечено ещё в древности. Так, гнев, угроза, некий боевой настрой порождают в качестве физиологической реакции что-то типа рычания, связанное с произнесением звука «р-р-р...». Не случайно воинский клич древних римлян звучал «Бар-ра!», к нему восходит и наше русское «Ура!».

О чём-то подобном говорил и Платон устами Сократа в диалоге «Кратил»:

«Сократ. ... Скажи, хорошо ли, по-твоему, говорить, что буква R соответствует по-

рыву, движению и в то же время твёрдости (непреклонности)? Или нехорошо?

Кратил. По-моему, хорошо.

Сократ. А L гладкости, податливости, ну и всему тому, о чём мы говорили?

Кратил. Да» [14, с. 481].

Самое интересное, что некоторые аналогичные выводы о связи звучания слов и восприятия человеком ряда объектов получают и современные исследователи, например, при изучении эффекта «буба-кики» [19]. Испытуемым показывают две нарисованные фигуры типа многолучевых звёзд. Но одна из них угловатая, с острыми концами, а в другой все углы закруглены. Испытуемых просят сказать, какое название – «буба» или «кики» – больше подходит к каждой из этих фигур. Порядка 95–98% людей выбирают для угловатой фигуры название «кики», а для закруглённой – «буба». Впервые этот эксперимент провёл Вольфганг Кёлер в 1929 году, позднее он ещё несколько раз повторялся разными учёными в разных регионах планеты с испытуемыми, относящимися к разным культурам и разным социальным группам. Но результаты везде были аналогичными. Особо интересно, что такой же результат (эксперимент Дафны Маурер и её коллег) был получен при работе с 2-летними детьми, не умеющими читать. Дети тоже интуитивно связывали значение слова (то есть рисунок) и звучание слова. Вот только причину этого современные учёные усматривают уже, разумеется, не в законах магии, а в особенностях деятельности мозга, в нейрофизиологии, в частности – в явлении синестезии.

«Синестезии (“союз чувств”) – явление восприятия, при котором раздражение одного органа чувств ... (вследствие иррадиации возбуждения с нервных структур одной сенсорной системы на другую), наря-

ду со специфическими для него ощущениями вызывает и ощущения, соответствующие другому органу чувств» [15]. Например, у синестетов определённые слова или даже звуки, а также буквы и цифры могут вызывать обонятельное, вкусовое, тактильное, цветовое и т.п. восприятие: какое-то слово может казаться фиолетовым, другое – жёлтым и т.п. Хорошим примером отображения синестезии в языке являются, например, устойчивые словосочетания «горькая правда» и «сладкая ложь», «солёные словечки» и т.д., где вкусовые ощущения связываются со словами и идеями. Правда, как показали эмпирические исследования, в большинстве случаев, связанных с синестезией, соответствующий эффект, скорее, есть результат не сенсорных свойств самих знаков (звуков), а их значений, то есть вызывается семантическими репрезентациями соответствующих слов.

Впрочем, ряд исследователей считает, что в этом случае работает не синестезия, а скорее, идеастезия. «Идеастезия (альтернативное написание идеестезия) – это нейробиологический феномен, при котором активация концептов (индукторов) вызывает сенсорные переживания, подобные восприятию (совпадения). Название происходит от древнегреческого *idéa* (*idéa*) и *αἴσθησις* (*aísthēsis*), то означает «ощущающие концепции» или «ощущающие идеи». Это понятие было введено нейробиологом Данко Николичем в качестве альтернативного объяснения набора явлений, традиционно охватываемых синестезией» [6].

Изучением взаимосвязи звучания слов и их значений (денотатов) занимается фоносемантика, а вот выявленное влияние звучания слов на психику слушающих стало основой нейролингвистического программирования (НЛП), успешно исполь-

зуемого сейчас в рекламе и политических компаниях.

Как бы то ни было, поскольку идеастезия является реальным нейробиологическим феноменом, можно сделать вывод о том, что и закон партиципации возник в первобытной культуре на основе некоторых реальных наблюдений за действительностью и когнитивной деятельностью людей, а не является результатом чисто фантастического теоретизирования.

Один из важнейших выводов фоносемантики состоит в том, что в процессе развития языка и человеческого сознания происходит денатурализация языкового знака, утрата ими примарной мотивированности, но не мотивированности вообще. На смену примарной, в частности, иконической, приходит секундарная мотивированность, то есть семантическая и морфологическая. Таким образом, когда-то иконический или индексальный знак постепенно превращается в условный, то есть в то, что Пирс называл символом.

Выделение таких знаков в особую группу вполне оправданно – у них особая связь между означающим и означаемым, состоящая в том, что *ничего общего между ними нет*, а сама связь устанавливается по специальному соглашению между субъектами. Самые чистые и яркие примеры такого рода – «шпионские» знаки, что-то типа: цветок на определённом окне = явка провалена. Такой же чисто условный характер имеют обычно и знаки в искусственных языках, например, в азбуке Морзе букву «а» в русском языке обозначают точка и тире, а букву «б» – тире и три точки, в языке математической логики аналог союза «или» – дизъюнкцию обозначает знак « \vee » и т.д. А вот когда придумываются новые знаки для компьютеров и различных гаджетов, пытаются

сделать так, чтобы по виду этих знаков пользователь мог бы догадаться об их значении – функции соответствующих клавиш. Поэтому не случайно их называют «иконками», напоминая об их иконической природе. Поэтому знаком операции копирования является изображение сдвоенной страницы, операции «вырезать» – ножницы и т.п.

Появление чисто условных знаков – важный показатель развития абстрактного мышления, языка и процесса коммуникации в человеческом обществе. Использование таких знаков требует дополнительных усилий по запоминанию отношения «знак-денотат». Не случайно, например, при изучении алфавита неграмотными людьми наблюдатели часто фиксируют интересное явление: чтобы буквы быстрее запоминались, в них пытаются увидеть что-то сходное с хорошо известными предметами, например, буква «о» – это баранка, «р» – топор, «ш» – забор. И, хотя, на первый взгляд, этот приём должен усложнять запоминание, так как вместо связи между двумя объектами (знак – значение) фиксируется отношение между тремя, на самом деле он облегчает запоминание.

Но почему же именно для чисто условных знаков Пирс стал использовать название «символ» (symbol)? Используя в таком смысле термин «символ» Пирс, прежде всего, ориентировался на знаки в математике – математические символы. А в середине XIX века, когда работал Пирс, они действительно выглядели чисто условными. Так, трудно усмотреть какую-нибудь связь между знаком плюса «+» и операцией сложения, выражением a^2 – «а в квадрате» и реальным квадратом, между цифрами и тем количеством объектов, которому они соответствуют и т.д.

Разумеется, Пирс имел полное право (используя номинальное определение)

приписать термину «символ» свой смысл – быть условным знаком. Но примечательно, что приписывая им такой смысл, он не только вступил в прямое противоречие с традиционным историко-культурным использованием этого термина, но и не учитывал происхождения ряда математических символов. Так, например, что такое «три в квадрате»? Здесь надо вспомнить о том, что в древности люди обычно считали с помощью палочек или камушков. И «3²» или «три в квадрате» есть результат умножения «3×3», то есть три раза по три. Совершалась эта операция так: в ряд выкладывались три камушка, во второй ряд (под первыми) ещё три, а затем ещё ряд, и в результате мы имели вполне наглядный квадрат:

• • •
• • •
• • •

Или возьмём, например, происхождение знаков современных цифр, неизвестное или хорошо забытое в его время. Все образованные люди знают, что знаки цифр, которые с XI века стали использоваться в Европе, а потом и во всём мире: «0», «1», «9» – это так называемые арабские цифры. Люди, сведущие в истории математики, обычно в таких случаях ещё добавляют, что своими корнями эта система записи чисел (позиционная и с использованием нуля) уходит в Древнюю Индию. А арабы её просто позаимствовали. Особая заслуга в этом принадлежит известному учёному Аль-Хорезми (ок. 783 – ок. 850), автору книги «Об индийском счёте». Скорее всего, именно он стал первым использовать и знак нуля. Интересно, что название ноля на арабском языке – «цифр» («ничего, пустота»), и от него и произошло латинское слово «сифра» [подробнее об этом см.: 2].

Но вот только и в Индии, и у арабов знаками цифр (в том числе и у Аль-Хорезми) служили буквы, то есть они имели совсем другой вид. В истории математики известна легенда о рождении современного начертания «арабских цифр». Так, о ней говорится в книге Флориана Каджори «История математических обозначений» [22]. Согласно этой легенде знакам цифр специально придавалась такая форма, чтобы количество углов находилось в строгом соответствии с числовым значением: в нуле (кружок) углов вообще нет, в единице (7) – один угол, в восьми – их восемь и т.д. Таким образом, эти искусственно созданные графические знаки – цифры – исходно несли в себе подобие с означаемым, то есть были иконичными. Позднее эти знаки стали «закругляться». А потеряв сходство с означаемым, стали восприниматься как чисто условные знаки.

Впрочем, историчность данной легенды сомнительна и неоднократно оспаривалась, и в первую очередь самим Ф. Каджори. Но вот только являются ли знаки цифр действительно чисто условными знаками?

Рассматривая происхождение знаков цифр у разных народов в древности, мы часто обнаруживаем там всё ту же исходную иконичность. Подсчёты чаще всего велись с помощью пальцев рук, и потому цифры от 1 до 9 чаще всего изображались с помощью чёрточек, имитирующих пальцы, – вертикальных, горизонтальных или комбинированных. Это чётко проследить у разных народов: в Египте, Вавилоне, Греции, Китае, Риме, у протокельтов, у майя и т.д.

Несомненна и давно доказана связь римских цифр с пальцами руки (I, II, III, IIII), ладонью (V), перекрещёнными руками (X). В Древнем Египте количество еди-

ниц, десятков, сотен и т.п. задавалось повторением соответствующего знака единиц, десятков, сотен и т.п. при записи числа: 1 – |, 2 – ||, 3 – ||| и т.д. Аналогично у многих других народов. С возникновением алфавитного письма в качестве цифр часто стали использоваться его знаки – буквы, но тоже отнюдь не произвольно. В аттической системе записи в качестве цифры использовалась первая буква слова, которым *называлось* соответствующее число, например, десять называлось «дека», и буква «Д» обозначала «десять», сотня называлась «гекатон», и буква «Г» означала «сто» и т.д. В ионийской системе письма, сменившей аттическую примерно в III веке до н.э., использовался другой принцип: буквы стали обозначать число, соответствующее их порядковому номеру в алфавите: а – 1, б – 2 и т.д.

Так что изучая историю знаков цифр, можно осторожно сделать вывод о том, что легенда, о которой мы говорили выше, при всей её исторической недостоверности лучше сочетается с общим ходом развития знаков и духом культуры. Многие знаки, которые, на первый взгляд, кажутся современному человеку полностью условными, на самом деле имеют длительную историю развития и в своей исходной форме обладали определённым сходством с означаемым. Обратимся, например, к виду букв. За исключением буквы «о», которая похожа на губы, округлившись при её произнесении, для всех остальных букв трудно найти какие-либо черты сходства с соответствующим звуком или способом его продуцирования. Однако погрузившись в историю письменности, мы обнаруживаем, что фонетическому письму предшествовало слоговое, слоговое возникло на базе иероглифического, а иероглифическое выросло из пиктографического, то есть рисуночного!

Иначе говоря, наши, казалось бы, чисто условные знаки букв, неузнаваемо искажившиеся за тысячелетия своего использования, имели в качестве первопредков рисунки, то есть иконические знаки. Возьмём, например, букву альфа «а» древнегреческой письменности. Она произошла от буквы «алеф» финикийского письма (первого в истории человечества алфавитного письма). Слово «алеф» означало «бык», и это название буква получила потому, что финикийское слово «алеф» *начиналось* со звука «а». А изображалась эта буква рисунком, представляющим собой стилизованную голову быка с торчащими вправо рогами. В начертании греческой буквы альфа «а» эту голову с рогами при желании можно ещё разглядеть, а вот строчная буква «а» в кириллице и латинице утратила с ней всякое сходство. Впрочем, в современной печатной заглавной букве «А» при некоторой доле фантазии можно ещё обнаружить эту голову с рогами.

И нечто подобное происходит со многими знаками в истории культуры: являясь во время своего зарождения иконическими знаками или индексами, они постепенно видоизменяются, становясь чисто условными. Характерным примером такого рода является название одного из мостов Парижа. Когда он только был построен в XVI веке, он естественно назывался «новым мостом». Шло время, строились другие мосты, а его название сохранялось. И сейчас он является *самым старым* мостом Парижа, сохраняя своё название «Новый мост».

Но вернёмся к вопросу о выборе Пирсом термина «символ» для обозначения чисто условных знаков. Разумеется, Пирс имел полное право так его использовать. Однако,

как правило, вводимые научные термины являются мотивированными. Так, очень часто при введении нового понятия или для обозначения нового явления придумывается термин на базе древнегреческих или латинских слов с подходящей семантикой. Вспомним, например, знаменитое в культурологии понятие «хронотоп», объединяющее греческое «хронос» – время и латинское «топос» – место. Или возьмём слово «телевидение», где «теле» – происходит от древнегреческого «далеко», а «видеть» от латинского visio – видеть. Так было ли у Пирса какое-то основание для его выбора? Да. Об одном из них мы выше уже говорили – это трактовка математических символов. Но есть и ещё одно.

Термин «символ» в европейских языках произошёл от древнегреческого слова «симболон» – в буквальном переводе ‘смешанное в кучу’. Чтобы получить «симболон», керамическую или каменную плитку разбивали на части, раздавая их разным людям, в том числе незнакомым друг с другом. При встрече, совмещая обломки плитки и обнаружив совпадения линий раскола, эти люди опознавали друг друга как участников некоторого договора или сообщества. Таким образом, по своему изначальному значению термин «символ» есть, во-первых, действительно чисто условный знак, то есть такой, о значении которого специально договорились, а во-вторых, это тайный знак, понять смысл которого могут только посвящённые. То значение, которое Пирс связывает с термином «символ», совпадает с первым значением древнегреческого термина.

Но сам этот выбор представляется нам не вполне удачным, поскольку в истории культуры, в религиозных и мистических учениях этот термин гораздо чаще используется в совершенно ином смысле.

Символом чаще называют знак, представляющий что-то тайное, сокровенное, сверхъестественное, божественное, хотя бывают символы и профанные, мирские. Относительно сакральных символов можно отметить, что одна из важнейших особенностей магического символизма состоит в том, что символ объединяет обыденную и сакральную действительность. Сам будучи объектом обыденного мира, он может обозначать объекты или явления как мира обыденного, так и сакрального, в частности, символ может рассматриваться как знак сверхъестественного, знак высшей Истины и быть при этом «проводником» сверхъестественного в обыденный мир. Но и мирской, профанный символ чаще всего не является полностью условным знаком, его использование мотивированно, он становится символом только в силу чего-то, чаще всего из-за некоторого сходства, то есть иконичности. Вот один из примеров графического мирского символа и его интерпретация.

«Спящий лев. Не будите его. – Символ того, что мы должны остерегаться излишних опасностей, но не провоцировать их.

Лев, смотрящий вперёд. – Символ того, что поистине мужественный и благоразумный всегда заботится о встрече со своими врагами, и благодаря своей предусмотрительности он лучше осведомлён об исходящих от них опасностях и всегда готов отразить любое нападение» [8, с. 149].

В этом символе лев есть знак опасного существа, но это происходит потому, что в действительности львы – одни из самых опасных и грозных хищников. Не случайно именно льва называют царём зверей! Если бы этот символ был бы чисто условным знаком, то вместо льва можно было бы нарисовать оленя или даже бабочку.

Соответственно, и спящий лев в этом примере мог бы быть заменён львом охотящимся, играющим и т.п. Не будь поза льва связана со смыслом символа, то вместо первого знака можно было использовать второй и наоборот.

А вот что пишет Е. Трубецкой о символизме церковных куполов: «Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиг выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемающее от земли к небу каменные громады. И, наконец, наша отечественная “луковица” воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и кресту заостряющийся. При взгляде на наш московский Иван-Великий кажется, что мы имеем перед собой как бы гигантскую свечу, горящую к небу над Москвою; а многоглавые кремлёвские соборы и многоглавые церкви суть как бы огромные многосвещники» [16, с. 198]. Совершенно очевидно, что утверждаемый здесь символизм основан на подобии означаемого чему-то в действительности.

Многие учёные полагают, что истоки символической мысли можно обнаружить ещё в первобытной культуре. Ведь уже в период нижнего палеолита на смену «первобытному реализму» в изобразительном искусстве приходит схематизм и «символизм» изображений. И само появление и широкое распространение символизма считается важным показателем развития абстрактного мышления.

Возможно, что первоначально многие графические символы были всего лишь упрощённым схематическим изображением

определённых предметов, но изображение – в силу симпатической магии (магии подобия) – считается внутренне связанным с изображаемым. В других случаях рождению символа могла способствовать вера в контактиозную магию (магию соприкосновения): всё то, что «соприкасалось» (в широком смысле слова, в том числе – случайно сопутствовало) с каким-то явлением или объектом, могло получить статус символа данного явления или объекта.

Иногда эта связь между знаком и значением носила довольно сложный характер. Рассмотрим, например, крест как символ христианства. Он стал символом христианства как орудие казни Христа (непосредственное «соприкосновение»). Но почему им же стало изображение рыбы? Дело в том, что древнегреческое слово «ихтис» (рыба) стали рассматривать как анаграмму выражения: «Иисус Христос Сын Божий Спаситель». Иначе говоря, слово «рыба» понимается древними христианами как сокращение для развёрнутого именованного Христа («подобие»), а рисунок рыбы и слово «рыба» имеют единую семантическую презентацию. При этом нельзя забывать и о том, что «сопричастие» символа символизируемой сакральной сущности часто ещё в мистическом мышлении сопровождается представлением о том, что на символ как бы переходит часть магической силы, присущей означаемому: «У камней и цветов символический смысл сочетался с их благотворными или пагубными свойствами. Цветовая гомеопатия жёлтых и зелёных камней лечила желтуху и болезни печени, а красных – кровотечения и геморрагию» [11, с. 309].

Особенно интересным для нас случаем является тот, когда знак обретает характер символа благодаря очень сложным

историко-культурным ассоциациям. «Символ розенкрейцеров, изображающий змею, пригвождённую к Т-образному кресту, должен продемонстрировать, что тёмной натуре человека (олицетворением которой была змея) придётся умереть, если дух желает выполнить своё предназначение или спастись. Этот символ раскрывает один из важнейших аспектов магического символизма, а именно – что истинное внутреннее значение символа может быть выявлено только в контексте. Как мы уже видели, змея, являясь, в сущности, символом мудрости, тем не менее может выступать в качестве символа зла, как это имеет место в тех случаях, когда речь идёт о Древнем Змее, соблазнившем Еву в Эдемском Саду. На эзотерическом, более глубоком уровне для подобной очевидной дивергенции всё же имеется основание, поскольку признано, что змея мудрости прямо соотносится со змеем соблазнителем, носителем злого начала; змея, олицетворяющая мудрость, может стать таковой только в том случае, если она как бы

сбросит свою старую кожу тех времён, когда она была представителем зла» [4, с. 77–79].

Идею мотивированности символов отстаивал и К.-Г. Юнг, считавший, что символ является первичным выражением Бессознательного, а также идеей, соответствующей наивысшему предчувствию сознательного ума. Он подчёркивал, что архетипические символы не придумываются, а вырастают из подсознания [20].

Таким образом, в истории культуры то, что обычно называлось символами, меньше всего можно отнести к чисто условным знакам. Но, с другой стороны, именно утрата очевидной мотивированности, «дрейф» в сторону условности позволяют расширить использование этого знака для обозначения всё новых и новых объектов в самых различных ситуациях. И за счёт многочисленных культурных ассоциаций увеличивается семантическое поле символа, становящегося принципиально многозначным. Но вот обнаружить истоки каждого из связанных с ним значений бывает далеко не просто.

Список литературы

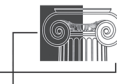
1. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики / предисл. О. И. Бродович. Издание 2-е, стереотипное. Москва : ЛЕНАНД, 2009. 248 с.
2. *Гриненко Г. В.* Цифры и буквы в человеческом сознании (семиотический анализ) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты : ежегодник. Москва : ИНИОН РАН, 2016. С. 200–224.
3. *Гриненко Г. В.* Закон партиципации и семантика сакрального // Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии : сборник научных статей, посвящённых юбилею Е. Д. Смирновой / [отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная, Д. В. Зайцев]. Москва : Креативная экономика, 2011. С. 295–313.
4. *Гудман Ф.* Магические символы : [перевод]. Москва : Изд-во Ассоциации духовного единения «Золотой век», 1995. 288, [1] с. : ил.
5. *Журавлев А. П.* Фонетическое значение / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. 160 с., 1 л. табл. : черт.
6. Идеастезия [Электронный ресурс]. URL: <https://buildwiki.ru/wiki/Ideasthesia>
7. *Кассирер Э.* Философия символических форм : в 3 томах : [перевод с немецкого]. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015.
8. *Кох Р.* Книга символов : [перевод] / [вступ. ст. Царевой Г. И.]. Москва : Изд-во Ассоциации духовного единения «Золотой век», 1995. VII, 368 с. : ил.
9. *Кэрролл Л.* Алиса в Зазеркалье [Электронный ресурс]. URL: <https://litportal.ru/avtory/luis-kerroll/kniga-alisa-v-strane-chudes-alisa-v-zazerkale-180172.html>

10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении : [перевод] / [послел. П. Арискина]. Москва : Педагогика-пресс, 1994. 602, [1] с.
11. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада : перевод с французского / общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послел. А. Я. Гуревича [с. 352–373]. Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 372, [2] с. : ил.
12. Моррис Ч. Основания теории знаков : [перевод с английского] // Семиотика : [сборник статей, переводы] / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова ; [коммент. Ю. С. Степанова, Т. В. Булыгиной]. Москва : Радуга, 1983. С. 37–89.
13. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / перевод с английского К. Голубович [и др.] ; [ред. Л. Макеева и др.]. Москва : Логос, 2000. 411, [1] с.
14. Платон. Кратил // Сочинения : в 3 томах : [перевод с древнегреческого] / [под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса]. Москва : Мысль, 1968–1972. Том 1 / [ред. первого тома и авт. вступ. статьи А. Ф. Лосев]. 1968. С. 413–491.
15. Синестезия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Синестезия>
16. Трубецкой Е. Умозрение в красках // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. : антология / сост., общ. ред. и предисл., с. 7–33, Н. К. Гаврюшина. 1993.
17. Фоносемантика [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фоносемантика>
18. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Дополнительный том : [перевод с английского]. Москва : Рефл-бук, Ваклер, 1998. 464 с.
19. Эффект «буба-кики» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффект_«буба_—_кики»
20. Юнг К.-Г. Тайна золотого цветка [Электронный ресурс]. URL: <https://carljung.ru/Library/KomGoldF.htm>
21. Ябеда. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1099066>
22. Florian Cajori. *A History of Mathematical Notations*. 2007.

References

1. Voronin S. V. *Fundamentals of phonosemantics*. 2nd edition. Moscow, Publishing House “LENAND”, 2009. 248 p. (In Russ.).
2. Grinenko G. V. Figures and letters in human consciousness. (Semiotic analysis). *Human: Image and essence. Humanitarian Aspects: Yearbook*. Moscow, 2016. Pp. 200–224. (In Russ.).
3. Grinenko G. V. Law of participation and semantics of the sacred. In: *Logical semantics: perspectives for the philosophy of language and epistemology: a collection of scientific articles dedicated to the anniversary of E. D. Smirnova*. Moscow, 2011. Pp. 295–313. (In Russ.).
4. Goodman F. *Magic symbols*. Moscow, Publishing House of the Association for Spiritual Unity “Golden Age”, 1995. 288 p. (In Russ.).
5. Zhuravlev A. P. *Phonetic meaning*. Leningrad, Publishing House of the Leningrad State University, 1974. 160 p. (In Russ.).
6. *Ideaesthesia*. Available at: <https://buildwiki.ru/wiki/Ideaesthesia> (In Russ.).
7. Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms*. In 3 volumes. Moscow ; St. Petersburg, Published by Center for Humanitarian Initiatives, 2015. (In Russ.).
8. Koh R. *Book of symbols*. Moscow, Publishing House of the Association for Spiritual Unity “Golden Age”, 1995. 368 p. (In Russ.).
9. Carroll L. *Alice through the Looking Glass*. Available at: <https://litportal.ru/avtory/luis-kerroll/kniga-alisa-v-strane-chudes-alisa-v-zazerkale-180172.html> (In Russ.).
10. Levy-Bruhl L. *Supernatural in primitive thinking*. Moscow, Publishing House “Pedagogika-Press”, 1994. 602 p. (In Russ.).
11. Le Goff J. *Civilization of the Medieval West*. Moscow, Progress Publishers, 1992. 372 p. (In Russ.).
12. Morris C. Foundations of the theory of signs. In: Stepanova Yu. S., ed. *Semiotics: collection of articles, translations*. Moscow, Publishing House “Raduga”, 1983. Pp. 37–89. (In Russ.).

13. Pierce C. C. *Selected philosophical works*. Moscow, Logos Publishing House, 2000. 411 p. (In Russ.).
14. Plato. Cratil. In: Plato. *Works*. In 3 volumes, volume 1. Moscow, Mysl Publishers, 1968. Pp. 413–491. (In Russ.).
15. *Synesthesia*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Синестезия> (In Russ.).
16. Trubetskoy E. Speculation in paints. In: Gavryushina N. K., ed. *Philosophy of Russian religious art of the 16th – 20th centuries: anthology*. 1993. (In Russ.).
17. *Phonosemantics*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фоносемантика> (In Russ.).
18. Frazer J. *Golden Branch. Additional volume*. Moscow, Publishing House “Refl-buk”, “Varler”, 1998. 464 p. (In Russ.).
19. *Booba-kiki effect*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффект_«буба_—_кики» (In Russ.).
20. Jung K.-G. *The secret of the golden flower*. Available at: <https://carljung.ru/Library/KomGoldF.htm> (In Russ.).
21. *Yabeda*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1099066> (In Russ.).
22. Florian Cajori. *A History of Mathematical Notations*. 2007.

*

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ «ФИЛОСОФИИ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ» ЭРНСТА КАССИРЕРА

УДК 130.2:930.85

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-46-57>

А. В. Вейнмейстер

Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова,
Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: an.wein@mail.ru

Аннотация: В статье прослеживается близость представлений о символе, культуре, памяти историка культуры Аби Варбурга и философа Эрнста Кассирера. Анализируются влияния идей Варбурга и его библиотеки на «Философию символических форм» Кассирера. Варбургская библиотека выступает в роли инструмента познания и путеводителя по пути интеллектуального поиска. Автор предпринимает попытку рассмотреть интеллектуальное сотрудничество внутри сообщества Варбургской библиотеки с точки зрения социокультурной эпистемологии и осмыслить роль эпистемологического окружения в становлении гуманитарной науки.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, философия символических форм, Варбургская библиотека, Эрнст Кассирер, Аби Варбург, память.

Для цитирования: Вейнмейстер А. В. Идеиные основания «Философии символических форм» Эрнста Кассирера // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 46–57. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-46-57>

PRINCIPLES OF ERNST CASSIRER'S PHILOSOPHY OF SYMBOLIC FORMS

Anastasia V. Veinmeister

St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: an.wein@mail.ru

Abstract: The article traces the proximity of ideas about the symbol, culture, the memory of the cultural historian Abi Warburg and the philosopher Ernst Cassirer. The influence of the ideas of Warburg and his library on the “Philosophy of Symbolic Forms” by Cassirer is analyzed. The Warburg Library acts as a tool for knowledge and a guide to the path of intellectual orientation. The author attempts to consider intellectual collaboration within the community of the Warburg Library from the point of view of sociocultural epistemology, and to understand the role of the epistemic surroundings in the formation of humanitarian science.

Keywords: intellectual biography, philosophy of symbolic forms, Warburg Library, Ernst Cassirer, Abi Warburg, memory.

For citation: Veinmeister A. V. Principles of Ernst Cassirer's philosophy of symbolic forms. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 46–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-46-57>

Вейнмейстер Анастасия Валентиновна – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова

VEINMEISTER ANASTASIA VALENTINOVNA – PhD in Philosophy, Associate Professor, the St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov

© Вейнмейстер А. В., 2021

В творческой эволюции Эрнста Кассирера (1874–1945) – от теории познания к философии культуры и постижению человека – «Философия символических форм» (1917–1929) занимает особое место. Именно это произведение большинство исследователей считает главным, концептуально определяющим. «Этот большой труд, отважно задуманная и мастерски выполненная философская интерпретация культуры, завершил освоение области, которая оказалась недоступной для предшественников Кассирера, хотя к ней ранее и приближались другие члены Марбургской школы. Правда, в своём предприятии Кассирер был вдохновлён и поддержан господствующим направлением мысли. На границе XIX–XX веков немецкая философия пыталась ограничить гегемонию естественных наук, выработав систему гуманитарных наук. Но, если мы рассмотрим достижения Кассирера на фоне совместных усилий тех, кто двигался в том же направлении, оригинальность предложенного им решения становится ещё более впечатляющей» [11, с. 616].

По воспоминаниям Дмитрия Осиповича Гавронского (1883–1949) – ученика Кассирера, концепция произведения возникла по пути с работы домой [20, р. 25]: «Если культура выражается в творении идеальных образных миров, определённых символических форм, то цель философии заключается ... в том, чтобы понять и осмыслить их фундаментальный формообразующий принцип»; «глубочайшая задача философии культуры» – найти «в многообразии внешних выражений духа единство его сущности» [9, с. 47]; «выявить и зафиксировать момент, который обнаруживается в каждой форме духа, но ни в одной из них не проявляется одинаковым образом ... найти опосредование, с чьей помощью происходит

формирование духа во всех отдельных направлениях, но которое тем не менее сохраняет особую природу и специфический характер каждого из них» [9, с. 21].

Почти мифическая история появления замысла этого труда не отменяет того уже реального факта, что работа по реализации философии символических форм была начата задолго до появления самого произведения и не завершилась с опубликованием третьего тома¹: идеи, изложенные в ключевом произведении Кассирера, не только продолжили и развили основные положения предшествовавших работ², но и получили своё

¹ Кассирер готовил к изданию четвёртый том «Философии символических форм», посвящённый критике современной ему философии, который должен был называться «К метафизике символических форм». Рукопись состояла из двух глав: «Дух и жизнь. К критике современной философии» и «Проблема символа как основная проблема философской антропологии». При жизни том не был опубликован. Издан Дж. М. Кройсом в 1995 году: Cassirer E. *Zur Metaphisik der symbolischen Formen*. Hamburg, 1995. См. также: Vgl. O. Schwemmer, «Der Werkbegriff in der Metaphysik der symbolischen Formen. Zu Cassirers Konzeption eines vierten Bandes der "Philosophie der symbolischen Formen"». *Internationale Zeitschrift für Philosophie*. Jg. 1, H. 2. 1992. S. 226–249.

² «Сочинение, первый том которого я предлагаю публике, в своих первоисточках восходит к исследованиям, подытоженным в моей книге «Понятие субстанции и понятие функции» (Берлин, 1910). При попытках приложить результаты этих исследований, касавшихся главным образом структуры математического и естественно-научного мышления, к изучению проблем *гуманитарных наук* мне становилось всё более ясно, что общая теория познания в её традиционном понимании и ограниченности недостаточна для методического обоснования гуманитарных наук. Для достижения подобного обоснования представлялось необходимым принципиально расширить поле деятельности этой теории познания. Вместо изучения всего лишь общих предпосылок научного познания мира следовало бы перейти к точному разграничению различных основных форм «*понимания*» мира и как можно более чёткому описанию

дальнейшее развитие в последующих сочинениях. Отвечая на критические замечания, сделанные шведским философом Конрадом Марком-Воган (1902–1991) по поводу работы «Философия символических форм»¹ в 1936 году, Кассирер пишет, что «проблема, поставленная мною в “Философии символических форм”, означает не конец, а начало исследования» [4, с. 434], «в существующем изложении не только отсутствует разработка многих важных частей, но остаётся и ряд основных принципиальных вопросов, которые ещё ждут своего решения» [4, с. 432].

На протяжении многих лет обстоятельства для решения поставленной задачи складывались благоприятно: за время Первой мировой войны в Германии были основаны два новых университета, в Гамбурге и во Франкфурте, от которых Кассирер получил предложения на преподавательскую деятельность в должности профессора философии. Кассирер решил принять предложение Университета Гамбурга.

Переезд из Берлина в Гамбург в 1919 году был важным переломным моментом в жизни Кассирера. Берлинский круг общения, состоящий в основном из родственников², сменился на «академическую аудиторию, состоящую из высокообразованной каждой из них в присущей ей тенденции и духовной форме» (Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 томах. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. Т. 1. С. 7).

¹ Marc-Wogau K. Der Symbolbegriff in der Philosophie Ernst Cassirers. *Theoria*. Band II. 1936. S. 279–332.

² Ближайшие родственники Э. Кассирера: Бруно Кассирер, в издательстве которого появилась большая часть произведений Кассирера, Пауль Кассирер, известный антиквар произведений искусства французского импрессионизма в Германии, Рихард Кассирер, невролог, Фриц Кассирер, дирижёр и музыковед.

ных, увлечённых своим делом философов и искусствоведов, преимущественно еврейского происхождения, сгруппировавшихся вокруг Эрнста Кассирера и Аби Варбурга (1866–1929) в Гамбурге в начале 20-х годов» [23, pp. 396–397]; должность приват-доцента сменилась на должность профессора, а вскоре и ректора. Он никогда не сожалел о своём выборе – в Гамбурге он нашёл всё, что только мог желать: заинтересованную аудиторию и известную частную библиотеку Варбурга с богатым собранием материалов, в которых Кассирер нуждался при исследовании символических форм.

Начало библиотеки было положено в 1879 году, когда 13-летний Аби Варбург передал право первородства 12-летнему брату Максиму в обмен на обещание, что тот будет всю жизнь покупать понравившиеся ему книги [15, p. 102]. Будучи взрослым, Макс признавался, что заключил самую невыгодную сделку в своей жизни. К 1909 году библиотека включала в себя около девяти, а к 1929-му – уже около 60 тысяч томов. Аби Варбурга интересовала история визуальных образов – это увлечение послужило «поводом» создания библиотеки и основой концепции миграции образов. Библиотека была гордостью Варбурга, его главным творением, отражением сути его учения. Он сравнивал её с «сейсмографом», фиксирующим малейшие сдвиги в культуре [12, с. 341].

В 1920 году вокруг библиотеки Варбурга образовался своеобразный научно-исследовательский кружок, который затем, уже после смерти учёного, преобразовался в специальный культурологический институт. Кружок был представлен целой плеядой выдающихся учёных в различных областях гуманитарного знания, среди них историк искусства, директор Кунстхалле в Гамбурге Густав Паули (1866–1938), теоретик

искусства Эрвин Панофский (1892–1968), специалист по классическим языкам Кекуле Райнхардт, историк Византии Ричард Георг Саломон, востоковед Хельмут Риттером, философ Эрнст Кассирер.

Личное знакомство Кассирера с Варбургом произошло в 1924 году, после того как в 1921 году Кассирер в сопровождении своего друга, «компетентного проводника» [10, с. 12], историка искусств Фрица Заксла (1890–1945) впервые прошёл по книжным хранилищам Варбургской библиотеки – «органону духовно-исторических исследований» [3, с. 7]. Фриц Заксл писал, вспоминая об этом посещении Кассирера: «Изучение философии было для Варбурга неотделимо от так называемой первоизданности духа; это изучение не могло быть изолировано и от изучения системы образов в литературе, религии и искусстве. Идеи Варбурга нашли своё воплощение в неортодоксальном размещении книг на полках его библиотеки. Кассирер всё понял сразу. Однако, когда он уже собирался уходить, он сказал в той типичной для него доброй и открытой манере: “Эта библиотека опасна. Я должен либо избегать её, либо затвориться в ней на годы. Философские проблемы, связанные с ней очень близки моим собственным, но тот конкретный исторический материал, который собрал Варбург, подавляет”. Он оставил меня в бешенстве. В один час этот человек более чем кто-либо, кого встречал прежде, понял ту идею, которая была реализована в этой библиотеке» [5, с. 162].

Вместо привычного деления визуального материала по географическому и хронологическому принципу Варбург использовал тематическую классификацию, соответствующую его интересам и системе мышления: «в надежде, что когда-нибудь будет

создана подлинная культурологическая история развития образов или “наука о художественном выражении”, Варбург в течение всей своей жизни собирал библиотеку, выделяя в ней 4 раздела (в соответствии с представляемыми им «основными направлениями»): 1) общие проблемы выражения и природы символа, а также антропология, религия, философия и истории науки; 2) искусство, его теория и история; 3) лингвистика и литература; 4) работы о социальном устройстве человеческой жизни – истории, юриспруденции, фольклору и т.д.» [13, с. 13–14]. В результате, «в своей организации и в своей духовной структуре библиотека воплотила идею методического единства и взаимосвязи всех областей и направлений истории духа» [7, с. 10].

Библиотека была воплощением междисциплинарности и представляла собой не простое собрание книг, а некий свод проблем [7, с. 391]. История искусства в исследованиях Варбурга переплеталась с астрономией, этнологией и эволюционной психологией и т.д. Именно это произвело впечатление на Кассирера: «сильнее, чем простой материал, на меня подействовал принцип её создания, поскольку здесь история искусства, религии, мифа, история языка и культуры были не просто поставлены рядом, а находились в связи друг с другом и с неким общим идейным центром» [3, с. 391].

Варбург и Кассирер обосновывают основную проблему философии культуры – проблему соотношения многообразия и единства. Как сочетание образов, собранных в пространстве таблицы, открывает зрителю новые смыслы, так и порядок расположения «документов прошлого» в библиотеке превращается в систему культуры. Поскольку, «универсальный закон всякой духовной формы гласит, что её содержание

и её задача заключаются не в простом отображении наличной предметности, а в создании новой связи, своеобразной корреляции между “Я” и “действительностью”, между сферой “субъективного” и сферой “объективного» [9, с. 145].

Библиотека была инструментом исследования Аби Варбурга. Он постоянно расширял, улучшал, реорганизовывал, группировал фонды библиотеки, открывая новые области исследования. Каждый отдельный вопрос, каждая незначительная деталь рассматривалась как часть целого. Девизом семинаров Варбурга было выражение «Бог – в деталях», подчёркивающее важность изучения общего контекста в стремлении понять частное, а также внимания к частным деталям как проявлениям общего. Варбург не только раздвигал границы культурных исследований, но и стирал границы между рациональным и иррациональным.

Варбургская библиотека стала для Кассирера не только местом размышления над различными гуманитарными проблемами, но интеллектуальной зоной междисциплинарного поиска. Междисциплинарность, отстаиваемая Кассирером и Варбургом, в современной культуре является необходимым условием адекватной интерпретации текста.

В апреле 1921 года Варбург пережил очередной нервный срыв и был госпитализирован в санаторий Людвиг Бинсвангера в Кройцлингене. Работу по приобретению, систематизации и перестановке книг в библиотеке продолжала Гертруда Бинг и Франц Заксль, семья и друзья держали Варбурга в курсе событий с помощью подробных отчётов и регулярной переписки.

10 апреля 1924 года Варбурга навещил Кассирер. Во время оживлённой беседы Варбург и Кассирер обсудили неотложный

вопрос, который позже стал центральным в перестройке библиотеки Варбурга, а именно – открытие эллипса Иоганном Кеплером [24, р. 258]. В дальнейшем форма эллипса будет использована при строительстве читального зала нового здания библиотеки. Варбург видел в этом символический смысл: «эллипс напоминает о модели Солнечной системы Кеплера, которая для Варбурга стала символом новой ориентации европейского сознания, обозначив переход от образного мышления к математически-знаковому представлению о Вселенной ... Если эллипс ассоциируется с формой Солнечной системы, то, находясь в центре зала, можно обращаться к расположенным по периметру книгам, которые как бы заключают исследователя в свою орбиту» [14, с. 14].

1 мая 1926 года Кассирер произнёс торжественную речь «Свобода и необходимость в философии Ренессанса» к открытию публичной библиотеки Варбурга. Книжная коллекция обладала собственной логикой и была упорядочена таким образом, что собрание книг превращалось в концепцию культуры. Книги были расположены по следующим тематическим блокам, соответствующим исследовательским интересам Варбурга: «Образ»/«Bild» (1-й этаж), «Слово»/«Wort» (2-й этаж), «Ориентация»/«Orientierung» (3-й этаж), и «Действие»/«Handlung» (4-й этаж) [24, р. 174]. «Образ» включал историю искусства, эстетику, археологию, «Слово» – лингвистику, филологию, литературу, «Ориентация» – теорию символа, религию, мифологию, магию, астрологию, философию, «Действие» – философию культуры и истории, историю городов, политику, морфологию социальной жизни, театр, музыку, праздники. По мнению Варбурга, этот порядок расположения книг соответствует эволюционному процес-

су в истории культуры: движению от визуального образа (Bild), как от первой стадии человеческого познания, к языку (Wort), а затем к религии, науке и философии, каждая из которых являлась результатом стремления человека осознать своё место в мире (Orientierung), которое влияет на манеру поведения человека и его поступки, что является предметом истории. Поступок как ритуальное действие, в свою очередь, вытесняется размышлением, которое снова ведёт к речевому оформлению, языку и к кристаллизации символических образов, замыкающих полный цикл [5, с. 160].

Варбург-исследователь изучал различные направления миропонимания – религию, язык, философию, искусство, мифологию, математику, естественные науки – всё то, что Эрнст Кассирер называл формами символической Вселенной (Globus Symbolicus), «нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта» [6, с. 471]. Так выглядит «внешний облик» Globus Symbolicus. Её «внутренняя жизнь» также структурирована: каждая отдельная символическая форма проходит путь «идеальной истории: от мимической ступени (предельная конкретность и неразличимость чувственного и идеального) к аналогической (постепенное отхождение от чувственности) и, наконец, символической ступени (предельная идеализация)» [2, с. 100]. Различение трёх стадий напоминает введённое Варбургом тройное разделение на Bild, Wort, Orientierung. То же самое можно сказать о теории трёх функций сознания, представленной в книге «Философия символических форм»: различие между понятиями выражения (Ausdruck), представления (Darstellung) и концептуального значения (Bedeutung).

Последний проект Варбурга «Атлас Мнемозины», посвящённый культурной памяти, остался незавершённым. Создав немного, он безвременно ушёл в октябре 1929 года, «однако каждое его произведение – словно просека в чаще, выводящая к новым горизонтам» [1, с. 43]. В траурной речи на похоронах Варбурга Кассирер вспоминал их первую встречу в библиотеке: «И неожиданно, что-то ещё возникло для меня из этого собрания книг: впечатление великой личности исследователя, судьба которого имеет огромное влияние» [17, pp. 16–17].

Кассирер и Варбург, философ и историк искусства, теоретик и практик, по сути занимались одним и тем же – «проблемой обоснования конституции и структуры форм культуры, исходя из понятия символа. Различие их подходов в том, что Варбург стремился разрешить эту проблему главным образом путём эмпирического накопления материала, а Кассирер – путём философско-теоретических размышлений» [13, с. 18].

Оба исходили из междисциплинарного подхода к изучению гуманитарного знания, привлекая самый широкий культурно-исторический материал, в разнообразии которого стремились выделить типически одинаковое, требуя от реципиента эстетического переживания (Варбург) и логико-аналитического мышления (Кассирер).

В философии Кассирера центральная для Варбурга и его кружка проблема, заключающаяся в поиске трансцендентальных основ культуры, связывающих в некое сущностное единство всё многообразие её конкретных проявлений, обрела наиболее полный и законченный вид. Кассирер подчёркивал, что у библиотеки Варбурга и его философии одна цель: «общая систематизация символических форм», осмысление частного как функции общего, а об-

щего как трансцендентальной предпосылки частного.

Впоследствии, в 1974 году, в своей речи, посвящённой памяти Кассирера, немецкий философ Ханс Блюменберг точно заметил: «Теорией Варбургской библиотеки, если так можно выразиться, а впоследствии и института того же имени была трёхтомная “Философия символических форм” Э. Кассирера» [21, р. 322]. Библиотека явилась неким реальным воплощением проблемы, возникшей перед Кассирером как философом и, как утверждает философ Мартин Йезингхаузен-Лаустер, не чем иным, как «устоявшимся компонентом и институциональным гарантом философии Э. Кассирера» [21, р. 60].

В лекции «Понятие символической формы в структуре наук о духе», прочитанной перед аудиторией Варбургского кружка в 1921 году и опубликованной в первом выпуске из девяти последующих «Докладов Варбургской библиотеки», Кассирер дал первое определение центрального для библиотеки, а впоследствии и его концепции понятия – «символической формы»: «Под “символической формой” должна пониматься всякая энергия духа, через которую некое духовное смысловое содержание связывается с конкретным чувственным знаком и внутренне присваивается этому знаку» [7, с. 394]. «Дистанции» между рациональным и иррациональным, чувственным и материальным, человеком и миром, по определению Варбурга, есть область символических форм.

Когда был опубликован первый том «Философии символических форм» (1923) Кассирера, в годовом отчёте библиотеки было записано, что «работа профессора Кассирера выполнялась при постоянной помощи наших фондов» [24, р. 247]. В от-

вет Кассирер подтвердил это в предисловии ко второму тому «Философии символических форм» (1924): «Наброски и предварительные работы к этому уже достигли продвинутой стадии, когда я благодаря полученному мной в Гамбурге месту столкнулся с библиотекой Варбурга. В области изучения мифологии и всеобщей истории религии я обнаружил в ней не только богатый, почти несравненный в своей полноте и своеобразии материал, но этот материал оказался систематизирован и подобран, в соответствии с печатью, наложенной на него Варбургом, таким образом, что концентрировался на одной центральной проблеме, которая самым тесным образом соприкасалась с фундаментальной проблемой моей собственной работы. Это совпадение постоянно побуждало меня продолжать движение по выбранному пути – ведь из этого следовало, что систематическая задача, преследуемая этой книгой, внутренне связана с тенденциями и требованиями, выросшими из конкретной работы самих гуманитарных наук и из стремления к их историческому обоснованию и углублению» [10, с. 12]. Кассирера можно назвать учёным-«варбургянцем». Обнаруженное совпадение интересов стало для Кассирера стимулом, с одной стороны, продолжать движение по избранному пути, но и наметить новый, когда дело дошло до философской систематизации того, что Варбург продолжал переосмысливать и реорганизовывать эмпирически.

В 1930 году Кассирер был избран ректором Университета Гамбурга (1930–1933). Теперь многосторонность философа была востребована сполна, поскольку он должен был представлять университет в различных академических функциях и выступать с речью на различных факультетах. Кро-

ме того, он выполнял обязанности преподавателя, при этом был доступным для любого студента, который желал его помощи в решении философских проблем. Несмотря на огромное количество интеллектуальной работы, выполняемой Кассирером день за днём, он уделял внимание семье и друзьям, проявлял живой интерес к мировым событиям. Удивительно, пишет Гавронский, насколько Кассирер был сведущим во всём, что его окружает, не отставая даже от тех вещей, которые не имели прямого отношения к его научной работе – был знатоком классической музыки и в классических операх знал не только каждую отдельную мелодию, но также и каждое слово текста, часто даже на нескольких иностранных языках; разбирался во многих видах спорта; интересовался ценами фондовой биржи. Но было одно занятие, которое так поглощало его, что при феноменальной «способности переключаться», как отмечает его супруга Тони Кассирер, он не слышал и не видел ничего, что происходило вокруг него: шахматы. Но лишь в редких случаях была возможность сыграть или проанализировать игру выдающегося мастера [20, pp. 27–28]. За четырнадцать самых плодотворных лет жизни в Гамбурге, размышляя и записывая «Философию символических форм», Кассирер закончил третий том «Проблем познания», создал два больших исследования по истории философии: «Философию Просвещения», написанную в стенах Национальной библиотеки Парижа, и «Платонический Ренессанс в Англии и школа Кэмбриджа» – это последняя работа, изданная им в Германии; написал книгу «Теория относительности Эйнштейна. Размышление о теории познания», в которой впервые употребил понятие символической формы: «Задача систематической философии – далеко выходя-

щей за пределы задач критики познания – заключается в освобождении мировоззрения от этой односторонности. Ей надлежит охватить целое тех символических форм, из применения которых для нас возникает понятие расчленённой в себе действительности – в силу которых для нас разделяются субъект и объект, я и мир, в определённой форме противопоставляясь друг другу, – и дать каждому отдельному моменту этой совокупности твёрдое место» [8, с. 126]. Философская интерпретация Кассирером теории относительности Эйнштейна перед печатью была прочитана самим физиком. Кассирер был лично знаком с Эйнштейном. В качестве коллеги в Гамбурге Кассирер имел ещё одного замечательного учёного, «Архимеда наших дней» – Давида Гильберта.

В статьях этого периода, таких как «Идея и образ», «Понятийная форма в мифическом мышлении. Исследования библиотеки Варбурга», «Язык и миф», «Понятие символической формы в структуре наук о духе», актуализируются проблемы «Философии символических форм». Влияние уникальной библиотеки Варбурга на развитие теории Кассирера особенно явно прослеживается в работе «Индивид и космос в философии Возрождения», которая была написана в 1927 году к 60-летию Аби Варбурга.

В 1933 году, после установления в Германии нацистского режима, Кассирер вынужден эмигрировать: Англия (1933–1935), Швеция (1935–1941) США (1941–1945). Библиотеке Варбурга грозила опасность и её перевезли в Лондон. Вместе с библиотекой в Лондон переехала бывшая дипломница Эрнста Кассирера и личный секретарь Варбурга Гертруда Бинг. Фриц Заксль, как хранитель библиотеки и руководитель Вар-

бургского института, продолжал вести активную работу: организовывал выставки, лекции, семинары, доклады. Залась приглашал учёных из самых разных научных областей, но объединённых общим интересом к истории культуры. Робин Флауэр читал лекции о методах анализа средневековых манускриптов, Йохан Хейзинга выступал с докладами в цикле «Роль игры в культуре». 26 мая 1936 года Кассирер прочитал лекцию «Критический идеализм как философия культуры». Это была последняя лекция из пяти программных, прочитанных в январе-июне 1936 года. Первую же лекцию из этого цикла, которая называлась «Гуманитарные аспекты естественных наук», читал Нильс Бор, достоинства теории которого Кассирер изложил в своём крупном исследовании «Детерминизм и индетерминизм в современной физике», изданном в 1936 году. Замысел работы возник в результате обсуждения фундаментальных проблем эпистемологии (особенно принципа причинной связи) ведущими физиками XX века. Кассирер полагает, что развитие научной мысли, которое с начала XX века перевернуло устоявшиеся представления о времени и пространстве, материи и движении, по-новому осветило проблемы символического характера фундаментальных научных понятий. Вместо того, чтобы рассматривать физические понятия как «непосредственные образы, отпечатки, слепки, как двойники вещей, находящихся вне нас, мы будем мыслить их как символы, которые, говоря словами Канта, предназначены для единственной цели – «расшифровать являющееся нам, чтобы затем быть в состоянии постичь его как данное в опыте», мы поймём, что не только возможно, но и необходимо применять в описании явлений различные символы и, так сказать, различ-

ные (алфавиты) азбуки мышления, которые не противоречат друг другу, но друг друга дополняют» [5, с. 143]. Это положение, считает Кассирер, прояснил Нильс Бор, положив в основу своей теории «принцип дополнительности», объясняя который, он с необходимостью обратился к уяснению природы символов, используемых в области теоретической физики, поскольку этим принципом он стремился показать, каким образом два различных теоретических языка (классической и современной физики) могут совмещаться и гармонизировать друг с другом. О следствиях, которые имеет универсальный детерминизм для формирования наук о культуре и для основания философии культуры, Кассирер размышляет в работе 1939 года «Натуралистическое и гуманистическое обоснование философии культуры».

Итак, идея, в которой Кассирер видел последовательный метод интерпретации фундаментальных результатов атомной физики благодаря силе символического познания, является одним из основных принципов философии символических форм. Кассирер выражал это при помощи следующего конкретного примера: простой рисунок, например линия, может восприниматься по-разному, в зависимости от исходных установок сознания, – как математическое образование или как предмет эстетического созерцания, как магический или религиозный символ и т.д. Каждый случай даёт новую картину и должен пониматься из присущих ему особенностей. Таким образом, одна и та же вещь (например, линия), при рассмотрении с разных точек зрения меняет смысловую направленность, как понятие, обладающее различными значениями: «ощущаемая нами материя получает всякий раз новую и многообразную духовную

жизнь в зависимости от способа воззрения на неё» [9, с. 29].

В докладе «Проблема символа и её положение в системе философии», прочитанном на Третьем конгрессе по эстетике и общему искусствоведению в Галле в 1927 году, Кассирер фиксирует следующее: «Если мы ещё раз вспомним ретроспективно наш пример о проведении линии, который понимался то как эстетический орнамент, то как магически-мифический символ, а затем снова как математическая кривая, как обозначение функциональной изменчивости, и в каждом из этих вариантов получалась совершенно иная конкретная форма – так становится ясным, что то, что мы называем предметом, понимается не в виде твёрдой и неподвижной субстанциональной формы, а как функциональная форма. И одновременно обнаруживается как настоящее, богатство бытия развёртывается прежде из богатства смысла, как разнообразие значений бытия относится к требованию единства бытия не в смысле отражения, а скорее, представляет лишь собственное исполнение как раз этого требования» [18, р. 21]. Эта мысль проходит сквозной нитью через многие работы Кассирера¹. Символические формы определяют различные перспективы, которые могут идти от каждого объекта. Совокуп-

ность всех перспектив, всех символических форм может дать истинное представление о реальности.

Варбург и Кассирер занимались общим делом: воскрешением духа прошлого, рассматривали жизнь в исторической перспективе, с тем чтобы «прийти к созданию цельной картины культуры» [12, с. 350]. Один творчески переплавлял и актуализировал голоса философской традиции, другой – визуальные образы европейской культуры.

Человек, в представлениях Варбурга и Кассирера, живёт в символической Вселенной, которая нуждается в постоянном осмыслении и переосмыслении, интерпретации и актуализации. Оба, опираясь на исследования памяти Земона (Семона), пытались увидеть «кристаллизацию прошлого в малых символических деталях культурных манифестаций» [19, р. 223] и крупных символических формах культуры.

Дружба, общие научные интересы, исследовательские перспективы Варбурга и Кассирера позволяют задуматься о важной проблеме науки о культуре – роли эпистемологического окружения в появлении определённого стиля мышления у двух концептуально противоположных фигур в истории гуманитарных наук.

Подтверждением плодотворности взаимовлияния творческих поисков Кассирера и Варбурга стали концепции Эдгара Винда, Фрэнсиса Йейтса, Франка Кермода, Эрвина Панофского. Сопоставление исследовательских перспектив Варбурга и Кассирера должно послужить расширению проблемного поля культуры.

¹ См. также: Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 томах. Москва ; Санкт-Петербург, 2002. Том 3. С. 158–159; Кассирер Э. Лекции по философии и культуре // Культурология. XX век. Антология. Москва, 1995. С. 128–129; Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. Москва, 1998. С. 640–641.

Список литературы

1. Варбург А. Великое переселение образов. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. 384 с.
2. Вейнмейстер А. В. Символическая интерпретация культуры в концепции Э. Кассирера и А. Ф. Лосева : диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук :

- 24.00.01 – Теория и история культуры / Вейнмейстер Анастасия Валентиновна. Санкт-Петербург, 2006. 194 с.
3. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. 654 с.
 4. Кассирер Э. К вопросу о логике символического понятия // Избранное: Индивид и космос. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. С. 414–437.
 5. Кассирер Э. Лекции по философии и культуре // Культурология. XX век : антология : [перевод] / [сост. С. Я. Левит]. Москва : Юристъ, 1995.
 6. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. Москва : Гардарика, 1998. С. 440–724.
 7. Кассирер Э. Понятие символической формы в структуре наук о духе // Избранное: Индивид и космос. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. С. 391–414.
 8. Кассирер Э. Теория относительности. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.
 9. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 томах. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. Том 1. 272 с.
 10. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 томах. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. Том 2. 280 с.
 11. Кун Х. Философия культуры Э. Кассирера // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. С. 615–637.
 12. Пановский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. Москва : Искусство, 1998. 362 с.
 13. Рубцов Н. Н. Иконология : История, теория, практика. Москва : Наука, 1990. 158 с.
 14. Торопыгина М. Эллипс как символ биополярности мира. К истории Библиотеки Варбурга // Библиотечное дело. 2011. № 3. С. 12–16.
 15. Agamben G. Aby Warburg and the Nameless Science. *Potentialities: Collected Essays in Philosophy*. Stanford: Stanford University Press, 1999. 328 p.
 16. Anstey T. Moving Memory: The Buildings of the Warburg Institute. *Kunst og Kultur*. 2020, no. 3, pp. 172–185.
 17. Cassirer E. Worte zur Beisetzung von Professor Dr. Aby M. Warburg. *Mnemosyne. Beiträge zum 50 Todestag von Aby M. Warburg*. Göttingen : Gratia-Verlag, 1979. 63 s.
 18. Cassirer E. Das Symbolproblem und seine Stellung im System der Philosophie. Cassirer E. *Symbol, Technik, Sprache: Aufsätze aus den Jahren 1927–1933*. Hamburg : Meiner, 1985. S. 1–38.
 19. Emden C. J. “Nachleben”: Cultural Memory in Aby Warburg and Walter Benjamin. *Cultural Memory: Essays on European Literature and History*. Oxford ; New York : Peter Lang, 2003. Pp. 209–224.
 20. Gawronsky D. Ernst Cassirer: his life and his work. *The philosophy of Ernst Cassirer*. Evanston, IL : The Library of Living Philosophers, 1949. Volume VI. Pp. 3–37.
 21. Jesinghausen-Lauster M. *Die Suche nach der symbolischen Form: der Kreis um die Kulturwissenschaftliche Bibliothek Warburg*. Baden-Baden : Koerner, 1985. 364 s.
 22. Marc-Wogau K. Der Symbolbegriff in der Philosophie Ernst Cassirers. *Theoria. Band II*. 1936, s. 279–332.
 23. Naber C. Der Hamburger Kreis um Ernst Cassirer und Aby Warburg. *Die Geschichte der Juden in Hamburg. Bd. 2*. Hamburg : Dölling und Galitz, 1991. S. 393–406.
 24. Wimmer M. The Afterlives of Scholarship: Warburg and Cassirer. *History of Humanities*. 2017, volume 2, no. 1, pp. 245–270.

References

1. Warburg A. *The great relocation of images*. St. Petersburg, “Azbooka Classic” Publishing House, 2008. 384 p. (In Russ.).
2. Weinmeister A. V. *Symbolic interpretation of culture in the concept of E. Cassirer and A. F. Losev*. Cand. philos. sci. diss. St. Petersburg, 2006. 194 p. (In Russ.).
3. Cassirer E. *Selected: Individual and Space*. Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2000. 654 p. (In Russ.).

4. Cassirer E. On the logic of the symbolic concept. In: Cassirer E. *Selected: Individual and Space*. Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2000. Pp. 414–437. (In Russ.).
5. Cassirer E. Lectures on philosophy and culture. In: Levit S. Ya, comp. *Culturology. XX century. Anthology*. Moscow, The Publishing Group “Jurist”, 1995. 703 p. (In Russ.).
6. Cassirer E. An essay on man. An introduction to a philosophy of human cultur. In: Cassirer E. *Selected. Experience about a person*. Moscow, Publishing House “Gardarika”, 1998. Pp. 440–724. (In Russ.).
7. Cassirer E. The concept of a symbolic form in the structure of spirit sciences. In: Cassirer E. *Selected: Individual and Space*. Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2000. Pp. 391–414. (In Russ.).
8. Cassirer E. *Einstein’s Theory of Relativity*. Moscow, Bookhouse “LIBROCOM,” 2009. 144 p. (In Russ.).
9. Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms. In 3 volumes, volume 1*. Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2002. 272 p. (In Russ.).
10. Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms. In 3 volumes, volume 2*. Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2002. 280 p. (In Russ.).
11. Kun H. Philosophy of culture E. Cassirer. In: In: Cassirer E. *Selected: Individual and Space*. Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2000. Pp. 615–637. (In Russ.).
12. Panofskiy E. *Renaissance and “Renaissance” in the art of the West*. Moscow, Art Publishing House, 1998. 362 p. (In Russ.).
13. Rubtsov N. N. *Iconology: History, theory, practice*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1990. 158 p. (In Russ.).
14. Toropygina M. Ellipse as a symbol of the bipolarity of the world. To the history of the Warburg Library. *Librarianship*. 2011, no. 3, pp. 12–16. (In Russ.).
15. Agamben G. Aby Warburg and the Nameless Science. *Potentialities: Collected Essays in Philosophy*. Stanford: Stanford University Press, 1999. 328 p.
16. Anstey T. Moving Memory: The Buildings of the Warburg Institute. *Kunst og Kultur*. 2020, no. 3, pp. 172–185.
17. Cassirer E. Worte zur Beisetzung von Professor Dr. Aby M. Warburg. *Mnemosyne. Beiträge zum 50 Todestag von Aby M. Warburg*. Göttingen : Gratia-Verlag, 1979. 63 s.
18. Cassirer E. Das Symbolproblem und seine Stellung im System der Philosophie. Cassirer E. *Symbol, Technik, Sprache: Aufsätze aus den Jahren 1927–1933*. Hamburg : Meiner, 1985. S. 1–38.
19. Emden C. J. “Nachleben”: Cultural Memory in Aby Warburg and Walter Benjamin. *Cultural Memory: Essays on European Literature and History*. Oxford ; New York : Peter Lang, 2003. Pp. 209–224.
20. Gawronsky D. Ernst Cassirer: his life and his work. *The philosophy of Ernst Cassirer*. Evanston, IL : The Library of Living Philosophers, 1949. Volume VI. Pp. 3–37.
21. Jesinghausen-Lauster M. *Die Suche nach der symbolischen Form: der Kreis um die. Kulturwissenschaftliche Bibliothek Warburg*. Baden-Baden : Koerner, 1985. 364 s.
22. Marc-Wogau K. Der Symbolbegriff in der Philosophie Ernst Cassirers. *Theoria. Band II*. 1936, s. 279–332.
23. Naber C. Der Hamburger Kreis um Ernst Cassirer und Aby Warburg. *Die Geschichte der Juden in Hamburg. Bd. 2*. Hamburg : Dölling und Galitz, 1991. S. 393–406.
24. Wimmer M. The Afterlives of Scholarship: Warburg and Cassirer. *History of Humanities*. 2017, volume 2, no. 1, pp. 245–270.

*

ФЕНОМЕН КОНФОРМИЗМА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:316.7

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-58-63>

Л. О. Мысовских

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: levmisov@yandex.ru

Аннотация: Автор подробно рассматривает взгляды на феномен конформизма, опубликованные в работах представителей французской социологии культуры Эмиля Дюркгейма и Пьера Бурдьё. Приводится трактовка морального действия индивида с точки зрения французской социологии культуры. Феномен конформизма понимается как условие социальной интеграции. В заключение автор приходит к выводу, что феномен конформизма может рассматриваться в качестве действенного способа лавирования художника между теми или иными проблемами с целью достижения сознательно поставленной цели, что не требует моральной оценки со стороны исследователя.

Ключевые слова: французская социология культуры, искусство, творчество, общество, художественная сфера, художники, конформизм.

Для цитирования: Мысовских Л. О. Феномен конформизма во французской социологии культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 58–63. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-58-63>

THE PHENOMENON OF CONFORMISM IN FRENCH SOCIOLOGY OF CULTURE

Lev O. Mysovskikh

Ural Humanitarian Institute, the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: levmisov@yandex.ru

Abstract: The author examines in detail the views on the phenomenon of conformism published in the works of representatives of the French sociology of culture Emile Durkheim and Pierre Bourdieu. The interpretation of the moral action of an individual from the point of view of the French sociology of culture is given. The phenomenon of conformity is understood as a condition of social integration. In conclusion the author comes to the conclusion that the phenomenon of conformism can be considered as an effective way for the artist to maneuver between certain problems in order to achieve a consciously set goal, which does not require a moral assessment on the part of the researcher.

Keywords: French sociology of culture, art, creativity, society, art sphere, artists, conformism.

For citation: Mysovskikh L. O. The phenomenon of conformism in French sociology of culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 58–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-58-63>

МЫСОВСКИХ ЛЕВ ОЛЕГОВИЧ – магистр философии, аспирант филологического факультета Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

MYSOVSKIKH LEV OLEGOVICH – Master of Philosophy, PhD student at the Philological Faculty, the Ural Humanitarian Institute, the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

© Мысовских Л. О., 2021

Бытует распространённое мнение о существующих сделках художников с властью, равно как и о принуждении к творчеству, либо наивном непонимании происходящих событий. Трактовку морального действия сознательной личности можно найти в исследованиях представителей французской социологии культуры, которые пытаются объяснить моральные действия личности социологически.

Во Франции социальная теория создавалась на базе традиций, которые имели характер, альтернативный основаниям сферы культуры. И конформизм был одной из подобных традиций. Понятие конформизма вводит в своих работах Эмиль Дюркгейм – основоположник французской социологии. В трактовке Дюркгейма конформизм приобретает позитивный смысл. По Дюркгейму, «логический конформизм» является фундаментом непосредственного отношения человека к окружающей действительности, и более всего – в ощущении действительности социальной. Пьер Бурдьё в книге «Социология социального пространства» пишет, что «Дюркгейм называл логический конформизм гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами» [3, с. 89].

Само понятие «логический конформизм» Дюркгеймом ввёл в книге «Элементарные формы религиозной жизни», в которой высказал следующую мысль: «если бы люди не обладали в любой момент времени согласием в отношении этих существенных идей, если бы у них не было сходных концепций времени, пространства, причины, числа и т.д., стало бы невозможным любое согласие между умами и, следовательно, всякая совместная жизнь. Вот почему общество не может допустить произ-

вола частных лиц в отношении категорий, не отказавшись при этом от самого себя. Чтобы выжить, оно нуждается не только в достаточном нравственном конформизме: имеется также и минимум логического конформизма, без которого оно не может существовать. По этой причине общество использует весь свой авторитет для воздействия на своих членов, чтобы не допустить инакомыслия» [6, с. 52].

Анализируя мысль Дюркгейма, Бурдьё в книге «О государстве» делает вывод, что «для Дюркгейма логические категории – это социальные категории, то есть группы или кланы, ставшие ментальными категориями. Логический конформизм – это фундаментальное согласие с миром и его агентами, которое позволяет приобщиться к общему миру логических категорий» [1, с. 285].

Конформизм – это основное, обязательное требование социальной интеграции. Конформизм есть путь к согласию в отношении основных ценностей социальной действительности. Логическая интеграция является основанием интеграции моральной. Созданное обществом практическое мышление ведёт людей к единству мнений в отношении моральных норм. Дюркгейм определяет такой конформизм как коллективную репрезентацию, которая есть продукт объединения членов общества, их идей и устремлений в определённом месте. Дюркгейм считает, что «власть, какой общество обладает над человеческими умами, гораздо меньше обязана физическому насилию, привилегией на которое оно обладает, чем моральному авторитету, которым оно облечено. Если мы подчиняемся требованиям общества, то не потому, что оно достаточно сильно, чтобы подавить наше сопротивление, но прежде всего потому, что оно является объектом настоящего почи-

тания» [6, с. 354]. Дюркгейм трактует конформизм как социальную истину и абсолютную положительную значимость, потому что конформизм обеспечивает поддержание и бесперебойную работу социальных контактов.

Дюркгейм ставит искусство в положение конфронтации значимости группового конформизма, так как искусство, в представлении Дюркгейма, есть отречение от здравого смысла. С одной стороны, это процесс, у которого нет строго установленных правил, так как, по Канту, творчество гения правилам не подчинено; с другой – данный процесс не определяется строгой миссией, именно это и обеспечивает свободную реализацию данного процесса. Дюркгейм, подчёркивая такую двойственность, ставит искусство на одну доску с излишеством и роскошью. Положение о роскоши Дюркгейм применяет для описания связей экономических и социальных изменений процессов, которые не ведут прямо к своей продуктивной цели.

Согласно Дюркгейму, такая особенность искусства является достаточным основанием для использования по отношению к нему регламентаций, задача которых нивелировать отрицательные, аномические, то есть отклоняющиеся от устоявшейся системы норм и ценностей, сохранявшей традиционный порядок в обществе, формирования безграничной индивидуальности, не имеющей совершенно никаких рамок. Дюркгейм развил теорию аномии, которая является основной для данного автора, в пику трудам Жан-Мари Гуйо, занимавшегося философией искусства и квалифицировавшего аномию как однозначно положительный феномен, содействующий освобождению общества от различных социальных зависимостей и ограничений. Согласно

Гуйо, основной задачей художника является освободительная деятельность, в то время как эстетическая функция трактуется в качестве образа положительной аномии. Дюркгейм же не принимает освободительную миссию эстетической практики, разрушающей основы единства общества, а именно юридические и моральные нормы, которым следует социум. Отсюда следует, что искусство необходимо обязать следовать социальным нормам с помощью раскрытия его истинной общественной сущности.

Сложившаяся во Франции в 80-х годах XX века социология культуры, как независимая наука, развивается в направлении парадигмы, определённой Дюркгеймом, трактуя при помощи социального художественную сферу. Согласно такому взгляду, культура не трансцендентна, она выступает в качестве составной части социальной деятельности. Произведения искусства создаются человеком в первую очередь для других членов социума, а следовательно, должны подчиняться определённым социальным установкам, впрочем, не утрачивать и свои принципы. Бурдьё смог очень удачно использовать социологическую теорию по отношению к культуре. Созданная им школа критической социологии вполне заслуженно пользуется уважением в мире.

Бурдьё в книге «Социальное пространство: поля и практики» пишет: «поле производства культуры в каждый момент своей истории представляет собой поле борьбы между двумя принципами иерархии:

- гетерономным принципом, который благоприятствует тем, кто экономически и политически доминирует в поле (например, «буржуазному искусству»);
- и автономным принципом (например, «искусство для искусства»)» [4, с. 371–372].

В своих трудах Бурдьё разработал теорию полей, где деятельность художника соотносится с тем местом, которое он занимает в поле, а также тем типом капитала, которым художник обладает. Именно накопление определённого типа капитала является одной из важнейших задач для художника. В книге «Социология социального пространства» Бурдьё пишет: «Отдельные виды капитала, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле (действительно, каждому полю или субполю соответствует особый вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре). Например, объём культурного капитала (то же самое с соответствующими изменениями относится к экономическому капиталу) определяет совокупные шансы на получение выигрыша во всех играх, где задействован культурный капитал и где он участвует в определении позиции в социальном пространстве (в той мере, в какой эта позиция зависит от успеха в культурном поле)» [3, с. 16].

В литературном поле Бурдьё выделяет две группы, противостоящие друг другу. Во-первых, в оппозиции находятся господствующие художники и подчинённые, а во-вторых, друг другу противопоставляются понятия автономии и гетерономии. С помощью перекрещивания противостоящих друг другу групп возникают следующие идеальнотипические образы художников: эстеты, авангардисты, нотабли и массовые писатели. Они могут занимать различные места в зависимости от своих литературных концепций, вида политической ангажированности, социализации.

Одна оппозиционная группа формируется путём противопоставления господствующих и подчинённых художников

по количеству капитала, который обращается в этой социальной сфере. Нередко данное разделение соответствует оппозиции между известными и начинающими художниками.

Другая оппозиционная группа формируется путём противопоставления художников, владеющих политическим и экономическим капиталом, и художников, имеющих капитал культурный, символическая стоимость которого выше, так как её фундаментом является оценка других художников. Лагерь автономных художников создаёт свои меры оценивания произведений искусств, которые не зависят от мнения потребителей и степени востребованности на арт-рынке. У художников автономного лагеря в порядке вещей постоянные ссылки на мнения и произведения друг друга, обращение к истокам своего искусства, подчёркивание, что важным принципом автономии является положительная оценка в узком кругу мастеров. Гетерономный лагерь стремится к внехудожественным оценкам: признанию зрителей и читателей, хорошей продаваемости произведений искусства, то есть тем ценностям, которые важны для массовых художников; также высокую значимость имеет институциональный капитал и педагогическая составляющая искусства, что характерно для нотаблей.

Бурдьё описывает искусство как совместную деятельность, обоснованную именно тем, что ею занимаются коллективно. Элемент соревнования между членами коллектива, а не индивидуальная работа художника, формирует осмысленную действительность поля искусства, обязательную для его деятельности. При таком взгляде на ситуацию все художники гетерономного поля искусства играют одинаково важную роль в истории поля искусств, так как их деятельность способствует сплочению

противоположного – автономного лагеря. Вот почему для Бурдьё не существует искусства истинного, возвышенного и дешёвого ширпотреба, а присутствует общая деятельность, где описанная дифференциация требуется для стабильности всей системы.

Таким образом, при помощи теории полей можно объяснить феномен конформизма в художественной сфере понятиями умножения и обмена разнообразных капиталов, которые обуславливают положение художника в поле искусств. Непрерывающаяся перестановка капиталов, их переход от одного участника к другому, в качестве которых могут выступать как сами художники, так и институты, государство, арт-рынок и потребители искусства, является фундаментом всей деятельности поля искусств. Позиция, которую художники занимают в поле искусства, устанавливается не только желанием художника, но в первую очередь самой ситуацией, сложившейся в поле и тем видом капитала, коим обладает, либо, напротив, не обладает сам художник. Впол-

не обычно, если художник намеревается получить символический капитал, стараясь удовлетворить запросы публики и арт-рынка, либо ориентируясь на содействие со стороны государства, угождая его идеологическим требованиям и приобретая таким образом институциональный капитал. Подобная деятельность, согласно Бурдьё, поддерживает стабильность всего поля искусства и способствует процессам усовершенствования. Идеалы, постулируемые представителями автономного поля искусства, выступают всего лишь в качестве одного из планов, который зависит от текущего положения дел в поле, а не вселенской истиной безупречного образца.

Таким образом, из взглядов представителей французской социологии культуры Эмиля Дюркгейма и Пьера Бурдьё можно сделать вывод, что феномен конформизма может применяться как действенный способ лавирования художника между теми или иными проблемами, не требующий моральной оценки со стороны исследователя.

Список литературы

1. Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / под редакцией Патрика Шампаня, Реми Ленуара, Франка Пупо и Мари-Кристин Ривьер ; перевод с французского Дмитрия Кралечкина и Инны Кушнарёвой ; предисловие Александра Бикбова ; [Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации РАНХиГС]. Москва : Дело, 2016. 718, [1] с.
2. Бурдьё П. Практический смысл : [перевод с французского] / общ. ред. перевода и послесл. Н. А. Шматко. Санкт-Петербург : Алетейя ; Москва : Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с. : ил.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства : перевод с французского / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. 288 с.
4. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практика : перевод с французского / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. 576 с.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд : перевод с французского с сокращением / под ред. В. А. Базарова. Москва : Мысль, 1994. 399, [1] с.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / перевод с французского Алексея Аполлонова и Татьяны Котельниковой. Москва : Издательский дом «Дело» : РАНХиГС, 2018. 732, [1] с. : ил., табл.

7. Неменко Е. П. Французская социология искусства о конформизме: от критики к прагматике // *Labyrinth. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 1.
8. Сапиро Ж. Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. 7. № 5. С. 126–143.

References

1. Bourdieu P. *On the State: a course of lectures at the College de France (1989–1992)*. Moscow, Publishing House “Delo”, 2016. 718 p. (In Russ.).
2. Bourdieu P. *Practical meaning*. St. Petersburg, Aletheia Publishing House ; Moscow, Publishing House of the Institute for Experimental Sociology, 2001. 562 p. (In Russ.).
3. Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow, Publishing House of the Institute for Experimental Sociology ; St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2007. 288 p. (In Russ.).
4. Bourdieu P. *Social space: fields and practice*. Moscow, Publishing House of the Institute for Experimental Sociology ; St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2005. 576 p. (In Russ.).
5. Durkheim E. *Suicide: a sociological study*. Moscow, Mysl Publishers, 1994. 399 p. (In Russ.).
6. Durkheim E. *Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia*. Moscow, Publishing House “Delo”, 2018. 732 p. (In Russ.).
7. Nemenko E. P. French sociology of art about conformism: from criticism to pragmatics. *Labyrinth*. 2013, no. 1. (In Russ.).
8. Sapiro J. French field of literature: structure, dynamics and forms of politicization. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004, vol. 7, no. 5, pp. 126–143. (In Russ.).

*

Античный шаманизм и миф у истоков философско-поэтического дискурса

УДК 1:291.2(38)

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-64-81>

В. П. Римский¹, Аотегенхуар, Сум Бэр

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Российская Федерация
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация, e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru¹

Аннотация: В статье представлен критический анализ книги Э. Р. Доддса «Греки и иррациональное» (1951) в контексте собственного видения проблемы происхождения древнегреческой поэзии и философии, переработавших в качестве культурно-исторических предпосылок образы и практики архаического шаманизма. Обосновывается авторская интерпретация этногенеза, глоттогенеза и культуругенеза в их сопряжении применительно к архаике протоиндоевропейцев, протоиндоариев и протоиндоиранцев. Конкретизировано авторское понятие «речь-миф» на основе понятия «евразийский шаманизм», что позволило логически уточнить и конкретизировать процесс возникновения древнегреческой поэзии и философии в сложной социокультурной динамике становления античной культурно-цивилизационной системы.

Ключевые слова: иррационализм, этногенез, глоттогенез, культуругенез, речь-миф, евразийский шаманизм, древнегреческая поэзия, первичная философия.

Для цитирования: Римский В. П., Аотегенхуар, Сум Бэр Античный шаманизм и миф у истоков философско-поэтического дискурса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 64–81. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-64-81>

РИМСКИЙ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

RIMSKIY VICTOR PAVLOVICH – DPhil, Full Professor, Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, the Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor at the Department of Philosophy and Theology, the Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

АОТЕГЕНХУАР – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (КНР)

AOTGENHUAR – PhD student at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University (China)

СУМ БЭР – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (КНР)

SUM BER – PhD student at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University (China)

© Римский В. П., Аотегенхуар, Сум Бэр, 2021

ANCIENT SHAMANISM AND MYTH AT THE ORIGINS OF PHILOSOPHICAL AND POETIC DISCOURSE

Victor P. Rimskiy¹, Aotgenhuar, Sum Ber

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru¹

Abstract: The article presents a critical analysis of E. R. Dodds' book "The Greeks and the Irrational" (Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1951) in the context of his own vision of the problem of the origin of ancient Greek poetry and philosophy, recycling the images and practices of archaic shamanism as cultural-historical preconditions. The author's interpretation of ethnogenesis, glottogenesis and culturogenesis in their conjugation as applied to the archaic Proto-Indo-Europeans, Proto-Indo-Aryans and Proto-Indo-Iranians is substantiated. The author's notion of "speech-myth" was concretized on the basis of the notion of "Eurasian shamanism", which allowed to logically clarify and specify the process of the ancient Greek poetry and philosophy in the complex socio-cultural dynamics of the formation of the ancient cultural-civilizational system.

Keywords: irrationalism, ethnogenesis, glottogenesis, culturogenesis, speech-myth, Eurasian shamanism, ancient Greek poetry, primary philosophy.

For citation: Rimskiy V. P. , Aotgenhuar, Sum Ber Ancient shamanism and myth at the origins of philosophical and poetic discourse. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 64–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-64-81>

Актуальность понимания первоначал

В контекстах философии XIX–XX веков схема возникновения греко-римской культуры, философии и науки укладывалась в парадигму «от мифа к логосу», которая до сих пор остаётся актуальной и реанимируется в школьных историко-философских публикациях. Подобные европоцентристские образы Античности явились продуктами перекодирования греко-римской культуры в католическом Средневековье и Возрождении, а затем её приватизации в Просвещении и цивилизации модерна. Мы уже подвергали критике модернизаторские концепты и образы Античности [см.: 22; 23; 24; 25; 26; 34 и др.], показав, что не только миф был далёк от его понимания как прямолинейного, «синкретического» истока «античного логоса», но и древнегреческая (и древнеримская) культура и философия базировались на огромном потенциале (силе) *иррационализма*.

По этому поводу ещё в середине XX века А. Боннар воскликнул: «Более того, в течение всей своей истории, включая и период ослепительного, всестороннего расцвета и созданных им шедевров, век Софокла, Гиппократ и Парфенона, греческий народ, вместе с "Элладой Эллад" – Афинами, этим горячим и трепетным сердцем Греции, придерживался суеверий и нравов, то несколько странных, то прямо "полинезийских", порой просто забавных, а иногда таких чудовищно жестоких, что чувствуешь себя здесь за тысячи вёрст от всякой цивилизации ... О Греция искусств и разума Тэна и Ренана, розово-голубая Греция, Греция-конфетка, как ты вымазана землёй, пахнешь потом и перепачкана кровью!» [3, с. 16, 20]. Эти слова Боннара были сказаны в то время, когда появились «вновь открывшиеся обстоятельства» в контексте культурно-антропологических и этнографических описаний и интерпретаций «остывших»

архаических культур, вследствие чего стали возможны и кросс-культурные исследования греко-римских древностей.

Имея в виду «вновь открывшиеся обстоятельства», мы посчитали возможным обратиться к проблематике генезиса первичной «философской рефлексии» и ещё раз ответить на ряд существенных вопросов.

Как же реально происходил генезис первичной философской рефлексии? Какую роль играла в этих процессах мифология и религия? Как относились первые античные мыслители к мифу и религии?

Толчком возвращения к данной проблематике послужили сразу две одно-временные публикации переводов ушедшей на обочину истории культуры и философии книги британского культуролога и филолога Э. Р. Доддса «Греки и иррациональное» [см.: 8; 9; 38], вышедшей в русле «вновь открывшихся обстоятельств» тогда же, в 1950 году. Не поздно ли, если даже после русских переводов прошло уже двадцать лет?

Думаем, что обращение к классической древности, в том числе к греческой, никогда не бывает «поздно», так как Хайдеггер как-то заметил: «Начало есть то, что в сущностной истории приходит последним ... Такое предваряющее и определяющее всю историю мы называем изначальным (das Anfängliche). Поскольку оно не остаётся в прошлом, а предлежит будущему, изначальное снова и снова дарует себя той или иной эпохе» [35, с. 15]. Это справедливо также и не только по метафизическим соображениям, так как «европейский модерн» обернулся в наши дни постмодернистской хаотизацией рационализма (науки и философии), иррационализмом политкорректности и трансгуманизма.

Античный рационализм и иррационализм: версия Э. Р. Доддса

Книга Доддса в середине XX века оказала провокационное воздействие на науку (правда, сейчас острота её идей убавилась). В чём же состояла эта «провокационность» по отношению к «классической академичности» в трактовках Античности? Вот основной посыл Доддса: «Почему в таком случае мы должны приписывать древним грекам какой-то иммунитет от “первобытных” типов мышления, который не обнаруживается ни в одном из обществ, доступных нашему наблюдению? ... Специалистов в области классики уже мало оправдывает принятая в их среде – и до сих пор разделяемая многими из них – практика оперирования устаревшими антропологическими концепциями и игнорирование новых направлений в антропологии, сложившихся в последние тридцать лет, вроде наметившегося в недавнее время альянса между социальной антропологией и социальной психологией ... Но, согласитесь, непривычно находить такие верования, такое чувство постоянной, обыденной, зависимости от сверхъестественного в поэмах, считающихся столь “нерелигиозными” – в “Илиаде” и “Одиссее”. И мы можем спросить себя, а почему люди столь цивилизованные, столь ясно мыслящие, столь рациональные, как ионийцы, не убрали из своих народных эпических поэм эти параллели с Борнео, то есть своё собственное первобытное прошлое, как они исключили из них страх перед мёртвыми, страх перед нечистотой и другие первобытные страхи, которые, несомненно, должны были играть определённую роль в древних устных сказаниях, ставших источником поэм?» [9, с. 6, 7, 21–22], – писал он, ссылаясь на Л. Леви-Брюля и обставляя собственные прозрения ого-

ворками, будто изгородью, против академического догматизма.

Доддс пытается реконструировать некий религиозный «наследственный конгломерат», понимая под ним «унаследованную от предков структуру иррациональных обычаев и правил» [9, с. 187], в котором большую роль играли не только «органические» верования эллинов, но и заимствования из неких шаманских практик, полученные, предположительно, в результате древних контактов с «северными народами» и повлиявшие на представления о непримиримом дуализме души и тела, метемпсихозе (реинкарнации души), о значении очистительных практик не только в простонародье, но и среди интеллектуальной элиты – от Гомера, орфиков и первых поэтов до Платона и Аристотеля. Доддс называет их «новой религиозной системой».

Дуализм души и тела в орфизме и пифагореизме Доддс считает заимствованным «новой религиозной системой» Древней Эллады из «северного шаманизма». «И именно в это представление, – делает он вывод в центральной, пятой, главе книги, – новая религиозная система внесла решающий вклад: наделив человека тайной самостью божественного происхождения и таким образом расторгнув связь души и тела, новая система ввела в европейскую культуру новое понимание человеческого существования, которое мы назовём “пуританским” (очистительным. – В. Р., А., С. Б.). Откуда возникло это новое представление о человеке?» [9, с. 145]. Здесь он связывает «новые религиозные представления» с шаманскими практиками путешествия как во сне, так и в экстазе, когда душа шамана отлетает в некие «иные миры». Но сразу же возникает недоумение: на роль сна в возникновении анимизма и представлений об ак-

тивной, свободной душе (духах) указывал ещё Э. Тэйлор [33], считая этот феномен общим для всех народов мира, то есть *универсальным и общечеловеческим*. Тогда причём здесь шаманизм?

Сам Доддс оговаривается: мол, идеи о посмертном существовании души (то есть анимизм) и посмертном воздаянии за «преступления» или «благое поведение» наблюдались у всех народов мира. Тогда что же нового привнёс «заимствованный шаманизм» в якобы «традиционные» верования эллинов? Новым был, по мысли Доддса, *непримиримый дуализм души и тела*, которого Гомер, например, ещё не знает: с этим, мол, и связаны *экстатические и постнические практики очищения и освобождения души от тела*, обретенные в шаманизме и закончившие (или пока нет?) свой путь в различных версиях гностико-манихейства.

Но как происходило это заимствование и возникновение у греков «новой религиозной системы»? Доддс рассматривает в этой связи различные точки зрения и в примечаниях полемизирует (правда, с оговорками) и с современными авторами, и с самим Геродотом, которые этот феномен, как и представления об антагонизме души и тела, реинкарнации и практики очищения связывали с индоевропейским культурным наследием и локализацией в Малой Азии и Египте. «Мнение Геродота о заимствовании теории метемпсихоза из Египта, – делает он вывод, – не соответствует действительности хотя бы потому, что у египтян такой теории не было ... Заимствование данной теории из Индии не подтверждается источниками, да и вряд ли было возможно ... Впрочем, не исключено, что индийское и греческое верования в переселение душ могли иметь один общий источник...» [9, с. 165, 166]. Что это за «общий источник»?

И он называет этот «источник» – в «скифской религии», которую идентифицирует однозначно как «шаманизм», а этногенез и культурогенез самих «скифов» с их «шаманизмом» локализует в *урало-алтайском регионе*, связывая с древними финно-угорскими, палеоазиатскими и пратюркскими этнокультурами.

Правда и здесь Доддс делает ряд оговорок и реверансов в сторону «универсальности шаманизма», в том числе цитируя и классиков антропологии: «Таким образом, греческие шаманы архаической эпохи представляют собой своеобразную реставрацию более древнего типа личности ... Нечто подобное, видимо, происходило в Индии, где вера в реинкарнацию возникла относительно поздно и, кажется, не была ни составной частью верований аборигенов, ни элементом религии пришедших в Индию индоевропейских племён. В. Рубен ... обнаруживает истоки индийской веры в реинкарнацию в контактах жителей Индии с шаманской культурой Центральной Азии. Любопытно, что в Индии, как и в Греции, теория реинкарнации и интерпретация сновидений как психических путешествий появились одновременно ... Видимо, они являлись элементами общей системы верований. Если это так и если шаманизм является источником второго элемента, то тогда он, скорее всего, является источником и первого ... “Данное учение о трансмиграции или реинкарнации души можно обнаружить у многих первобытных племен” (Fraser. *The Belief in Immortality*. I. 29). “Вера в реинкарнацию имеет место во всех первобытных цивилизациях собирателей, охотников и рыболовов” (P. Radin. *Primitive Religion*, 270)» [9, с. 174, 177].

Но при всех оговорках для Доддса однозначным остаётся первичность шаманиз-

ма палеоазиатов и северных народов (к ним он относит и «скифов») по отношению к индоевропейцам, каковыми были эллины во всём своём этнокультурном многообразии. «В Скифии и, вероятно, во Фракии, – утверждал он, – греки вступили в контакт с людьми, которые, как показал швейцарский исследователь Меули, находились под влиянием шаманистской культуры ... Меули приходит к выводу, что последствия этого контакта дали о себе знать в конце архаической эпохи в появлении целого ряда *iatromanteis* – провидцев, целителей и религиозных учителей – некоторые из которых, согласно греческой традиции, связаны с севером; все эти фигуры без исключения имеют ярко выраженные шаманские черты» [9, с. 146]. Однако всё было, на наш взгляд, гораздо сложнее, так как мы сталкиваемся с тем, что религиозно-мифологические заимствования и трансформации всегда связаны с этнокультурными миграциями и контактами и глубже – с этногенезом и культурогенезом различных «племен и народов».

Прародина древних обществ и этнокультурных сообществ

Выше мы отметили, что «прародиной шаманизма» Доддс считает *урало-алтайский регион*, где и происходил этногенез и культурогенез древних «скифов». Но какова их этнокультурная идентификация? Б. А. Рыбаков в своё время показал, что ещё со времён Античности происходит большая путаница в этнической, культурной и языковой идентификации тех «скифов», с кем имели дело эллины, исследуя Геродоту «Историю» [27]. Интерпретация этого источника знаний эллинов о «скифах» с опорой на современные научные данные показала, что под этим этнонимом скрыва-

ются собственно скифы-индоиранцы (кочевые скотоводы) и протославяне-земледельцы с протобалтами и прочими «индоевропейцами», древними финно-уграми, которые в сложном этнокультурном симбиозе жили на огромном пространстве межморья Восточной Европы.

В частности, об этногенезе протославян-индоевропейцев (сколотов) в их культурном контакте со скифами-индоиранцами Рыбаков писал: «Особенно драгоценным для нас является рассказ Геродота о ежегодном земледельческом празднике у “скифов”, во время которого чествовались якобы упавшие с неба священные золотые *земледельческие орудия* – плуг и ярмо для быков – и другие предметы. Поскольку Геродот одиннадцать раз писал о том, что настоящие скифы-скотоводы, кочующие в кибитках, не имеющие оседлых поселений, варящие мясо в безлесной степи на костях убитого животного, не пахут землю, не занимаются земледелием, постольку для нас ясно, что при описании праздника в честь ярма и плуга он имел в виду не кочевников-скифов, а народ, условно и ошибочно называемый скифами. Это самое Геродот и сказал своими словами: “Всем им в совокупности (почитателям плуга) есть имя – сколоты по имени их царя. Скифами же их называли эллины”» [28, с. 227]. И в таком случае непонятно, кто здесь на кого влиял больше или меньше в формировании комплекса шаманских практик и экстатических ритуалов: скифы-индоиранцы, кутившие коноплю, финноугры с их грибами или протославяне с отварами из кореньев (сказочная баба Яга)?

Здесь мы с необходимостью сталкиваемся не только с проблемой прародины скифов-индоиранцев или славян-индоевропейцев, но и с поисками их «общей пра-

родины». Прежде всего необходимо внести ясность, в том числе понятийную, в этногенез индоевропейцев и индоиранцев. При этом мы упираемся как в идеологическую и мировоззренческую боязнь и путаницу в употреблении понятий «арии», «арийцы» и «арийское», так и в самый сложный и тёмный вопрос: было ли это *общее прошлое* индоевропейцев и индоиранцев, часто называемое «арийским»?

Вот что пишут по поводу «арийской» терминологии видные отечественные культурологи и историки, глубоко исследовавшие «индоиранскую древность»: «И индийские, и иранские племена называли себя ариями, а свои страны – арийскими. Уместно отметить, что имевшее распространение в расистской литературе одиозное применение термина “арии”, “арийцы” в отношении всех индоевропейских народов не имеет под собой научной основы. Единственно обоснованным является его употребление для обозначения индоиранских племён и народов, как они и называются в научной литературе. В качестве самоназвания слова “арий”, “арии” определённо встречаются лишь в индоиранских языках. Так называли себя творцы Вед и индийских эпических сочинений, составители “Авесты”, авторы древнеперсидских надписей. От слова “арии” происходят названия различных индийских и иранских племён и областей. Центральная часть Индии, долина священного Ганга, называлась в древности Арьяварта – “страна ариев”, того же происхождения современное название “Иран”» [2, с. 15]. Однако «ариями» называли себя и собственно «индоевропейцы» – например, армяне, одни из древнейших «протоевропейцев», язык которых близок индоиранским и балтославянским языкам, сохранили этот концепт не только в каче-

стве этнонима, но и в названии сакральной горы Арарат и страны. Да и древние греки величали собственную элиту «аристократами» (как и европейцы поздних времён), а её доблести «аретэ».

При этом Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский то называют просто «ариями» или «индоариями» протоиндийские этносы, то пишут об «общеарийском» состоянии «индоариев» и «индоиранцев». Так что подобная аргументация ничего не даёт для прояснения этногенеза древних народов и только вносит путаницу. Даже если признать, что у истоков индоариев и индоиранцев лежала общая «индоевропейская семья», то как мы будем номинировать «протоевропейцев» после их отделения от ближайших «родственников»? Может быть «яфетическими народами», по примеру Н. Я. Марра? [16] Тогда в чём же отличие «индоевропейцев» до и после разделения?

Бонгард-Левин и Грантовский вынуждены в своей работе номинировать «индоевропейцев после разделения» путём перечисления собственно их «исторических» названий (греки, германцы, славяне и т.д.), что мало даёт для понимания реального этногенеза этих древнейших этнокультурных обществ и сообществ. Как мы видели, Рыбаков считает возможным писать о «*праславянах*». Некоторые авторы пытаются избежать подобной путаницы и, соблюдая «научную политкорректность», пишут о «*протоиндоевропейцах*» [29], которые имели, как минимум, три «прародины» в эпоху перехода к цивилизационным стадиям.

В этом контексте мы считаем возможным употреблять понятия «палеоарии», «протоиндоарии», «протоиндоиранцы» и «протоиндоевропейцы», которые вполне корректны при поиске их «прародины» и необходимы для прояснения вопроса

о «прародине шаманизма» с его экстатическими практиками.

Такое понятийное уточнение соотносится, например, и с возможными «тремя прародинами» праиндоевропейцев в схематической модели В. А. Сафронова (Малая Азия, Балканы и Восточная Европа) и близких по идеям учёных [4]. Однако им не слишком противоречит и концепция С. А. Григорьева, который локализует прародину палеоариев (индоевропейцев в его терминологии) на Ближнем Востоке (Курдистан и близкие регионы). Так, он пишет: «Исходным районом для индоевропейских миграций является Курдистан. Собственно, движение населения оттуда началось ещё в верхнем палеолите, когда мы вправе говорить о языках ностратического состояния» [6, с. 433]. К ностратической гипотезе этнокультурного генеза мы ещё вернёмся.

Отметим, что длительные процессы этногенеза протоариев и сложные пути их разделений, миграций, культурных контактов и симбиозов охватили *всю Евразию*. «Цивилизация праиндоевропейцев оказалась настолько высокой, устойчивой и гибкой, что выжила и сохранилась, несмотря на мировые катаклизмы, включая и глобальные изменения климата в начале III тыс. до н.э. Именно позднеиндоевропейская цивилизация дала миру великое изобретение – колесо и колёсный транспорт, причём создала его в момент жизненной необходимости. Наступление аридности требовало резкой смены хозяйства, перехода к полукочевому и кочевому скотоводству, поскольку земледелие не давало гарантированных урожаев. Индоевропейцы оказались на уровне требований времени и создали кочевой уклад экономики, только и позволивший им пройти бескрайние просторы евразийских степей, дойти до Китая и Ин-

дии. В этой связи не следует рассматривать кочевое хозяйство как примитивное сравнительно с земледельческим; это означало бы лишиться исторической перспективы, поскольку известные две формы древнейшего кочевничества – индоевропейская и семитская – происходят от высоких цивилизаций Винчи – Лендбела и Шумера соответственно» [29, с. 276], – писал В. А. Сафонов о культурном вкладе древних европейцев в мировую культуру.

Поэтому неудивительно: где бы ни была прародина «палеоариев», они вполне могли долго обитать в архаические времена во всех обозначенных «точках сбора»: и в Передней Азии с Балканами, и на Ближнем Востоке, и в лесостепном Причерноморье, и в урало-алтайском регионе, и даже в Китае. Поэтому можно с большой уверенностью сказать: прародина наших палеопредков – геоэтнические и культурные просторы Евразии.

Евразийский шаманизм и его универсализм

Именно в всех этих регионах этнокультурных миграций, контактов и симбиозов во время перехода от верхнего палеолита к неолиту и формируется специфический феномен *евразийского шаманизма*. Мы считаем возможным употреблять понятия «евразийский шаманизм» и «евразийские шаманские практики», как более содержательные и отражающие диалектику всеобщего, особенного и единичного в генезисе культурно-религиозных форм и мифов.

Здесь следует отметить, что некоторые вполне серьезные исследователи смещают «протоиндоевропейский» (палеоарийский в нашей терминологии) этногенез вообще в верхний палеолит, подкрепляя археологическими находками лингвистические факты

в рамках ностратической языковой гипотезы (В. М. Иллич-Свитыч) [12]. *Ностратическая гипотеза* исторического глоттогенеза, этногенеза и культуругенеза в их *сопряжении* не является общепринятой, хотя итоговый труд Иллич-Свитыча по сбору, описанию и интерпретации палеолингвистического материала вряд ли имеет сравнимые работы в мировой науке.

Иллич-Свитыч в своих реконструкциях исходил из гипотезы существования в верхнем палеолите единого праностратического (общего, родственного) языка, из которого в процессе антропогенеза и культуругенеза отделились алтайские, картвельские, дравидийские, индоевропейские, уральские, афразийские, чукотско-камчатские и эскимосско-алеутские языки и этнокультурные общности. С. А. Григорьев по поводу доказательности данных идей пишет: «В последнее время ностратическая теория была подкреплена генетическими исследованиями, подтвердившими родство индоевропейских, эламо-дравидских и алтайских народов ... Эта теория взаимосвязана с теорией о ближневосточном происхождении индоевропейцев и подкрепляет последнюю. Нам не составит большого труда продемонстрировать эту теорию на археологическом материале, поскольку отдельные узлы этой проблемы были надёжно отработаны другими исследователями, и отсутствие попыток создания общей модели объясняется имевшими место трудностями в локализации индоевропейцев ... Эта гипотеза тоже подкрепляется генетическими исследованиями. Так называемая «африканская теория» утверждает, что все существующие сегодня последовательности ДНК восходят к одной женщине, жившей около 100–200 тысяч лет назад и входившей в состав крупной популяции, состоявшей из 10 000 осо-

бей. Впоследствии остальные линии (около 9 999) пресеклись. Данные выводы в последнее время начинают подтверждаться и при исследовании мужских генов» [6, с. 329]. За последние 20 лет эта гипотеза получила ещё новые подтверждения в исследованиях палеогенетиков.

Именно ностратическая гипотеза имеет значение и при исследовании истоков евразийского шаманизма в верхнем палеолите и мезолите. Поэтому мы хотим предложить собственное видение проблем единого евразийского шаманизма, уходящего в глубины верхнего палеолита (это опять подводит нас к ностратической гипотезе). Это вполне согласуется и с нашими идеями о возникновении речи-мифа в верхнем палеолите.

В ряде наших работ, указанных выше, были исследованы дуальноэтнические отношения как базовый элемент первобытного социума, сумевшего самоорганизоваться в формах речи-мифа, первичной ментальной практики (ещё не сознания!) и единого семиотического комплекса. Магические, в том числе и экстатические, практики (инициации, жертвоприношения, музыка, пляски и т.п.) входили в речь-миф как универсальную ментально-семиотическую систему, регулировавшую жизнедеятельность человека в архаических культурах. При этом мы считали и считаем некорректным для речи-мифа первобытности говорить о «религии» или «первобытной религии». Первичные архетипы шаманских ритуалов и практик формировались в речи-мифе, оставаясь неким *универсальным истоком* развитых форм шаманства.

С. А. Токарев, обосновывая универсалистскую теорию происхождения шаманизма, вслед за такими авторами, как С. Н. Давиденков, Д. К. Зеленин, В. Г. Богораз-Тан,

Г. В. Ксенофонтов, И. А. Лопатин, А. В. Потанина, Л. Я. Штернберг [см.: 1; 7; 10; 11; 13; 14; 15; 21; 37], много внимания уделяет невротической гипотезе в подтверждение своих идей. «Все наблюдатели в один голос сообщают, что шаман – это прежде всего нервный, истерический человек, склонный к припадкам, иногда эпилептик. Момент шаманского “призвания”, субъективно осознаваемый как голос духов, требующих от человека вступления в шаманскую профессию, есть объективно нервное заболевание, которое, кстати, по большей части постигает человека в период полового созревания. Самое камлание шамана имеет большое сходство с истерическим припадком» [30, с. 279]. Для Токарева шаманизм – ментально-культурная канализация неврозов и институализация «больных людей» в особом профессиональном сообществе. Однако это не совсем точно.

Но, как показал Б. Ф. Поршнев [см.: 18; 19; 20], палеопсихика неантропов напоминает многие патологии и девиации современного человека. С нашей точки зрения, можно утверждать, что все первобытные люди были невротиками, истериками, эпилептиками и т.п. Но это было их «нормальное состояние», состояние генетической психики, то есть они все были ... шаманами. Это подтверждают и данные современной исторической психологии [36, с. 211–217]. Эволюция речи-мифа и первобытного мышления была связана с изменением высших психических функций и речевого общения. Развитие речи как второй сигнальной системы на этой стадии, вероятно, привело к дальнейшему усилению функциональной асимметрии мозга, что в целом и позволило стабилизировать подвижные, «невротические» психические структуры первобытных людей.

Речь-миф как ностратический феномен распадается в эпоху мезолита. Григорьев пишет: «В мезолите отчлняются носители урало-алтайских языков, которые локализируются первоначально в Восточном Прикаспии, но с неолита можно говорить об отделении финно-угорских языков (Восточный Прикаспий) от алтайских (междуречье Амударьи и Сырдарьи). Появление комплексов типа Джармо в Иранском Курдистане знаменует выделение в докерамическом неолите эламо-дравидских языков. Последующее смещение части этих популяций на восток, вплоть до Южного Туркменистана, а части – на юго-запад вдоль Загроса приводит к отделению дравидов от эламитов. Западнее, на территории Иракского и Турецкого Курдистана, в VI тыс. до н.э. начинается формирование индоевропейцев, что связано с комплексами типа Тель Магзалия» [6, с. 433]. В этот период многие мифологические ритуалы начинают исчезать или трансформироваться как способ регулирования психики (коллективной и индивидуальной) и производства идеального в знаково-символических формах речи-мифа. Возникают подчинённые ритуально-магические действия и практики в структурах *специализированных и усложнённых форм деятельности*: производственной, семейно-брачной, обменной, обрядовой. Хотя ритуалы, речения, ношение фетишей всё ещё оказывают положительное суггестивное действие на индивида, организуя его жизнедеятельность, волю и целенаправленность, но они всё более и более приобретают форму *магии, заговора, молитвы* и т.п., то есть символических действий, часто лишённых каких-либо утилитарных приложений и самоценности.

С переходом к неолиту, когда начался переход от собирательства, охоты и рыбо-

ловства к земледелию и скотоводству (оседлому и кочевому) в производящей экономике, как мы считаем, и начинается глубокий «палеоарийский» этногенез. При переходе к первым протоцивилизациям порядка четырёх тысяч лет назад, что зафиксировано уже не только в мифопоэтической, но и в письменной традиции, генерируются сложные процессы разделения первичного этноsubstrата палеоарийцев на протоиндоевропейцев, протоиндоариев и протоиндоиранцев во всём их культурном многообразии (племенном, религиозно-мифологическом, языковом, диалектном и т.д.).

Однако здесь мы находимся лишь в начале более глубоких исследований формирования сложного комплекса достаточного *универсального евразийского шаманизма*, который в сложных культурно-этнических миграциях приобретал специфические и локальные черты в различных этногеографических регионах, в том числе и в Древней Элладе.

Греческий шаманизм и философско-поэтическая рефлексия

Исследование Григорьева, как и других учёных, показывает, что палеоарии (приндоевропейцы) в своих тысячелетних миграциях доходили не только до урало-алтайского региона, но и в конце III тыс. до н.э. – до Китая [6, с. 322–326]. «Многие исследователи, – пишет он, – отмечали парадоксальность формирования культур эпохи бронзы Китая, которая выразилась во внезапном появлении достаточно развитых технологий производства. На базе автохтонного развития подобный стремительный прогресс невозможен. Он наверняка является свидетельством мощного внешнего воздействия исходившего, по-видимому, из Центральной Азии ... Таким обра-

зом, в ранней истории Китая заметную роль играли иранские и древнеевропейские группы. Они оказали глубочайшее воздействие на Китай, способствуя формированию китайской государственности, а возможно, и стояли у истоков отдельных китайских династий» [6, с. 322, 326]. Влияние сказалося на появлении металлического оружия, колесниц, керамики, жертвоприношений и погребальных обрядов.

И вот здесь мы хотим вернуться к гипотезе Доддса, который утверждал, что на «греческий шаманизм» повлияли шаманские практики урало-алтайского региона, и хотим задать ряд провокационных вопросов. Почему мы находим влияние протоиндоевропейцев на китайскую культуру, но в ней (в мифологии, религии и философии) не наблюдается влияния «урало-алтайского шаманизма»? Может, всё было наоборот: экстатические ритуалы и практики палеоариетов, а затем протоиндоевропейцев и протоиндоиранцев влияли на сибирский шаманизм? Ведь многие авторы реконструируют воздействие буддизма, укоренённого в традициях индоариетов, на практики сибирского шаманизма. Наверное, здесь и происходил культурно-религиозный и мифологический симбиоз, как и в случае со древними «геродотовыми скифами»?

Л. Я. Штернберг, всемирно известный отечественный революционер, антрополог и этнограф, ещё в 1925 году в своей работе «Культ орла у сибирских народов» фактически первым (задолго до западных авторов!) обосновывал идею – и близкую к пониманию проблемы Доддсом, и отличную, более объективную и релевантную, указывая на этническую прародину и географический регион «евразийского шаманизма». «Комплекс этих особенностей мы находим, с одной стороны, у представителей всех

урало-алтайских народностей: манчжуров, тунгусов, монголо-бурят, тюрков и финнов, причём наиболее полное совпадение находим у самых дальних урало-алтайцев: тюрков крайнего северо-востока Сибири, якутов и у самых западных финнов Европы, – уточнял он. – С другой стороны, этот же комплекс находим у народов средиземноморской культуры (в обширном смысле этого слова), начиная с индейцев, иранцев, семитов, греков, римлян и, наконец, у германцев» [37, с. 125]. Он высказал также идею, что необходимо искать *исходный «комплекс культовых обрядностей и действий»* в специфике древних мифов, которые были связаны с ментальными и ритуальными практиками шаманизма.

Он, опираясь на лингвистику, писал: «с другой стороны – совпадение терминов этого комплекса (*туру* – для шаманского дерева), общность названий шаманских принадлежностей, о которых мы говорили выше, общее название бубна у гиляков (*хась*), у бурят (*хэсэ*), у енисейцев (*хать*), у монголов (*кеце*), полное совпадение некоторых деталей бубна, особенно в форме внутренней крестовины и в орнаментальных мотивах, совпадение термина *шаман* у большинства сибирских народов с индийским термином *s g a m a n a, s a m a n a* – всё это говорит за то, что комплекс этот имел **какой-то общий центр происхождения**, откуда он постепенно распространился после долгого странствования первого усвоившего его народа и долгого тесного общения или, быть может, скрещивания с другими урало-алтайскими народами (жирное выделение наше. – В. Р., А., С. Б.)» [37, с. 125]. Но ведь очевидно, что даже сам термин «шаман» имеет явное праиндоевропейское и праиндоиранское происхождение! Тогда кто же из них «первичен» в шама-

низме, «палеоазиаты» или «палеоевропейцы» вместе с древними протоиндусами и протоиранцами?

Штернберг связал *«греческий шаманизм»* с культом орла у разных народов мира и с мифологемой «мирового дерева»: «Шаманство у греков, как и у якутов, связано не только с орлом, но и с мировым деревом ... Европейская мифология, естественно, ведёт нас к своему древнейшему источнику – к индоиранскому мифу» [37, с. 117, 118]. При этом он очень осторожно относился к идеям о «культурных заимствованиях» и «бродячих мифологических сюжетах и ритуалах». Лев Яковлевич выдвинул и важные методологические принципы диалектики общечеловеческого, особенно и локального в исследовании архаических культур: «У рассмотренных нами народностей, наряду с отдельными *общечеловеческими мотивами* культа орла, имеется *общий комплекс особенностей*, вплоть до деталей, которые должны быть признаны *совершенно индивидуальными*, только этой группе народов свойственными ... Особенности эти такого характера, что нахождение их у отдалённых друг от друга народов не может быть результатом конвергентности. Они должны были сложиться в результате *былого тесного общения* (курсив наш. – В. Р., А., С. Б.)» [37, с. 124, 125]. Здесь если и был шаманизм, то сугубо эллинский, входивший в *общий комплекс евразийского шаманизма*.

В этот период формируются две группы шаманов – сакральные и профанные, – в деятельности которых коренятся истоки различных форм духовного производства. Плодом их своеобразного «творчества» была фундаментальная переработка родоплеменной мифологии и ритуально-обрядовых систем, приспособление их к новым

социокультурным условиям. С одной стороны, были созданы развитая анимистическая мировоззренческая система и сложный синкретический литургический комплекс обрядов и праздников (сакральное шаманство), с другой – мифоэпический фольклор, героический эпос, народное карнавальное действо, «смеховая культура», их обработка в профессиональном художественном творчестве.

Развитие контрсуггестии, мышления и эстетического феномена словесного мифа, эпоса осуществлялось, прежде всего, в сфере профанного шаманства. В древнеарийской культуре певцы принадлежали чаще всего к жреческим родам, но существовали и «корпорации» поэтов, которые и были хранителями «вед». «С поэтом связана функция памяти, – как бы уточняет В. Н. Топоров, опираясь на структурно-функциональный анализ архаической мифологии, – видения невидимого – того, что недоступно другим членам коллектива, – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Поэт как носитель обожествленной памяти выступает хранителем традиций всего коллектива» [31, с. 20]. В Элладе у истоков институализации искусства мы наблюдаем фигуру военного царя (вождя) в окружении прорицателей-мудрецов (например, Агамемнон в «Илиаде»), старейшин и поэтов-аэдов, воспевающих подвиги войска. Именно в этих формах и осуществлялся генезис первичных форм искусства и философии. Образуется особая прослойка людей, которым «доверяется» развитие эстетических и рациональных ценностей.

И. М. Тронский так описывает творчество древнегреческого поэта-аэда гомеровского типа: «Содержанием песни аэда служат “деяния мужей” и богов, то есть мифологические сказания о богах и героях, ко-

торые представляются не вымыслом певца, а истиной, действительной историей. Мифологическое прошлое – прообраз для настоящего, и певец, «чаруя» слушателей, одновременно является их воспитателем. Дар песнопения понимается как “знание”, полученное певцом от Музы, богини поэзии. Аэд начинает свою песню обращением к Музе с просьбой вещать его устами» [32, с. 47]. Геродот говорил, что Гомер довольно свободно обошёлся с мифом о похищении Елены, так как некоторые варианты этой истории не укладывались в эстетическую систему «Илиады»: «Но так как она не так хорошо подходила к его эпосу, как то другое, принятое им сказание о Елене, то Гомер нарочно отбросил эту историю» [5, с. 116]. Геродот сам постоянно умалчивает о мифах эзотерических, связанных с тайными ритуалами, и довольно подробно описывает ритуал. Это говорит не только о том, что религиозные мифы утаивались, а скорее, об их бедности, о ритуальности всей культовой практики древних обществ, начиная с Китая и заканчивая Элладой. И подтверждает, что эпос Гомера и Гесиода обслуживал скорее мирские, а не сакральные потребности античных греков. Поэтому и допускалосьвольное толкование их текстов как продукта индивидуального творчества.

Поэтому Доддс не совсем точен, когда пишет в своей книге: «Фрагменты из Пиндара и Ксенофонта, с которых мы начали эту главу, наводят на мысль, что одним из источников пуританистического противопоставления души и тела могло быть наблюдение различий между “психической” и телесной видами деятельности: “душа” (*psyche*) наиболее активна тогда, когда тело спит или, как добавляет Аристотель, когда оно на шаг от гибели. Именно это я и имею в виду, называя *psyche* тайной, “окультурной”

самостью. До сих пор верования подобного рода являются основным элементом шаманской культуры, ещё существующей в Сибири; следы же её бывшего существования встречаются на всём обширном пространстве от Скандинавии через весь евразийский континент вплоть до Индонезии; столь широкий ареал распространения ясно свидетельствует о глубокой древности этих верований» [9, с. 146]. Действительно, экстаические практики присущи всем архаическим культурам мира, они были составной частью традиционных дионисийских мистерий, транса и предсказаний эллинских пифий и прочих оракулов.

Но главное не это: в древнегреческом культе всегда шла речь об освобождении души от тела – и не столько в экстазе или посте, сколько в *погребальных обрядах* сожжения покойника, о чём свидетельствовал и Гомер. Причём очень долго погребальных костров удаивались преимущественно аристократы (тяжело вооружённые всадники), а простые общинники (гоплиты) погребались в земле. Так что ничего нового, чего не было в гомеровской древности, «чужеродного» и «шаманского» ни в представления орфиков, ни в поэтические образы Пиндара или первых трагиков, ни в первые философские системы не было внесено.

Например, любой современный этнограф, непредвзято прочитав некоторые фрагменты Демокрита, свободно мог бы сопоставить их с верованиями первобытных народностей и правомерно назвать эти представления в соответствии с принятой систематикой анимизмом. Демокрит понимает чаще всего богов как *образы*. Но что же такое эти образы? Образы и истечения не лишены ощущения и желания, исходят от предметов живых и неодушевлённых, представляют их копии, уносятся и, попа-

дая в тело человека, говорят и сообщают принимающим мнения, мысли и стремления испутившее их тел (254)¹. Они во время сна порождают призраки, благодаря которым можно предвидеть будущее (253). Одни из них зловредны, другие благотворны и, как свидетельствует Секст Эмпирик, Демокрит молился, чтобы ему попадались счастливые, благотворные образы (255).

Анимистские взгляды Демокрита прямо связаны с его практикой предсказателя и верой в знамения (257). Диоген Лаэртский и другие доксографы приводили мнения, что Демокрит прославился предсказаниями будущего. С этими следами анимизма и шаманской пророческой боговдохновенной практики согласуются и данные об ученичестве Демокрита у персидских магов и халдеев, от которых он якобы воспринял знание о богах и звёздах, о его путешествии к египетским жрецам и индийским гимнософистам. И как бы ни преувеличивались в этих версиях «импортные» увлечения Демокрита, связь с персидской мудростью вполне вероятна, если иметь в виду отношения Абдер с Великими царями [подробнее см.: 24, с. 129–145]. Отблески шаманско-пророческой практики лежат на многих фактах из биографии Демокрита: гадате-

ля и врачевателя, боговдохновенного и насмехающегося пророка, принявшего ритуальное ослепление и смерть. Сопоставление всех этих фактов с функциями профанного шаманизма говорит об ориентации Демокрита, как и предшествующих ему поэтов и философов, на мирские, рационально-эстетические ценности мифопоэтической и фольклорно-ритуальной культуры.

Таким образом, не только орфики, Пиндар и Ксенофонт, Пифагор и Эмпедокл, но и Демокрит с Платоном, если и переплавили в своих текстах практики и образы шаманизма, то скорее не религиозно-мифологического, а *мифопоэтического, профанного шаманизма*. И вряд ли стоит жёстко увязывать образ жизни и образы литературно-философского дискурса эллинских поэтов и философов с шаманизмом, тем более «сибирским», и объявлять всех их «шаманами». Диалектика первых форм рефлексивного сознания такова, что эллинские поэты и философы в своём производстве новых образов, идей и интуиций использовали не только содержательный материал предшествующей духовной культуры (знания, идеи, образы, ментальные и ритуальные практики), но и её структуры, *обломки старых схем мышления и действия*. Этим и объясняются «родовые пятна» шаманизма в «анкете» античных поэтов и философов.

¹ Фрагменты цитируются по данному изданию [см.: 17].

Список литературы

1. Богораз В. Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии читано 30 декабря 1909 г. в соединённом заседании подсекций этнографии и антропологии XII Съезда естествоиспытателей и врачей. Москва : Типография Имперского Московского Университета, 1910. 36 с.
2. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Издание 2-е, испр. и доп. Москва : Мысль, 1983. 206 с.
3. Боннар А. Греческая цивилизация. Том I. От Илиады до Парфенона / перевод с французского О. В. Волкова ; предисл. В. И. Авдиева. Москва : Искусство, 1992. 269 с.
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры = Indo-European and the Indo-Europeans : [в 2 ч.] / с предисловием Р. О. Якобсона. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

5. *Геродот*. История в девяти книгах / перевод и примеч. Г. А. Стратановского ; под общ. ред. С. Л. Утченко ; ред. пер. Н. А. Мещерский. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 600 с.
6. *Григорьев С. А.* Древние индоевропейцы. Издание 2-е, доп. Челябинск : Цицеро, 2015. 660 с.
7. *Давиденков С. Н.* Психофизиологические корни магии // Природа. 1975. № 8. С. 68–78.
8. *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное / перевод с английского, коммент. и указатель С. В. Пахомова ; послесл. Ф. Х. Кессиди. Санкт-Петербург : Алетей, 2000. 507 с.
9. *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное / перевод с английского М. Л. Хорькова. Москва ; Санкт-Петербург : Московский философский фонд ; Университетская книга ; Культурная инициатива, 2000. 318 с.
10. *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири : Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов : 84 рис. в тексте. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1936. 436 с. : ил.
11. Из архива. Избранные труды В. Г. Богораза по шаманству (1934–1936 гг.) / подгот. М. М. Шахнович, Е. А. Терюковой ; [примеч. М. М. Шахнович]. 2-е издание. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. 464 с.
12. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков: (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) / под редакцией и с вступительной статьёй В. А. Дыбо ; Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики. Москва : Наука, 1971–1984. Т. 1–3.
13. *Ксенофонов Г. В.* Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме. К вопросу об «умирающем и воскресающем» боге. Иркутск, 1929. 19 с.
14. *Ксенофонов Г. В.* Шаманизм. Избранные труды. Публикации 1928–1929 гг. Якутск : Север – Юг, 1992. 320 с.
15. *Лопатин И. А.* Гольды. Амурские, Уссурийские и Сунгарийские: опыт этнографического исследования с картой расселения гольдов и с 86 ил. на 34 отд. табл. по фотограф. снимкам автора и оригинальным рисункам с природы. Владивосток : [б.и.], 1922. 370 с. : ил.
16. *Март Н. Я.* Избранные работы / [предисл. В. Аптекарь] ; Академия наук СССР, Государственная академия истории материальной культуры. Ленинград : ГАИМК, 1933–1937. Том 3 : Язык и общество. 1934. XVIII, 421, [2] с., 2 л. портр.
17. *Материалисты древней Греции : собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / [общая ред. и вступ. ст. проф. М. А. Дынника] ; Академия наук СССР. Институт философии. Москва : Госполитиздат, 1955. 239 с.*
18. *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестия и история // История и психология : [сборник] / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой ; АН СССР. Институт всеобщей истории. Институт философии. Москва : Наука, 1971. С. 7–35.
19. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). Москва : Мысль, 1974. 487 с.
20. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). 2-е издание. Москва : Фэри-В, 2006. 635 с.
21. *Потанина А. В.* Из путешествий по Восточному Тибету и Китаю. Москва: Типография Елизаветы Гербек, 1895. 296 с. : ил.
22. *Римский В. П.* Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород : Изд-во БелГУ, 1997. 199 с.
23. *Римский В. П.* К проблеме генезиса религии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1983. № 1.
24. *Римский В. П.* Миф и религия. К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород : Крестьянское дело, 2003. 184 с.

25. Римский В. П. Проблема соотношения мифа и религии (методологический анализ) : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук : 09.00.01 – Онтология и теория познания / Римский Виктор Павлович. Ростов-на-Дону, 1985. 21 с.
26. Римский В. П., Насу, Симора П. У. Антропогенез, этногенез и происхождение сознания // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л. Н. Толстого. 2021. № 1 (37). С. 19–35.
27. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия : Историко-географический анализ. Москва : Наука, 1979. 247 с.
28. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / АН СССР, Отделение истории, Институт археологии. Москва : Наука, 1981. 782, [1] с., [2] л. ил. : ил.
29. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины / Горьковский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Исторический факультет. Горький : Волго-Вятское книжное изд-во, 1989. 399, [1] с. : ил.
30. Токарев С. А. Ранние формы религии / под общей ред. акад. В. П. Алексеева : сост. И. В. Тарасова. Москва : Политиздат, 1990. 622 с.
31. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности / отв. ред.: А. Н. Шамин. Москва : Наука, 1982. С. 8–40.
32. Тронский И. М. История античной литературы. Издание 4-е, испр. и доп. Москва : Высшая школа, 1983. 464 с.
33. Тэйлор Э. Первобытная культура. Москва : Соцэкономгиз, 1939. 567 с.
34. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала / [В. П. Римский, Е. О. Болоненко, Е. А. Бондаренко и др.] ; под ред. В. П. Римского. Москва : Канон+, 2017. 455 с. : портр.
35. Хайдеггер М. Парменид / перевод с немецкого А. П. Шурбелева. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2009. 382, [1] с.
36. Шкуратов В. А. Историческая психология / Институт «Открытое общество». 2-е издание, перераб. Москва : Смысл, 1997. 505 с.
37. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / под ред. и с предисл. Я. П. Алькора. Ленинград : Издательство института народов Севера ЦИК СССР имени П. Г. Смидовича, 1936. 572 с. : ил.
38. Dodds E. R. *The Greeks and the Irrational*. Berkeley, Los Angeles, London : University of California Press, 1951.

References

1. Bogoraz V. G. *On the psychology of shamanism among the peoples of Northeast Asia was read on December 30, 1909 in a joint meeting of the subsections of ethnography and anthropology of the XII Congress of Naturalists and Physicians*. Moscow, Typography of the Imperial Moscow University, 1910. 36 p. (In Russ.).
2. Bongard-Levin G. M., Grantovskiy E. A. *From Scythia to India. Ancient Aryans: myths and history*. 2nd edition. Moscow, Mysl Publishers, 1983. 206 p. (In Russ.).
3. Bonnard A. *Greek civilization. Volume I. From Iliad to Parthenon*. Moscow, Art Publishing House, 1992. 269 p. (In Russ.).
4. Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indo-European language and the Indo-Europeans*. In 2 parts. Tbilisi, Tbilisi University Publisher, 1984. (In Russ.).
5. Herodotus. *History in nine books*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1972. 600 p. (In Russ.).
6. Grigoriev S. A. *Ancient Indo-Europeans*. 2nd edition. Chelyabinsk, Publishing House “Cicero”, 2015. 660 p. (In Russ.).
7. Davidenkov S. N. Psychophysiological roots of magic. *Nature*. 1975, no. 8, pp. 68–78. (In Russ.).

8. Dodds E. R. *The Greeks and the irrational*. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2000. 507 p. (In Russ.).
9. Dodds E. R. *The Greeks and the irrational*. Moscow, St. Petersburg, 2000. 318 p. (In Russ.).
10. Zelenin D. K. *Cult of Ongons in Siberia. Vestiges of totemism in the ideology of the Siberian peoples*. Moscow, Leningrad, Publishing House of AS USSR, 1936. 436 p. (In Russ.).
11. Shakhnovich M. M., Teryukova E. A., comps. *From the Archive. Selected works of V. G. Bogoraz on shamanism (1934–1936)*. 2nd edition. St. Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg State University, 2019. 464 p. (In Russ.).
12. Illich-Svitych V. M. *Experience of comparison of Nostratic languages (Semitohamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altai)*. Volumes 1–3. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1971–1984. (In Russ.).
13. Ksenofontov G. V. *The Cult of Madness in the Ural-Altai shamanism. To a question on the “dying and resurrecting” god*. Irkutsk, 1929. 19 p. (In Russ.).
14. Ksenofontov G. V. *Shamanism. Selected works. Publications of 1928–1929*. Yakutsk, Publishing House “North-South”, 1992. 320 p. (In Russ.).
15. Lopatin I. A. *Golds. Amur, Ussuri and Sungarian: the experience of an ethnographic study with a map of the settlement of the Golds and with 86 ill. Photographs by the author and original drawings from nature at 34 separate tables*. Vladivostok, 1922. 370 p. (In Russ.).
16. Marr N. Ya. *Selected works. Volume 3. Language and society*. Leningrad, 1934. 423 p. (In Russ.).
17. *The Materialists of Ancient Greece. The Collected Texts of Heraclitus, Democritus and Epicurus*. Moscow, 1955. 238 p. (In Russ.).
18. Porshnev B. F. Counter-suggestion and History In: Porshnev B. F., Antsyferova L. I., eds. *History and psychology: [collection]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1971. Pp. 7–35. (In Russ.).
19. Porshnev B. F. *On the beginning of human history (problems of paleopsychology)*. Moscow, Mysl Publisher, 1974. 487 p. (In Russ.).
20. Porshnev B. F. *On the beginning of human history (problems of paleopsychology)*. 2nd edition. Moscow, 2006. 635 p. (In Russ.).
21. Potanina A. V. *From travels in Eastern Tibet and China*. Moscow, Tipography of Elizabeth Gerbek, 1895. 296 p. (In Russ.).
22. Rimskiy V. P. *Demons at the crossroads: cultural and historical image of totalitarianism*. Belgorod, Publishing House of Belgorod State University, 1997. 199 p. (In Russ.).
23. Rimskiy V. P. To the problem of Genesis of Religion. *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*. 1983, no. 1. (In Russ.).
24. Rimskiy V. P. *Myth and religion. To the problem of cultural and historical specificity of archaic religions*. Belgorod, 2003. 184 p. (In Russ.).
25. Rimskiy V. P. *Problem of the ratio of myth and religion (methodological analysis)*. *Synopsis cand. philos. sci. diss.* Rostov-on-Don, 1985. 21 p. (In Russ.).
26. Rimskiy V. P., Nasy, Simora P. U. Anthropogenesis, ethnogenesis and the origin of consciousness. *The Humanities Bulletin of the L. N. Tolstoy TSPU*. 2021, no. 1 (37), pp. 19–35. (In Russ.).
27. Rybakov B. A. *Herodotus’ Scythia: Historical and geographical analysis*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1979. 247 p. (In Russ.).
28. Rybakov B. A. *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1981. 782 p. (In Russ.).
29. Safronov V. A. *Indo-European homelands*. Gorkiy, Volga-Vyatka Book Publishing House, 1989. 399 p. (In Russ.).
30. Tokarev S. A. *The early forms of religion*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1990. 622 p. (In Russ.).

31. Toporov V. N. *Primitive ideas about the world (general view)*. In: Shamin A. N., ed. *Essays on the history of natural-science knowledge in antiquity*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1982. Pp. 8–40. (In Russ.).
32. Tronskiy I. M. *History of antique literature*. 4th edition. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1983. 464 p. (In Russ.).
33. Taylor E. *Primitive culture*. Moscow, 1939. 567 p. (In Russ.).
34. Rimskiy V. P., ed. *Mikhail Petrov's establishing discursiveness: the intellectual in the interior of cultural capital*. Moscow, Publishing House "Kanonplus", 2017. 456 p. (In Russ.).
35. Heidegger M. *Parmenides*. St. Petersburg, Vladimir Dahl Publishing House, 2009. 382 p. (In Russ.).
36. Shkuratov V. A. *Historical psychology*. 2nd edition. Moscow, Publishing House "Smysl", 1997. 505 p. (In Russ.).
37. Sternberg L. Y. *Primitive Religion in the Light of Ethnography. Researches, articles, lectures*. Leningrad, Publishing House of the Peoples of the North CEC of the USSR P. G. Smidovich, 1936. 572 p. (In Russ.).
38. Dodds E. R. *The Greeks and the Irrational*. Berkeley, Los Angeles, London : University of California Press, 1951.

*

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ)

УДК 130.2:17.02(470)

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-82-88>

А. В. Ляхов

Ивановский государственный университет, Шуйский филиал,
г. Шуя, Ивановская область, Российская Федерация, e-mail: ier-andrey.plyus@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о соотношении нравственности и культуры в контексте отечественной философской традиции. Анализ как отдельных авторов, так и целых направлений свидетельствует о том, что нравственное начало является приоритетным для различных видов культурной практики. Нравственность понимается не как регулятор поведения или этический кодекс, а как живое начало, стремящееся к истине и правде жизни. В этом контексте особое внимание уделяется построениям В. С. Соловьёва, создавшего автономную этику в России, а также нравственным исканиям русских писателей, одухотворивших не только литературу и философию, но и всю культуру в целом стремлением к абсолютному добру.

Ключевые слова: нравственность, культура, этика, истина, добро, красота, русская философия, русская литература, ценности, нигилизм, морализаторство.

Для цитирования: Ляхов А. В. Нравственные основания культурного бытия (на материале русской философии) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С.82–88. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-82-88>

MORAL FOUNDATIONS OF CULTURAL BEING (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN PHILOSOPHY)

Andrey V. Lyakhov

Shuya Branch of Ivanovo State University, Shuya, Ivanovo Region, Russian Federation,
e-mail: ier-andrey.plyus@yandex.ru

Abstract: The article examines the issue of the relationship between morality and culture in the context of the Russian philosophical tradition. An analysis of both individual authors and entire directions indicates that the moral principle is a priority for various types of cultural practice. Morality is understood not as a regulator of behavior or an ethical code, but as a living principle striving for the truth and truth of life. In this context, special attention is paid to the constructions of V. S. Soloviev, who created autonomous ethics in Russia, as well as to the moral quest of Russian writers, who inspired not only literature and philosophy, but the entire culture as a whole, with a striving for absolute goodness.

Keywords: morality, culture, ethics, truth, goodness, beauty, Russian philosophy, Russian literature, values, nihilism, moralizing.

For citation: Lyakhov A. V. Moral foundations of cultural being (based on the material of Russian philosophy). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 82–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-82-88>

ЛЯХОВ АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – соискатель Шуйского филиала Ивановского государственного университета

LYAKHOV ANDREY VALENTINOVICH – PhD student, the Shuya Branch of Ivanovo State University

© Ляхов А. В., 2021

Тема «культура и нравственность» огромна и неисчерпаема ввиду фундаментальности обоих понятий для человеческого бытия. Как правило, эта связь полагается имплицитной и априорной, не требующей доказательств. Однако доказательства всё же требуются, особенно в современную эпоху ценностного релятивизма, когда аморализм и безнравственность становятся некими «нормами». В итоге социальное пространство оказывается разорванным между различными индивидуалистическими интенциями. В этой ситуации «актуальным для современного социума с его ориентацией на индивидуализацию становится формирование новых принципов построения эффективного межличностного диалога и решения проблемы социальной интеграции» [7, с. 27].

Это происходит не впервые в истории, и объяснений индивидуализму и релятивизму предостаточно, как, впрочем, и критики. Мы сконцентрируем своё внимание на позитивных аспектах связи нравственности и культуры, показав её укоренённость в традициях отечественной философии, напомнив, тем самым, о её значимости.

Выдвигаемый нами тезис таков: нравственность первична по отношению ко всем формам культурного бытия, она является основанием человеческой жизни и деятельности, как бы человек ни жил и чем бы он ни занимался. Можно выдвинуть и такой довольно радикальный тезис: нарушение нравственных законов неизбежно приводит к краху на всех уровнях – и на индивидуальном, и на социальном, и на духовном, и на культурном. В своих знаменитых «Беседах о русской культуре» Ю. М. Лотман, подчёркивая фундаментальный характер понятия «культура» для всего цикла наук о человеке, писал, что «оно очень ёмкое:

включает в себя и нравственность, и весь круг идей, и творчество человека, и многое другое» [5, с. 3].

На первое место исследователь ставит нравственность в определении культуры, и это вполне правомерно. Например, А. Швейцер давал такое лаконичное определение: культура – это нравственность. Для западной философии подобное видение скорее исключение, в то время как для отечественной – правило и закономерность. Но это часто в исследованиях остаётся вне поля зрения, что приводит к искажённым трактовкам своеобразия отечественной культуры и философии.

Важно то, что на вопросы нравственности обращали самое пристальное и глубокие внимание не только философы, но и представители художественного поэтического творчества. Например, весьма показательным, что Александр Блок посещает и конспектирует лекцию Н. Минского, посвящённую нравственной проблематике. В заметке, озаглавленной «Нравственная проблема наших дней», поэт пишет: «Противоречие “двух путей добра”, получившее для нас нестерпимую остроту после проповеди Толстого о непротивлении злу и целомудрии, должно быть сведено к высшему единству. Стоя перед практической проблемой двуединого нравственного идеала и не находя ей разрешения ни в естественных науках, изучающих низкие формы жизни, ни в социологии, исследующей отношение человека к обществу, а не к самому себе, мы принуждены вернуться к умозрению, метафизике, которая разрешала для древних теоретическую проблему знания, а для нас послужит “ареной трагедии разума, в которой борется, страдает и побеждает сама истина”» [2, с. 144].

В этом высказывании содержатся важные постулаты, указывающие на то, ка-

ким образом нравственная проблематика решается в отечественной философской культуре. Это не путь науки, не путь социологии и психологии, не путь индивидуалистической этики, что весьма распространено сегодня. Это путь умозрения или метафизики. Только на путях метафизики можно постичь сущность нравственности: таков коллективный ответ высших представителей русской философии, которым вторили деятели искусства и культуры, среди которых Блок занимает одно из главных мест. Не случайно его стремление к В. С. Соловьёву не только как поэту, но и как к философу.

У Соловьёва мы встречаем первую в истории русской философии и этики систему теоретического основания нравственных начал. Но стремление к нравственной чистоте, нравственному идеалу присуще русской душе на интуитивном уровне. Хорошо это выразил В. Ф. Одоевский в «Русских ночах», где один персонаж говорит: «ибо хоть не понимаю, в чём состоит добродетель, но мне по инстинкту хочется быть добродетельным» [6, с. 72]. И несмотря на то, что они сказаны с некоторой иронией, в них выражена глубинная интенция, присутствующая самосознанию отечественной культуры.

В этом смысле можно говорить о том, что существует нравственный архетип, выражающий духовно-культурное своеобразие русского человека. Не случайно, что Соловьёв строит в «Оправдании добра» автономную этику, не зависящую ни от каких других начал, в том числе и от религиозных. Это очень важный момент, поскольку очень часто исследователи русской религиозной философии полагают нравственность вторичной, зависящей прежде всего от религиозного начала. Но постулирование Соловьёвым, христианским мыслителем, системы

автономной этики является сильным, безусловно парадоксальным шагом к фундированию нравственности как таковой. Он пишет следующее: «Нравственная философия не зависит всецело от положительной религии. Свидетельство ап. Павла о нравственном законе, “написанном в сердцах” язычников. – При существовании многих религий и вероисповеданий споры между ними предполагают общую нравственную почву (пояснения и примеры) и, следовательно, нравственные нормы, на которые одинаково ссылаются спорящие стороны, не могут зависеть от их религиозных и вероисповедных различий» [8, с. 49].

Только таким образом можно было построить уникальную систему нравственности, со-равную кантiansкой, а в чём-то даже и превосходящую её, основанную на таких её первичных данностях, как стыд, жалость и благоговение. Невозможно разделить это триединство, выделив, как часто это бывает, какое-то одно начало, например, стыд. Только в совокупности они и образуют нравственный мир человека, на бесконечность отличающийся от животного, говорящий об исключительной важности духовного начала в человеческой природе. Соловьёв, как первый крупный системный философ в России, синтезировал различные представления, воззрения, интуиции этического характера, которые были разбросаны по всему полотну отечественной культуры.

В результате стало отчётливо видно своеобразие русской философской традиции, которую стали называть этикоцентричной, подчёркивая приоритет именно нравственного начала как в теоретических построениях, так и в самой жизни. Это действительно значимая типологическая характеристика русской философии, распространяющаяся на предельные ос-

нования бытия: «Уникальность человека не только в том, что он осознаёт смерть, но и в том, что он её нравственно переживает. Особенно это характерно для русской философии и литературы, где смерть воспринимается в первом лице, как личная трагедия» [3, с. 124].

Как это отразилось на культуре в целом и на различных её составляющих?

Это довольно трудный и даже драматический вопрос. Гипертрофированная центрированность на нравственности приводит к феномену «нигилистического морализма», о котором очень глубоко писал С. Л. Франк в известной статье «Этика нигилизма». Сильный акцент на морали даёт эффект антипатии к культуре. Философ пишет: «русскому интеллигенту чуждо и отчасти даже враждебно понятие культуры в точном и строгом смысле этого слова ... Русскому человеку не родственно и не дорого, его сердцу мало говорит то чистое понятие культуры, которое уже органически укоренилось в сознании образованного европейца» [9, с. 88].

Эти беспощадные, но правдивые констатации вскрывают очень глубокие пласты русского национального характера, его ценностную иерархию, присущую представителям различных социальных слоёв: от интеллигента до простого человека. Всем присуще это нигилистическое отношение к культуре как европейскому продукту. Не случайно поэтому в статье «Политика и идеи», имеющей программный характер для «Полярной звезды», Франк говорит следующее: «Внешнее, политическое обновление России должно сопровождаться внутренним, культурным её возрождением. Старый порядок, режим политического рабства не только сковывал свободное слово и действия граждан, но и душил незави-

симумую мысль, убивал возможность смелого и богатого духовного творчества» [9, с. 67].

И снова нелицеприятные слова в адрес русской традиции, в которой не только нигилистический морализм, но и «политическое рабство» сковывали культурное развитие, вырабатывая, соответственное отношение к самой культуре. Это объективные факторы (отрицательное отношение к Европе и политическая деспотия), которые обуславливают сниженное отношение к культуре, что, в свою очередь, порождает немало недоброкачественных мифов о России.

В то же время феномен нигилистического морализма, будучи безусловной крайностью, свидетельствует как раз о глубинной центрированности на нравственных аспектах. В качестве примера можно привести показательные взгляды Л. Н. Толстого, которые традиционно характеризуются в терминах морализма. Но этот морализм, за которым проглядывает и нигилизм по отношению к культуре, к её высшим достижениям (статья «Что такое искусство?»), не есть отрицание ради отрицания, но поиск более высоких духовных оснований для культуры и жизни по сравнению с наличными. В конечном счёте и сами видные западные философы (Ницше, например) видели глубочайший кризис европейской культуры и стремились найти пути её возрождения. Не случаен поэтому такой высокий духовный авторитет Толстого в мире.

Приоритет нравственного начала в культуре и жизни в своём идеальном измерении не должен приводить к нигилистическому к ним отношению. И в целом можно сказать, что проявления нигилистического морализма в России всё-таки не носят системного характера, а, порой охватывая даже целые социальные слои, как считал Франк и другие религиозные философы, всё-таки не соз-

дают прецедента, а являются исключением. И верно подмеченное Франком негативное явление в русской истории не стоит абсолютизировать. Антитезой к его идеям выглядят мысли С. С. Аверинцева, высказанные им в работе «Русская литература во всевропейском контексте»: «Мы сейчас говорим не о политической истории, конкретное содержание которой меняется от момента к моменту, но о некоей пребывающей и причём специфической константе нравственно-го ландшафта русской культуры» [1, с. 195].

Само это выражение «специфическая константа нравственного ландшафта русской культуры» и есть указание на особенность культуры, на её глубинный этикоцентризм. Это и есть национальная формула решения вопроса о соотношении нравственности и культуры. Аверинцев этот «нравственный ландшафт» наполняет конкретным содержанием: «Праведничество не бывает без исповедничества, в пределе – без мученичества» [1, с. 195]. Эти нравственные ценности, имеющие изначально христианский исток, со временем становятся общими добродетелями, присущими все людям, а не только исповедующим христианство. В этом универсализм этики, делающей нравственные понятие общезначимыми ценностями. Праведничество – это стремление к правде, исповедничество – совесть, а мученичество – готовность к жертве, к самопожертвованию во имя правды и высших ценностей.

Позитивное значение нравственной доминанты для культуры ещё и в том, что в таком случае культурное бытие представляет собой целостность, неотделимую от жизни человека. Иными словами, нет традиционного разрыва, характерного для западной традиции, между культурой и природой, культурой и религией, культурой

и жизнью. Всё пронизано единым высшим нравственным началом, которое освящает все уровни и пласты жизни. Если культура автономна, то это всегда «надстройка» над жизнью, природой, религией, в конечном счёте над человеком. Культура предстаёт как «вторая природа», искусственное образование, оторванное от высших духовных запросов человека. И тогда возникает отчуждение между человеком и культурой, которое тонко почувствовали такие философы, как Ницше.

Конечно, это идеальное состояние, которое, вполне возможно, никогда не воплотится в действительность. Но его сильнейшее позитивное значение, как любого идеала, в том, что в стремлении к нему свершается мощная духовная работа, развивающая и обогащающая человеческое бытие. И вот именно такая модель культурного бытия, пронизанного нравственными ценностями, была выработана в контексте отечественной философской традиции. Исторический экскурс в данный пласт – тема отдельной работы. Сейчас мы можем ограничиться указанием на такие значимые, парадигмальные философские модели, в которых фундаментальны приоритет нравственных ценностей.

Это уже упоминаемый Соловьёв, построивший в «Оправдании добра» систему автономной этики, которая и освящает, и просвещает все уровни культурного бытия. Это и принципиально важная мысль В. В. Зеньковского, высказанная им в «Истории русской философии», о том, что русская философия «больше всего занята *темой о человеке*, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, на сколько всюду доминирует (даже в отвлечённых проблемах) *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русско-

го философствования. Тот «панморализм», который в своих философских сочинениях выразил с исключительной силой Лев Толстой, – с известным правом, с известными ограничениями может быть найден почти у всех русских мыслителей, – даже у тех, у которых нет произведений, прямым образом посвящённых вопросам морали (например, у Киреевского). С этим связано и напряжённое внимание к *социальной* проблеме, но ярче всего это обнаруживается в чрезвычайном, решающем внимании к проблемам *историософии*» [4, с. 21–22].

Зеньковский как бы резюмирует, выделяя главное смысловое ядро русского философского этоса на протяжении огромного исторического периода. И выделенная им «моральная установка» русской философии, безусловно, является её духовно-смысловым инвариантом. И то напряжённое внимание к социальной проблеме, о которой он говорит, есть ни что иное как экстраполяция нравственности в социокультурный контекст.

В заключение нужно сказать о нравственных исканиях русских писателей, которые столько же писатели, сколько и мыслители, то есть философы. Давно уже является аксиоматичным тезис о философичности русской литературы, о том, что русская литература является формой философского высказывания в художественной форме. Русская литература является одним из главных источников нравственной философии, прежде всего.

Один из первых в этом ряду писателей-мыслителей, конечно, Н. В. Гоголь, заостривший нравственную проблему расхождения добра и красоты, за которой кроется нравственный кризис культуры, утратившей целостность и единство. Писатель мучительно ставил и решал этот вопрос,

ужаснувшись той бездне, которая образовалась на месте некогда гармоничного единства истины, добра и красоты. Импульс, заданный Гоголем, не ослабевает и до наших дней. Лучшие писатели всегда озабочены этико-эстетическим вопросом о соотношении добра и красоты.

Далее Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, очень разные, но объединённые сильнейшим нравственным поиском истинного смысла жизни. Один ищет его через раскрытие духовного смысла страданий, другой – через преодоление страха смерти и самой смерти силой нравственного совершенствования человека. «Анафемские вопросы» А. П. Чехова, однозначно высочайший уровень этико-экзистенциальных вопрошаний о человеческой ситуации, задавленной скукой, пошлостью и рутинной. И, наконец, Андрей Платонов, всё творчество которого пронизано нравственными исканиями самого высшего уровня. Эпиграфом ко всему его творчеству могли бы стать его собственные слова из повести «Котлован», концентрирующие суть нравственной философии: «Мне без истины стыдно жить».

Таким образом, можно подвести итог. Нравственность носит в России не институциональный характер социального регулятора и этического кода поведения. Это то живое начало, сердечное чувство, как часто говорят, исходящее из глубочайших недр человеческого бытия, стремящегося к правде, добру, истине. Именно такое понимание нравственности оплодотворяет культуру, являясь её ценностно-смысловым ядром. И такое понимание можно обнаружить на всех уровнях социально-культурной реальности. И даже в таких искажённых формах нравственного сознания, как морализм и нигилизм по отношению к культуре, это начало даёт о себе знать.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Русское подвижничество и русская культура // Связь времён. Киев : Дух і літера, 2005. С. 189–199.
2. Блок А. А. Нравственная проблема наших дней // Полное собрание сочинений и писем : в 20 томах / Российская академия наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Москва : Наука, 1997–2014. Том 7 : Проза (1903–1907) / [отв. ред. Д. М. Магомедова]. 2003. 503 с.
3. Варава В. В. Феномен «танатологического ренессанса» в современной России // Известия Тульского государственного университета. 2020. № 1. С. 117–127.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. Москва : Академический проект, Раритет, 2001. 880 с.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Москва : АСТ, 2020. 640 с.
6. Одоевский В. Ф. Русские ночи // Сочинения : в 2 томах. Москва : Художественная литература, 1981. Том 1. 365 с.
7. Синявина Н. В. Доверие как концепт в контексте культурологического подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 1 (93). С. 26–31. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10103
8. Соловьев В. С. Оправдание добра. Москва : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
9. Франк С. Л. Сочинения / [вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова ; журнал «Вопросы философии» и др.]. Москва : Правда, 1990. 607 с.

References

1. Averintsev S. S. Russian asceticism and Russian culture. In: Averintsev S. S. *Communication of times*. Kiev, Publishing House “SPIRIT I LITERA”, 2005. Pp. 189–199. (In Russ.).
2. Blok A. A. The moral problem of our days. In: Blok A. A. *Complete collection. In 20 volumes, volume 7*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 2003. 503 p. (In Russ.).
3. Varava V. V. The phenomenon of “thanatological renaissance” in modern Russia. *News of the Tula State University*. 2020, no. 1, pp. 117–127. (In Russ.).
4. Zenkovskiy V. V. *History of Russian philosophy*. Moscow, Publishing House “Academic Project”, “Rarity”, 2001. 880 p. (In Russ.).
5. Lotman Yu. M. *Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX centuries)*. Moscow, AST Publishing House, 2020. 640 p. (In Russ.).
6. Odoevskiy V. F. Russian nights. In: Odoevskiy V. F. *Works. In 2 volumes, volume 1*. Moscow, Publishing House “Hudozestvennaya literatura”, 1981. 365 p. (In Russ.).
7. Sinyavina N. V. Trust as a concept in the context of a cultural approach. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 1 (93), pp. 26–31. (In Russ.). DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10103
8. Soloviev V. S. *Justification of good*. Moscow, Publishing House of the Institute of Russian Civilization, Algorithm Publishing House, 2012. 656 p. (In Russ.).
9. Frank S. L. *Works*. Moscow, Publishing House “Pravda”, 1990. 607 p. (In Russ.).

*

Николай Гоголь и Константин Кинчев: Общность духовно-нравственных установок в контексте словесной культуры

УДК 101.9

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-89-102>

В. В. Варава

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация,
ORCID ID: 0000-0002-7811-5452, e-mail: vladimir_varava@list.ru

Д. И. Иванов

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, КНР,
ORCID ID: 0000-0002-1492-0049, e-mail: Ivan610@yandex.ru

Аннотация: В статье на примере творчества великого писателя Н. В. Гоголя и современного популярного рок-музыканта и рок-поэта К. Кинчева выявляются инвариантные духовные установки, характерные для отечественной словесной культуры. Фигура Гоголя во многом является ключевой для людей искусства, поскольку в его творчестве сталкиваются этические и эстетические идеалы, что делает его невероятно напряжённым в нравственном плане. Именно Гоголь задаёт традицию относиться к искусству как миссии, стремясь к идее религиозного творчества. Анализ художественных и публицистических текстов Гоголя позволил определить пять духовных максим творчества: 1) о назначении художника; 2) об ответственном отношении к слову; 3) о первичности религии по отношению к литературе; 4) о тщетности светской жизни; 5) о библейской основе русской поэзии. Сравнивая духовный путь Гоголя и Кинчева, авторы выявляют общность творческой эволюции: от эстетизации inferнального начала до прорыва к высоким религиозным идеалам. Важным итогом данной работы является мысль о том, что духовная модель творчества Гоголя и Кинчева строится на общем принципе непреодолимого стремления к недостижимому. Недостижимое понимается как мощный духовный мотиватор, в стремлении к которому человек возрастает как в личном плане, так и в творчестве. Важно, что и для Кинчева, и для Гоголя импульсами этого духовного движения становятся: а) жгучая, очищающая душу человека боль; б) непреодолимое чувство стыда перед Богом; в) память о совершенных ранее ошибках (грехах). Делается вывод о неустранимости этико-философского начала из целостного контекста жизни и творчества русских писателей, музыкантов и поэтов.

Ключевые слова: словесная культура, русская литература, этика, религия, творчество, рок-культура, эстетизация, духовное преображение.

Для цитирования: Варава В. В., Иванов Д. И. Николай Гоголь и Константин Кинчев: общность духовно-нравственных установок в контексте словесной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 89–102. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-89-102>

ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного института культуры

VARAVA VLADIMIR VLADIMIROVICH – DPhil, Professor, Head of the Department of Philosophy, the Moscow State Institute of Culture

ИВАНОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ – кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка Сианьского университета иностранных языков (КНР)

IVANOV DMITRY IGOREVICH – PhD in Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian Language, Xi'an University of Foreign Languages (PRC)

NIKOLAY GOGOL AND KONSTANTIN KINCHEV:
THE COMMUNITY OF SPIRITUAL AND MORAL ATTITUDES
IN THE CONTEXT OF VERBAL CULTURE

Vladimir V. Varava

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
ORCID ID: 0000-0002-7811-5452, e-mail: vladimir_varava@list.ru

Dmitry I. Ivanov

Xi'an University of Foreign Languages, Xi'an, China, ORCID ID: 0000-0002-1492-0049, e-mail: Ivan610@yandex.ru

Abstract: Using the example of the work of the great writer Nikolay Gogol and the modern popular rock musician and rock poet Konstantin Kinchev, the article reveals invariant spiritual attitudes characteristic of the Russian verbal culture. The figure of Gogol is in many ways key for people of art, since ethical and aesthetic ideals collide in his work, which makes him incredibly tense in moral terms. It is Gogol who sets the tradition of treating art as a mission, striving for the idea of religious creativity. Analysis of artistic and journalistic texts by Gogol made it possible to determine five spiritual maxims of creativity: 1) the appointment of an artist; 2) about a responsible attitude to the word; 3) about the primacy of religion in relation to literature; 4) about the futility of secular life; 5) about the biblical basis of Russian poetry. Comparing the spiritual path of Gogol and Kinchev, the commonality of creative evolution is revealed: from the aestheticization of the infernal principle to a breakthrough to high religious ideals. An important result of this work is the idea that the spiritual model of creativity of Gogol and Kinchev is based on the general principle of an irresistible striving for the unattainable. The unattainable is understood as a powerful spiritual motivator, in the pursuit of which a person grows both personally and in creativity. It is important that both for Kinchev and for Gogol the impulses of this spiritual movement are: a) burning pain that cleans the human soul; b) an irresistible feeling of shame before God; c) memory of the mistakes (sins) committed earlier. It is concluded that the ethical and philosophical principle cannot be removed from the integral context of the life and work of Russian writers, musicians and poets.

Keywords: verbal culture, Russian literature, ethics, religion, creativity, rock culture, aestheticization, spiritual transformation.

For citation: Varava V. V., Ivanov D. I. Nikolay Gogol and Konstantin Kinchev: the community of spiritual and moral attitudes in the context of verbal culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 89–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-89-102>

В истории культуры бывают столь неожиданные и, казалось бы, нелогичные параллели, что можно лишь удивляться работе той невидимой лаборатории, в которой культура творит свои чудеса. Но, с другой стороны, творческих людей, принадлежащих к одной историко-культурной традиции, даже далеко отстоящих друг от друга во времени, единит некая общность духовных установок, ценностных архетипов, как бы они ни относились к ним. В данном случае речь пойдёт об известном рок-му-

зыканте и рок-поэте Константине Кинчеве, в жизни и творчестве которого, как это ни парадоксально, обнаруживается много общего с жизнью и творчеством Николая Гоголя.

На первый взгляд, такое сопоставление может вызвать недоумение и сомнение в уместности подобного хода. Однако мы полагаем, что сравнение этих фигур – классика русской и мировой литературы и современного популярного рок-музыканта – правомерно в «большом времени» культу-

ры. Более того, выявление общего у таких разных авторов свидетельствует о наличии реального ценностно-смыслового единства русской культуры. Писатель, творивший в первой половине XIX века, и рок-музыкант, чьё творчество начинается в конце XX века, оказываются «одержимы» одними и теми же духовными и экзистенциальными проблемами, мучавшими их, что находит непосредственное отражение в созданных ими произведениях.

Необходимо отметить, что в современной гуманитаристике (преимущественно в филологии, лингвистике, фольклористике) уже проделана достаточно большая работа по осмыслению творчества отечественных рок-музыкантов. Кинчев, естественно, как один из главных представителей отечественной рок-сцены не обделён вниманием. В данном контексте нам хотелось бы сделать акцент на так называемом списке Кинчева, в который входит достаточно внушительный круг авторов, так или иначе повлиявших на его творчество [3, с. 38].

Этот список достаточно широк и противоречив. В него входят самые разные литераторы и философы, идеи которых, так или иначе, оказали влияние на формирование мировоззренческих установок Кинчева. Среди авторов и Ш. Бодлер, и С. Есенин, и В. Высоцкий, и М. Булгаков, и А. Островский и многие другие. Однако в этом «списке» есть имя, которое, на наш взгляд, заслуживает отдельного внимания. Это имя Николая Васильевича Гоголя, творчество и личность которого наиболее точно отражает специфику духовной и творческой эволюции сознания Кинчева.

Сам Кинчев неоднократно подчёркивал значимость религиозных исканий писателя в процессе становления той духовно-эстетической основы, которая позволила бы

ему преодолеть внутреннюю противоречивость и даже разорванность сознания и перейти на новый конструктивно-созидательный цикл своего творчества. Можно даже сказать, что именно Гоголь оказал наибольшее влияние на Кинчева. Не случайно поэт прямо говорит о том, что Гоголь «попал в моё сердце». Но речь здесь идёт не только о продолжении традиции, что само по себе значимо, сколько о некоей общности судеб творческих личностей определённого духовного склада.

Говоря о Гоголе, необходимо отметить его уникальнейшее место не только в русской литературе, но и в философии. То, что экзистенциально напряжённый и духовно ищущий Кинчев, по сути, один из наиболее философичных отечественных рок-музыкантов, встречается с Гоголем в пространстве русской культуры, не случайно. Как отмечает Л. Н. Столович: «Для понимания русской философской мысли важно иметь в виду её проявление в жанрах философского романа и философской поэзии. Идейное наследие Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, поэтов Державина, Баратынского, Тютчева, не говоря уже о Пушкине, является достоянием не только русской литературы, но и русской философии» [17, с. 6].

Как видно, этот литературно-философский ряд начинается именно с Гоголя. В. Набоков в «Лекциях по русской литературе», кажется, раскрыл тайну необычайной привлекательности Гоголя для всех творческих, ищущих натур. Это очень показательные слова. «Мир Гоголя, – пишет Набоков, – сродни таким концепциям в современной физике, как “Вселенная – гармошка” или “Вселенная – взрыв”; он не похож на спокойно вращавшиеся, подобно часовому механизму, миры прошлого века. В ли-

тературном стиле есть своя кривизна, как и в пространстве, но немногим из русских читателей хочется нырнуть стремглав в гоголевский магический хаос ... Проза Пушкина трёхмерна; проза Гоголя по меньшей мере четырёхмерна. Его можно сравнить с его современником математиком Лобачевским, который взорвал Евклидов мир и открыл сто лет назад многие теории, позднее разработанные Эйнштейном ... Гений Гоголя – это и есть та самая рябь на воде; дважды два будет пять, если не квадратный корень из пяти, и в мире Гоголя всё это происходит естественно, там ни нашей рассудочной математики, ни всех наших псевдофизических конвенций с самой собой, если говорить серьёзно, не существует» [13, с. 127–128].

Подобные слова о «неевклидовском разуме» говорил Г. Померанц о творчестве Достоевского в своих известных работах о писателе [14]. Однако кроме этого, явного метафизического пласта в творчестве Гоголя, важен, конечно, его духовный путь, его религиозные искания, которые свойственны многим одарённым людям, которые всегда на определённом этапе испытывают сильнейшее противоречие между этикой и эстетикой, творчеством и верой, церковью и культурой. Всё это типично русские вопросы, характеризующие именно отечественную духовно-культурную ситуацию, не вполне понятные представителям иных культурных традиций.

В творчестве Кинчева как в зеркальном отражении мы находим те же самые вопросы о природе творчества, о его соотносённости с духовным идеалом, как и у Гоголя. Если попытаться выявить духовные принципы, объединяющие творческий путь Гоголя и Кинчева, то они выглядят, с нашей точки зрения, следующим образом:

а) духовное самопреодоление; б) стремление к очищению и спасению души через искреннюю молитву и покаяние, воплощённое в слове поэта; в) познание истинной со-творческой природы искусства; г) отказ от «бытия-к-власти» и обретение «бытия-к-Богу»; д) постоянное духовно-нравственное подтверждение того, что художник достоин идти по выбранному пути; ж) предельная ответственность за каждое произнесённое слово не только перед самим собой, но и перед Богом.

Обоснуем каждый принцип на конкретном творческом материале обоих авторов.

Кинчев, прежде чем формировать новые духовно просветлённые принципы творчества, прошёл мучительный путь от ложного поиска самого себя в бездне inferнально-мистических «откровений» до глубокого осознания того, что единственно верным источником истины, творчества и жизни является Благодать Божья. Этот путь удивительным образом напоминает путь духовно-нравственного преобразования «мистика-реалиста» Гоголя, который так же, как и Кинчев в определённый момент отказывается от «религиозно-онтологической бесовщины» (от «заигрывания с бесами») и встаёт на путь «бытия-к-Богу». Нужно здесь отметить, что это определённый тип творческой личности, видящий в самом творчестве не только лишь неотчуждаемую от него эстетическую основу, но ещё и определённую нравственную миссию. Именно последняя ставит вопрос о смысле творчества вообще, что, соответственно, ставит художника в нравственно ответственную позицию.

Приведём некоторые точки зрения современных и классических авторов, мыслящих в такой же смысловой тонально-

сти. П. А. Горохов и Е. Р. Южанинова, рассматривая «философию inferнального» в творчестве Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова, замечают: «Человек глубоко верующий, православный, Гоголь был не чужд мистики и верил, что чёрт водит за собой людей, заставляя их совершать злые поступки. Его соотечественники украинцы веками жили по принципу: “Бога люби, а черта не гневи”. Писатель Дмитрий Мережковский полагал, что Гоголь всю жизнь боролся с чёртом и в конце концов проиграл в этой борьбе. Представители современного “православно-гоголеведения”, напротив, полагают, что писатель в последние годы вёл жизнь христианского подвижника и умер как настоящий святой – во время Великого поста ... Демонология Гоголя – это не столько образы нечистой силы, сколько описание дьявола внутри самого человека. При этом бесовщина Гоголя остаётся религиозно-онтологической, то есть непосредственно-овеществлённой, воплощённой. Таким своим качеством, тем, что называется действительной фантазмагорией, мистикой, Гоголь отличен от Достоевского, который бесовщину психологизирует и социологизирует. В этом смысле поворот или переход Гоголя от “народного язычества” (“Вий”, “Страшная месть”, “Вечер накануне Ивана Купала”) к традиционному православию должен рассматриваться не как противопоставление, а наоборот, как непосредственное продолжение. Для того чтобы увидеть беса и нечистую силу в человеке, её следует визуализировать, наглядно представить, а для этого следует верить и твёрдо знать, что она есть. Обладая апокалиптическим зрением, Гоголь видит inferнальное как наяву, так сказать, предметно: Вия, ведьму, приведений, оживший портрет, – так и внутри различных человеческих типажей. Образы Чарткова

(“Портрет”), Плюшкина (“Мёртвые души”), Хомя Брута (“Вий”) показываются в отношении их к нечистой силе. Все они не только её жертвы, но и носители. Тот же Хома умирает не только из-за страха, как сказано устами гоголевского персонажа, но и в первую очередь от безверия. Именно безверие Хомя зафиксировал Вий своим страшным взглядом в разрушенной церкви Сотника, из которой давно ушёл Бог. И в поместье Плюшкина стоят две заброшенные церкви, ибо скупец-хозяин начисто забыл о своей душе» [7, с. 20].

Известный литературовед первой волны эмиграции К. Мочульский в книге «Духовный путь Гоголя» даёт ёмкие характеристики духовного облика писателя: «В нравственной области Гоголь был гениально одарён; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие “великую русскую литературу”, ставшую мировой, были намечены Гоголем: её религиозно-нравственный строй, её гражданственность и общественность, её боевой и практический характер, её пророческий пафос и мессианство» [12, с. 645].

Подчеркнём, что выделенные Мочульским характеристики русской литературы, которые «намечил» Гоголь (религиозно-нравственный строй, гражданственность и общественность, боевой и практический характер, пророческий пафос и мессианство) в полной мере реализовались в творчестве Кинчева. Эти системообразующие характеристики Гоголя практически полностью совпадают с духовно-нравственными установками программы Кинчева. Ключевым основанием, обеспечивающим эту духовно-ментальную связь, является тот факт, что Кинчеву, так же как и Гоголю, удалось

«увидеть черта без маски» и осознать всю глубину греха и противоречивости русской души.

Д. С. Мережковский, анализируя природу inferнально-демонического в сознании и творчестве Гоголя, отмечает: «Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессилье, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом. Гоголь сделал для нравственных измерений то же, что Лейбниц для математики, – открыл как бы дифференциальное исчисление, бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла. Первый он понял, что чёрт и есть самое малое, которое лишь вследствие нашей собственной малости кажется великим, – самое слабое, которое лишь вследствие нашей собственной слабости кажется сильным. “Я называю вещи, – говорит он, – прямо по имени, то есть чёрта называю чёртом, не даю ему великолепного костюма à la Байрон и знаю, что он ходит во фраке ...” “Дьявол выступил уже без маски в мир: он явился в своём собственном виде”. Главная сила дьявола – умение казаться не тем, что он есть. Будучи серединою, он кажется одним из двух концов – бесконечностей мира, то Сыном-Плотью, восставшим на Отца и Духа, то Отцом и Духом, восставшим на Сына-Плоть; будучи тварью, он кажется творцом; будучи тёмным, кажется Денницею; будучи косным, кажется крылатым; будучи смешным, кажется смеющимся. Смех Мефистофеля, гордость Каина, сила Прометея, мудрость Люцифера, свобода Сверхчеловека – вот различные в веках и народах “великолепные

костюмы”, маски этого вечного подражателя, приживальщика, обезьяны Бога. Гоголь первый увидел чёрта без маски, увидел подлинное лицо его, страшное не своей необычностью, а обыкновенностью, пошлостью; первый понял, что лицо черта есть не далёкое, чуждое, странное, фантастическое, а самое близкое, знакомое, вообще реальное “человеческое, слишком человеческое” лицо, лицо толпы, лицо “как у всех”, почти наше собственное лицо в те минуты, когда мы не смеем быть сами собою и соглашаемся быть “как все”» [11, с. 350].

На наш взгляд, представленные суждения Мережковского о *гоголевском восприятии демонического, дьявольского*, которое скрыто в рутине повседневной жизни, незримо присутствуя в каждом человеке и заставляя его ежеминутно предавать себя-в-себе и «добровольно» отречься от самих себя (от «Бога-в-себе»), в равной степени могут быть отнесены и к духовно-религиозной концепции Кинчева, которая находит отражение в его творческой карьере рок-музыканта.

Встав на этот путь, Кинчев продолжает гоголевскую традицию внимательного взглядывания в низменные страсти человека. Кажется, что первенство в этом принадлежит Достоевскому, однако именно у Гоголя можно часто и в зачаточном виде обнаружить всё то, что в дальнейшем станет метой и типологической чертой отечественной глубоко философической литературы. От романтизации демонического начала творческого человека, которое ошибочно полагается за гениальность, до аскетического самоотрицания вообще индивидуальности как греховности – таков духовный путь, проложенный Гоголем, ставший образцом для многих, в том числе и для Кинчева.

Кинчев-поэт отказывается служить стереотипизированному, статично-овеществлённому, признаваемому большинством «ценителей и знатоков», псевдоидеалу искусства, которым становится лишённый всяческих внутренних противоречий великий и прекрасный «богочеловек». Цель Кинчева состоит в том, чтобы «вывести на свет Божий» (визуализировать), воплотить в слове-песне слабость человека перед силой греха и заронить в сердца зерна смирения, которое он понимает, как «высшее достижение на прямой дороге к святости» [10]. Для этого поэт, следуя за Гоголем, стремится «вызвать наружу всё, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, – всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи!» [4, с. 134].

Здесь же необходимо сказать о том, что, выбирая этот путь, Кинчев, так же как и Гоголь, прекрасно осознаёт, что «ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слёз и единодушного восторга взволнованных им душ; к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закужившеюся головою и героическим увлечением; ему не позабыться в сладком обаянье им же исторгнутых звуков; ему не избежать, наконец, от современного суда, лицемерно-бесчувственного современного суда, который назовёт ничтожными и низкими им лелеянные создания, отведёт ему презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих человечество, придаст ему качества им же изображённых героев, отнимет от него и сердце, и душу, и боже-

ственное пламя таланта. Ибо не признаёт современный суд, что равно чудны стёкла, озирающие солнца и передающие движения незамеченных насекомых; ибо не признаёт современный суд, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести её в перл созданья; ибо не признаёт современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скормороха!. Не признаёт сего современный суд и всё обратит в упрёк и поношение непризнанному писателю; без разделенья, без ответа, без участия, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствует он своё одиночество» [4, с. 138].

Таким образом, на данном этапе видна типологическая общность духовно-нравственных и этико-эстетических установок Гоголя и Кинчева, показывающая, что в контексте русской традиции творческий путь – это далеко не в последнюю очередь мировоззренческий выбор и миросозерцательная позиция. Хотя чисто в эстетическом плане, конечно, ни мировоззрение, ни миросозерцание, конечно, не главное для творчества. Ф. Степун в статье «Миросозерцание Достоевского» писал: «Не всякое созерцание мира таит в себе определённое миросозерцание. Без созерцательного дара большой художник невымыслим. Но без миросозерцания мыслим вполне. Слишком разработанное миросозерцание и слишком убеждённое его исповедание иногда даже мешают искусству. Доказательством этого служит “Воскресение” Толстого и “Клим Самгин” Горького» [16, с. 43].

Эти слова Степуна безусловно справедливы. Но в данном случае речь, как

нам представляется, идёт в большей мере об идеологической, а не о миросозерцательной позиции. Не всегда бывает легко провести грань между миросозерцанием и идеологичностью, поскольку идеологичность может выдаваться за миросозерцание, и миросозерцание может представать как идеологичность. Однако это предмет отдельного разговора.

Приведём несколько конкретных суждений Гоголя, в которых отражена эта общность и связь его духовно-нравственной программы с программой Кинчева.

Суждение первое: «Назначение художника и искусства – служить “незримой ступенью к христианству”, ибо современный человек не в силах встретиться прямо со Христом» [2]. По Гоголю, литература должна выполнять ту же задачу, что и сочинения духовных писателей, – просвещать душу, вести её к совершенству. В этом для него – единственное оправдание искусства.

Суждение второе: «Об ответственности человека за слово сказано в Святом Евангелии: “...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ...” (Мф. 12:36). Гоголь восстал против праздного литературного слова: “Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку ... Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!. Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово...”» [2].

Суждение третье: «Создал меня Бог и не скрыл от меня назначенья моего ... Рождён я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело моё проще и ближе: дело моё есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело моё – душа и проч-

ное дело жизни. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно ... Жгу, когда нужно жечь, и, верно, поступаю как нужно, потому что без молитвы не приступаю ни к чему...» [2].

Суждение четвертое: «Я не могу понять, от чего поселилась эта нелепая мысль об отречении моём от своего таланта и от искусства, тогда как из моей же книги можно бы, кажется, увидеть ... какие страдания я должен был выносить из любви к искусству...» [2].

Суждение пятое: «Некоторые из нынешних умников выдумали, будто нужно толкаться среди света для того, чтобы узнать его. Это просто вздор. Опроверженьем такого мнения служат все светские люди, которые толкаются вечно среди света и при всём том бывают всех пустее. Воспитываются для света не посреди света, но вдали от него, в глубоком внутреннем созерцании, в исследовании собственной души своей, ибо там законы всего и всему. Найди только прежде ключ к своей собственной душе, когда же найдёшь, тогда этим же самым ключом отопрёшь души всех» [1, с. 238].

Суждение шестое: «В Лиризме наших Поэтов есть что-то такое, чего нет у Поэтов других наций: Именно что-то близкое к Библейскому, то высшее состояние Лиризма, которое чуждо увлечений страстных и есть твёрдый взлёт в свете разума, верховное торжество духовной трезвости» [1, с. 239].

Можно сказать, что это *духовное кредо* Гоголя, являющееся основой его эстетической программы. Спасение (сохранение внутренней одухотворённой чистоты души) становится ключевым смыслообразующим компонентом всей духовной концепции Гоголя. Важно, что саму душу человека писатель воспринимает как ментально-интенциональную форму воплощения присутствия

«Бога-в-человеке». Другими словами, живая душа человеческая – это своеобразный субстрат со-Бытия с Богом (Истиной), на котором держится Мир («Мировая душа»). Соответственно, основная задача писателя-творца состоит не только в спасении собственной души, но и душ других людей.

Не случайно в завещании Гоголя появляются следующие строки: «Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и грех себе возьмёт на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой. Если бы даже и удалось мне сделать что-нибудь полезного и начинал бы я уже исполнять свой долг действительно так, как следует, и смерть унесла бы меня при начале дела, замышленного не на удовольствие некоторым, но надобного всем, – то и тогда не следует предаваться бесплодному сокрушению ... Не унынью должны мы предаваться при всякой внезапной утрате, но оглянуться строго на самих себя, помышляя уже не о черноте других и не о черноте всего мира, но о своей собственной черноте. Страшна душевная чернота, и зачем это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоит перед глазами!» [5, с. 220].

Всё это также позволяет говорить о том, что духовная модель творчества Кинчева и Гоголя строится на едином (общем) принципе *непреодолимого стремления к недостижимому*. Категория *недостижимости* наполняется конструктивным концептуально-смысловым содержанием, а сама процессуальность этого по сути теургического действия, воплощённая в форме *вечного стремления*, наделяется универсальным статусом. Эффект достижения цели в данном контексте отождествлён с самообманом, иллюзией. Дело в том, что достичь недостижимого нельзя, но стремление к нему и есть не-

престанное духовное усилие, составляющее цель и смысл жизни. Истинным результатом является не результат, а сам процесс его достижения.

Из этого следует, что все другие «облегчённо адаптированные» формы и способы «обретения» (достижения поставленной цели) являются симулятивными проекциями тотального бездействия человека, воплощённого либо в форме ложного самообожествления (перевоплощение в «Бога-сверхчеловека», слияние с «божественной» «сверхволей»), либо в форме самодемонизации (перевоплощение в «Дьявола-сверхчеловека», слияние с «демонически-бесовской» «сверхволей»). Важно, что и для Кинчева, и для Гоголя импульсами этого духовного движения становятся: а) жгучая, очищающая душу человека боль; б) непреодолимое чувство стыда перед Богом; в) память о совершённых ранее ошибках (грехах).

Необходимо отметить, что эти состояния Кинчев рассматривает не только как своеобразные индикаторы собственного духовного несовершенства, но и как ключевые инструменты духовного возрастания. Их сущность можно определить так: природа возвращения человека «к-самому-себе», к истинному искусству, приближающему художника к обретению бытия «Бога-в-себе» и «себя-в-Боге», лежит через стремление к искуплению греха. Важно, что этот процесс бесконечен, а его конструктивная реализация заключена не в достижении результата и определена самим фактом реализации этого процесса.

Это стремление к недостижимому становится важнейшим проявлением духовности, поскольку абсолютного совершенства в этой жизни достичь не может никто, ибо совершенен лишь Бог. Понимание собствен-

ной ограниченности, в том числе и творческой, смиряет человека, но, тем самым, даёт новые силы и возможности. Это своеобразное *творчество через аскезу*, о чём писали многие, в том числе и В. Н. Ильин и П. А. Флоренский.

Самое главное – всегда помнить о своём несовершенстве (и нравственном, и творческом). «Память греха», укоренённая в душе человека, это одно из основных условий непрерывности процесса духовно возрождения. Именно поэтому, даже после преодоления глубокого духовного кризиса, Кинчев, так же как и Гоголь, неоднократно фиксирует и изображает в своих текстах и песнях перманентно возникающую, отождествлённую с самой жизнью, ситуацию реального падения человека в омут безверия. Заявленная проблематика в пространстве посткризисного (христианско-религиозного) цикла занимает одно из ключевых мест в поэтике песенных (музыкально-поэтических) текстов Кинчева. К ним можно отнести следующие рок-композиции: «Смерть», «Дорога в небо», «Православные» («Солнцеворот», 2000); «Без креста», «Антихрист», «Инок, воин и шут», «Званные» («Сейчас позднее, чем ты думаешь», 2003); «Изгой», «Солнце-Иерусалим», «Бойся, проси и верь», «Слово», «Крещение» («Изгой», 2005); «Пересмотри», «Горько», «Пересуды», «Стать песней» («Пульс хранителя дверей лабиринта», 2008); «В Путь», «Страх», «Главное» («Ъ», 2010); «Качели», «Пульс», «Мир» («20.12», 2011) и многие другие.

Приведём небольшой пример: «Из ничего, из ниоткуда / Проходит путь в никуда. / На том пути все жаждут чуда / И верят воле кнута. / Глазами в пол, шеренги ада / Копают вглубь или ширь. / Всё, как всегда, тупое стадо / Пасёт слепой поводырь. / Уроки лет, заветы века / И предсказания

эпох / Не изменили человека, / Он тот же загнанный лох. / Всё та же спесь, всё те же позы, / Всё тех же ниток узлы. / Семь из десяти по жизни козы, / А остальные – козлы. / Лишь единиц готовит Небо / Увидеть в круге воды, / Что даже там, где ждёт победа, / Недалеко до беды. / И дольше века длится день, / И идол мира безутешен, / Кто променял себя на тень, / Повержен!» [9].

Как мы видим, в представленном фрагменте, так же, как, например, и в «финальной» для Чарткова сцене гоголевского «Портрета» (1842), в которой писатель фиксирует ситуацию деструктивного «триумфа» («духовного-экстатического падения» художника), Кинчев раскрывает внутреннюю специфику слабости человека перед неискоренимой силой греха. Он понимает, что изменить мир невозможно («Уроки лет, заветы века / И предсказания эпох / Не изменили человека, / Он тот же загнанный лох. / Всё та же спесь, всё те же позы, / Всё тех же ниток узлы. / Семь из десяти по жизни козы, / А остальные – козлы» [9]), так как все стремления внутренне опустошённого человека к «чуду», за которым стоит «безутешный идол» безверия, бессмысленны и безрезультатны.

Однако незримая демоническая «сверхволя», воплощённая в симулятивно-искусственных образах ложного самообожествления, продолжает вести за собой обречённого человека, ослеплённого тотально-деструктивным предчувствием приближающейся «победы», отождествлённой с бедой-крахом-падением: «Лишь единиц готовит Небо / Увидеть в круге воды, / Что даже там, где ждёт победа, / Недалеко до беды» [9]. Это приводит к тому, что человек, ищущий лёгких «побед», основанных на «искренней вере» в «волю кнута», незаметно для себя «сам» отказывается от ис-

тинной борьбы и встаётся на путь духовного саморазрушения, воплощённого в форме движения из пустоты в пустоты: «Из ничего, из ниоткуда / Проходит путь в никуда. / На том пути все жаждут чуда / И верят воле кнута» [9]. Заметим, что возведённая в ранг «божественного закона» манипулятивно-деструктивная «воля кнута» полностью контролирует сознание человека.

В этих условиях единственной целью «ослеплённого» человека, которую он воспринимает как стремление к конструктивно-созидательному переустройству себя и мира, становится «жажда» самообожествления и «торжество» отречения от «божественного безумия» в пользу обретения лукавой «мудрости мира-в-себе», которая, в действительности, есть пошлость мира и хула на Господа [15].

Необходимо отметить, что в основе ложных устремлений человека к «жажде» самообожествления и обретению «лукавой мудрости» лежит бессознательный инстинктивно-импульсный механизм аффективного замещения внутренней духовной опустошённости внешней псевдорезультативной активностью сознания «другого-в-себе», которая в действительности является всего лишь ещё одним проявлением доминирующей «сверхволи». Другими словами, «самообожествление» есть процесс подмены внутренней пустоты (ментальной формы реализации «сверхволи») пустотой внешней (социальной формой реализации «сверхволи»). Закономерным финалом самопровозглашённого Бого-сверхчеловека, отказавшегося от исцеляющей «памяти греха», о которой мы говорили выше, становится полное «стирание личности»: «Кто променял себя на тень, / Повержен!...» [9].

В пространстве духовных исканий Кинчева и Гоголя одной из специфических

форм реализации *стремления к недостижимому* становится непреодолимая внутренняя потребность познания себя через раскрытие сущностных противоречий, «нынешних запутанностей» жизни, из которых соткан мир, вбирающий в себя и отражающий в себе душу человеческую. Принципиальным является то, что результативность этого процесса (познания жизни и мира) определяется степенью обретения «себя-для Бога» (или «Бога-в-себе»), так как органическая связь всего живого (одухотворённого Божьей Благодатью) открывается человеку только тогда, когда он смотрит на мир-жизнь и самого себя «глазами икон» (Кинчев), «высшим взглядом христианина» (Гоголь).

Показательны в этом плане слова писателя: «Жизнь нужно показать человеку, – жизнь, взятую под углом её нынешних запутанностей, а не прежних, – жизнь, оглянутую не поверхностным взглядом светского человека, но взвешенную и оценённую таким оценщиком, который взглянул на неё высшим взглядом христианина. Велико незнание России посреди России ... Город не знает города, человек человека; люди, живущие только за одной стеной, кажется, как бы живут за морями. Вы можете во время вашей поездки их познакомить между собою и произвести взаимный благодетельный обмен сведений, как расторопный купец, забравши сведения в одном городе, продать их с барышом в другом, всех обогатить и в то же время разбогатеть самому больше всех. Подвиг на подвиге предстоит вам на всяком шагу, и вы этого не видите! Очнитесь! Куриная слепота на глазах ваших! Не залучить вам любви к себе в душу. Не полюбить вам людей до тех пор, пока не послужите им. Какой слуга может привязаться к своему господину, который

от него вдали и на которого ещё не поработал он лично? Потому и любимо так сильно дитя матерью, что она долго его носила в себе, всё употребила на него и вся изза него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь ваш – Россия!» [6, с. 308].

В этих словах явлено глубокое взаимопроникновение проповеди и литературы, этики и эстетики, что станет определяющим для отечественной литературной традиции, которая неотделима от этико-философского начала. Это часто становилось предметом критики, в том числе того же Набокова. Но так или иначе, чистый эстетизм, лишённый нравственного начала, не имеет сущностной укоризненности в традициях отечественной словесной культуры. И как раз сопоставление фигур Гоголя и Кинчева наглядно демонстрирует стойкость этой духовной установки творчества.

Итак, можно подвести некий итог вышесказанному. Как бы далеко ни отстояли друг от друга разные явления, принадлежащие к одной культурной традиции, в их творчестве обязательно скажется общность духовного пути и основополагающих этико-эстетических принципов. Реконструкция воззрений Кинчева и Гоголя показывает, сколь сложным и драматичным был

путь обоих авторов к истинному творчеству, принизанному идеалами истины, добра и красоты; сколь велик был соблазн самообожествления, заигрывания с «демоническими» силами и заглядывания в inferнальные бездны.

То, что Гоголь жил и творил в условиях самодержавного строя, в котором, по крайней мере, внешне культивировался религиозный идеал, а Кинчев – в принципиально иную атеистическую эпоху, в которой произошло становление его первых творческих шагов, не имеет решающего значения для фундаментальных духовно-нравственных исканий, которые всегда имеют личностный, экзистенциально ответственный характер.

Мы полагаем, что это достаточно продуктивно для дальнейших исследований разных пластов отечественной словесности, которая будет подчиняться определённым «духовным закономерностям». «Логоцентризм» как установка нравственно ответственного слова перед собой, читателем и Богом идёт от Гоголя и является существенной типологической характеристикой отечественной культурной традиции в целом. И сравнительный анализ творческого пути Гоголя и Кинчева лишь подтверждает это.

Список литературы

1. *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и Духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 219–246.
2. *Воропаев В. А.* Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. Православная художественная литература [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/fiction/nikolaj-gogol-opyt-dukhovnoj-biografii/#n6>
3. *Гидревич Е. А.* Реминисценции в творчестве Константина Кинчева // Учёные записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 2 (22). С. 37–42.
4. *Гоголь Н. В.* Мёртвые души // Полное собрание сочинений: в 14 томах / [ред.: Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский] ; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). [Москва] : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Том 6. Мёртвые души. [Ч.] 1 / [ред. Н. Ф. Бельчиков и др.] ; [текст и коммент. подгот. В. А. Жданов и Э. Е. Зайденшнур]. 1951. 924 с.

5. Гоголь Н. В. Завещание // Полное собрание сочинений: в 14 томах / [ред.: Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский] ; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). [Москва] : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Том 8. Статьи. 1952а. С. 217–223.
6. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Полное собрание сочинений: в 14 томах / [ред.: Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский] ; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). [Москва] : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Том 8. Статьи. 1952б. С. 213–418.
7. Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Философия inferнального в творчестве Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 7. С. 19–24.
8. Кинчев К. Пронзительное «Эх!» [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/211539-2-konstantin-kinchev-stihi-i-pesni.html>
9. Кинчев К. Жги. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://reproduktor.net/gruppa-alisa/zhgi/>
10. Легойда В. Программа «Парсуна» с участием К. Кинчева [Электронный ресурс] // Телеканал «Спас». 16.06.2019. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=J8Hbp8-tUjw>
11. Мережковский Д. С. Гоголь и черт (Исследование) // Н. В. Гоголь: pro et contra: личность и творчество Н. В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей : антология / [сост. : С. А. Гончаров]. Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2009-. Том 1 / [отв. ред. : Д. К. Бурлака]. 2009. С. 349–444.
12. Мочульский К. Духовный путь Гоголя (фрагменты) // Н. В. Гоголь: pro et contra: личность и творчество Н. В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей : антология / [сост. : С. А. Гончаров]. Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2009-. Том 1 / [отв. ред. : Д. К. Бурлака]. 2009. С. 645–665.
13. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. Москва : Издательство «Независимая Газета», 1999. 438 с.
14. Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 416 с.
15. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). На слова: «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 19) [Электронный ресурс] // Спешите идти за Христом. Сборник проповедей. URL: <http://krestobogorodsky.ru/na-slova-mudrost-mira-sego-est-bezumie-pred-bogom-1-kor-3-19/>
16. Степун Ф. А. Миросозерцание Достоевского. Встречи. Москва : Аграф, 1998. 251 с.
17. Столович Л. Н. История русской философии : очерки. Москва : Республика, 2005. 495 с.

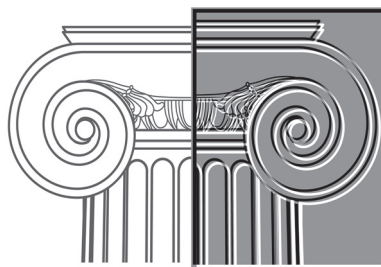
References

1. Vinogradov I. A. Unknown autographs of two articles by N. V. Gogol about the Church and the Clergy. On the history of the publication of “Selected Passages from Correspondence with Friends”. *Problems of Historical Poetics*. 2005, no. 7, pp. 219–246. (In Russ.).
2. Voropaev V. A. *Nikolay Gogol. An experience of spiritual biography. Orthodox fiction*. Available at: <http://azbyka.ru/fiction/nikolaj-gogol-opyt-dukhovnoj-biografii/#n6> (In Russ.).
3. Gidrevich E. A. Reminiscences in the works of Konstantin Kinchev. *Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*. 2012, no. 2 (22), pp. 37–42. (In Russ.).
4. Gogol N. V. Dead souls. In: Gogol N. V. *Complete works. In 14 volumes, volume 6*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. (In Russ.).
5. Gogol N. V. Will. In: Gogol N. V. *Complete works. In 14 volumes, volume 8*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952a. Pp. 217–223. (In Russ.).
6. Gogol N. V. Selected passages from correspondence with friends. In: Gogol N. V. *Complete works. In 14 volumes, volume 8*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. Pp. 213–418. (In Russ.).
7. Gorokhov P. A., Yuzhaninova E. R. Philosophy of the infernal in the works of N. V. Gogol and M. A. Bulgakov. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2008, no. 7, pp. 19–24. (In Russ.).

8. Kinchev K. *The piercing "Eh!"*. Available at: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/211539-2-konstantin-kinchev-stihi-i-pesni.html> (In Russ.).
9. Kinchev K. *Burn*. 2012. Available at: <https://reproduktor.net/gruppa-alisa/zhgi/> (In Russ.).
10. Legoyda V. *Program "Parsuna" with the participation of K. Kinchev*. Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=J8Hbp8-tUjw> (In Russ.).
11. Merezhevskiy D. S. Gogol and the devil (Research). In: *N. V. Gogol: pro et contra: personality and work of N. V. Gogol in the assessment of Russian writers, critics, philosophers, researchers: anthology. Volume 1*. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2009. Pp. 349–444. (In Russ.).
12. Mochulskiy K. The Spiritual Path of Gogol (fragments). In: *N. V. Gogol: pro et contra: personality and work of N. V. Gogol in the assessment of Russian writers, critics, philosophers, researchers: anthology. Volume 1*. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2009. Pp. 645–665. (In Russ.).
13. Nabokov V. V. *Lectures on Russian literature*. Moscow, Publishing House "Nezavisimaya Gazeta", 1999. 438 p. (In Russ.).
14. Pomerantz G. *Openness to the abyss. Meetings with Dostoevskiy*. Moscow, St. Petersburg, Published by Center for Humanitarian Initiatives, 2013. 416 p. (In Russ.).
15. Saint Luke (Voino-Yasenetsky). To the words: "The wisdom of this world is madness before God" (1 Cor. 3:19). *Hurry to follow Christ. Collection of Sermons*. Available at: <http://krestobogorodsky.ru/naslova-mudrost-mira-sego-est-bezumie-pred-bogom-1-kor-3-19/> (In Russ.).
16. Stepun F. A. *Dostoevskiy's worldview. Meetings*. Moscow, Publishing House "Agraf", 1998. 251 p. (In Russ.).
17. Stolovich L. N. *History of Russian philosophy: essays*. Moscow, Publishing House "Republic", 2005. 495 p. (In Russ.).

*

ЭСТЕТИКА

З АМЕТКИ О ВТОРОМ РОССИЙСКОМ ЭСТЕТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

УДК 061:18

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-104-114>

Р. А. Куренкова

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация,
e-mail: r-kurenkova@mail.ru

Аннотация: Цель статьи – информирование научной общественности о проведении Второго российского эстетического конгресса с 1 по 3 июля 2021 года в Екатеринбурге на базе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Отмечается, что задачей учёных сегодня является рефлексия современного предметного поля эстетики как философии красоты, эстетической чувственности и искусства в противовес утилитаризму наших дней, который всё чаще культивирует низменное и отвратительное, а также восполнение дефицита смыслов красоты и интерпретация их в условиях нового цифрового и медиапространства. Украшением Конгресса стали две открытые лекции зарубежных учёных: Игоря Павловича Смирнова (Германия) «Киноискусство и “regress us ad infinitum”» и Михаила Наумовича Эпштейна (США) «Поэтическое вне поэзии». Несмотря на то, что в одном случае материалом для эстетических суждений выступал кинематограф, а в другом – поэзия и моменты новой поэтизации современной жизни, обоих учёных волновал один и тот же вопрос: куда идёт искусство и какова роль поэтического (эстетического) в будущем человечества? На Конгрессе прозвучали новые прорывные идеи, были обозначены смелые позиции, позволяющие ввести новые смыслообразующие формы для нашего гуманистического существования, привлечь внимание к тотальной необходимости эстетического и художественного образования и воспитания.

Ключевые слова: эстетика, Второй российский эстетический конгресс, медиапространство, искусство, образование.

Для цитирования: Куренкова Р. А. Заметки о Втором российском эстетическом конгрессе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 104–114. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-104-114>

REVIEW ON THE SECOND RUSSIAN AESTHETIC CONGRESS

Rimma A. Kurenkova

Vladimir State University named after ALEXANDR and NIKOLAY STOLETOVS, Vladimir, Russian Federation,
e-mail: r-kurenkova@mail.ru

Abstract: The purpose of the article is to inform the scientific community about the holding of the Second Russian Aesthetic Congress from July 1 to July 3, 2021 in Yekaterinburg on the basis of the Ural

КУРЕНКОВА РИММА АРКАДЬЕВНА – доктор философских наук, профессор, научный консультант научно-образовательного Центра «Эстетика и эстетическое образование» Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

KURENKOVA RIMMA ARKADIEVNA – Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Consultant of the Scientific and Educational Center “Aesthetics and Aesthetic Education” of the Vladimir State University named after ALEXANDR and NIKOLAY STOLETOVS

© Куренкова Р. А., 2021

Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. It is noted that the task of scientists today is to reflect on the modern subject field of aesthetics as a philosophy of beauty, aesthetic sensuality and art, as opposed to the utilitarianism of our days, which is increasingly cultivating base and disgusting, as well as filling the deficit in the meanings of beauty and interpreting them in the new digital and media space. The decoration of the Congress was two open lectures by foreign scientists: Igor Pavlovich Smirnov (Germany) "Cinema and "regress us ad infinitum" and Mikhail Naumovich Epstein (USA) "Poetic Beyond Poetry". Despite the fact that in one case the material for aesthetic judgments was cinema, and in the other - poetry and moments of new poeticization of modern life, both scientists were worried about the same question: where is art going and what is the role of poetic (aesthetic) in the future of humanity? At the Congress, new breakthrough ideas were voiced, bold positions were outlined, allowing us to introduce new meaning-forming forms for our humanistic existence, to draw attention to the total necessity of aesthetic and artistic education and upbringing.

Keywords: aesthetics, the Second Russian Aesthetic Congress, media space, art, education.

For citation: Kurenkova R. A. Review on the Second Russian Aesthetic Congress. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 104–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-104-114>

Самый жаркий день в году выдался на день открытия конгресса. Второй российский эстетический конгресс проходил с 1 по 3 июля 2021 года в Екатеринбурге на базе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. После тяжёлых ковидных времён 240 участников из 28 российских городов, а также зарубежные участники из Киева, Лейбена, Минска, Сан-Франциско, Софии в формате онлайн и офлайн смогли наконец осуществить научную и творческую коммуникацию в столь необходимой и сверхважной сфере, как эстетика.

В 90-е годы прошедшего века мне не раз приходилось слышать от выпускников, окончивших наши отечественные школы с золотыми медалями, вопросы о том, что такое эстетика. Очень хотелось бы надеяться, что сегодня времена поменялись в лучшую сторону и выпускники наших современных школ хотя бы приблизительно знают что-нибудь об этой удивительной науке.

Задача учёных сегодня – рефлексия современного предметного поля эстетики как философии красоты, эстетической ответственности и искусства. Кому-то сегодня

любовь к красоте представляется ненужной, сомнительной и даже подозрительной. Утилитаризм наших дней всё чаще культивирует низменное и отвратительное. «Эстетизм – какая пошлость!» – восклицают ультрамодернисты. Кто-то свою порцию счастья связывает с чувством удовольствия, комфорта, заявляя: «Я эстетик, мне нужна комната с видом на море!».

Учёные в области философской эстетики пытаются восполнить дефицит смыслов красоты и интерпретировать их в условиях нового цифрового и медиапространства. Внимания к классике и научным традициям в ситуации расширяющегося поля эстетики недостаточно. Вот почему на Конгрессе прозвучали новые прорывные идеи, были обозначены смелые позиции, позволяющие ввести новые смыслообразующие формы для нашего гуманистического существования, привлечь внимание к тотальной необходимости эстетического и художественного образования и воспитания.

После официальных приветствий участники Конгресса приступили к пленарной дискуссии «Эстетическое наших дней: феноменологии, сущности, способы опи-

сания». Открывая эту дискуссию, заведующий кафедрой эстетики, этики и культурологии Уральского гуманитарного института УрФУ, профессор, доктор философских наук Лев Абрамович Закс [4; 5] в первую очередь обозначил изменение предмета эстетической науки. Эстетическая реальность стала иной по сравнению с классической картиной мира. Произошла тотальная эстетизация всех сфер жизни, то, что было на периферии научных интересов и не имело отношения к эстетике, сегодня находится в центре эстетического опыта, онтологической и феноменологической рефлексии. Мы наблюдаем переход к эстетической континуальности, непрерывности, размытости границ эстетического. Возникают новые эстетические модальности, новые смыслы. Оратор обратился к графике Павла Удалова, где городские пейзажи с гаражами, пустыми перекрёстками предстают как реальность несчастного эстетизма. На картинах нет ни одной человеческой фигуры. Мир без человека, без человеческого тела. Приведён был и другой пример: фото и инсталляции, где человеческое тело показано изнутри через демонстрацию внутренних органов. Это особый тип эстезиса – через насилие над человеческим телом. Подобная эстетизация реальности связана не с классикой красивого и притягательно-го, а с такими порядками эстетического которые значительно ближе к безобразному и отталкивающему [4; 5].

Евгений Андреевич Кондратьев – заведующий кафедрой эстетики МГУ имени М. В. Ломоносова, представлял на Конгрессе одну из старейших и авторитетнейших научных школ России, у истоков образования которой стоял мой учитель в эстетике – Михаил Федорович Овсянников. Обрисовывая картину современного состояния

эстетики, оратор выделил четыре главных направления её исследований:

- историко-эстетические труды;
- переосмысление границ эстетического опыта и отказ от позиции субъект-объектной аксиоматики в пользу структурного анализа в диалог с философией;
- развитие феноменологического и рецептивного подхода как в теоретической области, так и в каждодневной практике эстетических взаимоотношений;
- междисциплинарные эстетические исследования с использованием визуальных урбанистических, дизайнерских, социологических подходов, которые позволяют видеть в эстетическом не изолированный предмет, а синтез всего и вся в эстетической чувственности.

Соглашаясь с предыдущим спикером, Л. А. Заксом, учёный констатировал нарастание в современной реальности феноменов безобразного и бесформенного, что определяет актуальность их изучения в новом эпохально-эстетическом контексте.

Игорь Павлович Смирнов [17; 18] – выдающийся представитель российской философской школы, сегодня – профессор Констанцского университета (Германия), также говорил о болезненном периоде, который переживает современное западное искусство и эстетика в целом. На примере современных фильмов, произведений литературы, живописи он демонстрировал темы смерти, наслаждения зрелищами трупов. Учёный сделал радикальный вывод о завершении эпохи подлинного искусства в 60-е годы XX века и выразил сомнение в том, что искусство может существовать в нашей жизни как подлинно гуманистический институт человечности. Это происходит от того, что искусство перестало ставить перед собой подлинно эстетические задачи,

стало занимать в нашей жизни совершенно незначительное место. Искусство как бы ушло на задний план нашего существования, в то время как на первый план вышли экономика и деньги, политика и власть. Одновременно с этим происходит упадок, вырождение искусства. Нет больше авангардных течений, которые всегда были и в XVIII, и в XIX, и в XX веке. Они несли социальные вызовы и были сенсацией в общественной жизни. Упадок и вырождение И. П. Смирнов связывает с подрывом статуса автора, художника. Известно, что о «смерти автора» писал еще М. Фуко и Р. Барт. Сегодня автору отказано в оригинальности. В условиях цифровой цивилизации каждый человек может быть автором и художником. Интересно и то, что эстетический упадок спикер коррелировал с упадком религиозным. Искусство, так же как и религия, является аналогом веры в спасение. Однако в настоящее время искусство уже не является чудом спасения индивидуального авторства, так же как и чудом религиозного спасения. Нет иконы – нет молитвы, и наоборот.

Здесь можно было бы вступить в дискуссию с учёным и фактологическим языком цифр показать, какой активной (количественно, но не качественно) стала в последнее время религиозная и художественная жизнь граждан в России. Однако если говорить о европейской и мировой тенденции, то профессор И. П. Смирнов делает верные наблюдения и выводы.

Большую долю оптимизма в дискуссию внёс председатель Российского эстетического общества, профессор Санкт-Петербургского университета, доктор философских наук Артём Евгеньевич Радеев [15; 16]. Совершив историко-эстетический экскурс от Канта и Гегеля до теорий психоанализа, структурализма, феноменологии в XX веке,

он показал те дебаты, в которых всегда открытыми оставались представления о поле искусства и эстетики, о незавершённости понятий в разных нарративах и теориях. Если говорить о сегодняшнем состоянии эстетики, то спикер выделил две тенденции. Во-первых, это эстетические дебаты, споры, возмущения, как наследие истории философской эстетики, что способствует появлению не развалов и пепелищ, а развитию эстетических теорий малого, среднего и универсального уровня. Во-вторых, это новое предметно-проблемное поле исследований. Точками этого современного эстетического поля являются такие темы, как статус искусства и теории эстетической атмосферы; чистота и опосредованность внечеловеческой субъективности (Гумбрехт) [3]; эстетические практики и практики эстетических переживаний; тотальность эстетизации и эстетического, имплицитно работающая в любой реальности; проблемы новых форматов нашей эстетической чувственности; новые формы цифрового искусства, которые уже более двадцати лет развиваются в живописи, графике, кино и ставят новые проблемы критериев художественного и эстетического, автора и художника. Бесспорно, что иное содержание мира диктует иные научные проблемы эстетического поля. Если иначе организован жизненный контент и среда человека, то иначе создаётся и действует художественный и эстетический текст. Очень редко можно встретить у молодых людей такие оценочные суждения, как «прелестно» или «изысканно». Всё чаще оценки выражают такие возгласы, как «вау», «жесть». Однако при всех переломах, новациях, парадоксах нового поля эстетических проблем подлинно эстетическое начало не депрессивно. Современное пост-искусство в его подлинном облики обращено

к человеку и интегрирует в конечном счёте человечность и гуманизм. Так это происходит в новых реалиях, проявляет само искусство и оценочно-аналитические тексты эстетической науки. Итог дискуссии состоялся в этом и многих других вопросах, которые участники Конгресса решали последующие два дня.

Мы ещё плохо представляем себе будущее нашей цивилизации, основанной на цифре и роботах. Заменят они всех нас или убьют всё человеческое в человеке – мы не знаем. Но, Человечество знает, как развивался Логос жизни на планете Земля, и то, благодаря чему удалось сохранить жизнь и всё живое. Это ли не оптимизм красоты и всего прекрасного?

Работа Конгресса была организована в восемнадцати секциях. Среди них такие, как «Новые практики художественного синтеза», «История эстетизации от Канта до XXI века», «“Советское” как эстетический феномен», «От технической эстетики до эстетической практики в дизайне», «Медиаэстетика», «Массовая культура в российской версии: уникальность и универсальность» и другие.

В дальнейшей части настоящей статьи остановлюсь на идеях, высказанных учёными в двух важнейших с точки зрения эстетической теории и практики секциях: «Чувственность как проблема эстетики» и «Эстетическое образование и эстетизация образовательной среды».

Известно, что ещё в XVIII веке А. Баумгартен основал эстетику в противовес этике и логике как науку о чувственном познании мира и искусства. Поэтому проблемы эстетических эмоций, чувств, вкусов, идеалов и других форм эстетического сознания были всегда в центре научных интересов учёных-эстетиков.

Профессор Д. А. Ольшанский (Санкт-Петербург) анализировал связи нейрофизиологии и возникновения эстетического чувства. Наука не оспаривает факт формирования эмоций за шесть месяцев до рождения ребёнка. Положительные и отрицательные эмоции формируются у будущего младенца в тесной связи с эмоциональной жизнью его мамы. Однако эмоции – это не врождённый феномен. Они конструируются из опыта эмоциональной жизни. Именно культурный контекст порождает удрученность, сплин, хандру, скорбь, меланхолию, траур. Правильные культурные модели порождают выработку гормона удовольствия – эндорфина на уровне головного мозга. Если ребёнка не обучать чувству стыда или любви, то они не возникнут. Эстетические чувства надо воспитывать, иначе общество получает незрелую личность. С такой позицией солидарны М. А. Иванов и Н. П. Волкова (Москва).

Эстетическая чувственность имеет врождённые биологические предпосылки, но её формирование опосредовано культурой, эмоциональными переживаниями от объектов. История эстетики знает множество идей, проясняющих сущность эстетической чувственности. Среди них теории ценности (Л. Н. Столович), незаинтересованности (И. Кант), выразительности (А. Ф. Лосев). Одновременно существует и квазиэстетическая чувственность и квазиэстетическое наслаждение. Например, разрушение Башен-Близнецов в Нью-Йорке – это идеально спланированное убийство, и оно выразительно. Однако невозможно эстетическое отграничить от морали, истины, ценностей.

Ксения Федорова (Лейден, Германия) представила свою книжку «Tactics of interfacing. Encoding affect in art and

technology». Речь в её докладе шла о современных медиа, которые балансируют между магией и технологией. Акт эстетический проходит путь от чувственного опыта к смысловому суждению. Сам акт чувствования – это перцептивное переживание, фиксация момента перемены состояния системы. Речевые акты и воображение человека всегда имеют в потенции чувственное основание. Одновременно акт чувствования содержит в себе предпосылки действия, производства эффектов и аффектов. Были приведены современные произведения, где любые действия художника, представленные через современные цифровые медиа, могут подаваться как факты искусства.

Доклад А. Е. Радеева (Санкт-Петербург) «Машина эстетической чувственности» отвечал на вопросы: как функционирование чувственного опыта приводит к эстетическому опыту? Где, когда, как совершается переход от чувственного к эстетическому и возникает эффект эстетизации? Как возникает анагога или возвышение сознания? Аналитики эстетического опыта предполагают либо внешние, либо внутренние основания. Радеев ещё раз представил свою научную концепцию эстетического опыта как чувственного опыта формы многообразного.

Действительно, эстетика имеет дело с многообразием форм по отношению к явлениям сознания того или иного объекта. Визуальное, слуховое, чувственное пространство формируется схватыванием, выхватыванием тех или иных форм конституирования объекта. Чувственный опыт этого процесса порождает эффект наслаждения, и специфика эстетической чувственности складывается из неё самой субъектом сознания. Его формирует культура, среда, условия, опыт, практика. Эволюци-

онно-чувственные механизмы сознания вырабатывали и рациональные дискурсы нравственного, интеллектуального и других форм осознания мира. Наиболее глубоко на эти вопросы отвечает феноменология как теория и философия сознания. Однако вопросы, поставленные Радеевым, в силу их смысловой глубинности нуждаются в дальнейшем анализе.

Модератор секции И. М. Лисовец, доцент УрФУ, поблагодарил за прекрасные выступления А. П. Воеводина (Луганск) [1; 2], С. В. Конанчук (Санкт-Петербург), О. В. Костина (Саратов) и других.

Своевременный и важный научный диалог состоялся в рамках традиционно работающей секции как на первом, так и на втором Конгрессе «Эстетическое образование и эстетизация образовательной среды» (модератор – Р. А. Куренкова) [8; 9; 10]. Среди многих докладов, которые были сделаны Ж. В. Латышевой (Владимир) [11; 12], О. М. Мазаненко (Луганск) [13; 14], Е. К. Балакиной (Барнаул), О. Н. Булатовой и Н. К. Журавлёвой (Екатеринбург), М. Н. Анисимовой (Тюмень), особенно остро проблемы эстетического образования и воспитания были поставлены И. Г. Хангельдиевой [19; 20] в докладе «Актуальность тотального возрождения эстетического воспитания», Е. А. Капичиной [6; 7] в докладе «Феномен музыкального селиозиса в контексте концепции эстетического образования», а также автором этих строк в докладе «Проблемы и беды современного эстетического образования».

Во всех докладах не было недосказанности, намёков, недоговорённости. Был отчаянный призыв вернуть эстетическое воспитание и образование в вертикаль российского образования от детского сада до университета. Так, Хангельдиева с болью

говорила о том, что эстетическое воспитание и образование в современном мире цифры и искусственного интеллекта превращается в забытый феномен. Учителя, профессора, общество в целом как бы отвернулись от эстетики. Мы попали в другой пост-пост-техногенный мир, где происходит скачок в зону искусственного сознания и требуются люди с нестандартным творческим мышлением. С другой стороны, только искусство и эстетика, образуя поле для развития творческого мышления, способны решить дилемму: Техника или Гуманизм. Необходимо преодолеть этот разрыв, развивая принципы Техногуманизма.

Погружая детей в мир искусства, которое сегодня отличается необычайной сложностью, мы воспитываем и будущих художников, и понимающую публику, и родителей, и создаём предпосылки для выращивания профессиональных кадров. Однако целое в такой коммуникации не складывается. Мониторинг защищённых диссертаций за последние десять лет показывает отсутствие роста количества диссертаций по эстетике, а следовательно, и профессиональных научных кадров в этой чрезвычайно сложной и изысканной сфере, где нужно иметь не только эстетическое образование, но и природное чутьё, вкус, опыт.

Эстетическое образование в вузах, как показали авторы других докладов, должно выходить из маргинальной зоны и опираться на традиции. Известно, что в лице А. С. Пушкин изучал эстетику как курс и предмет в течение двух лет. Запрос современного общества на новые цифровые стратегии, выход из мира алгоритмов в мир думающих творческих людей рано или поздно заставит изменить отношение власти к эстетическому воспитанию. Однако чтобы это произошло, должен быть преодолен раз-

рыв технического и гуманистического начал. Подобно тому, как два года назад художественной элите России удалось остановить процесс закрытия специализированных художественных школ для детей в области музыки, хореографии, живописи, сегодня важно создать комплексную и целостную систему массового эстетического воспитания и образования детей от детского сада до вуза.

Бесспорно, в России бережно сохраняются и развиваются многие эстетико-воспитательные традиции во многих замечательных детских художественных коллективах. Однако количественно и пространственно ещё не срабатывает принцип «максимум разумности и максимум воспитанности». Эстетика и эстетическое воспитание красотой – это самая популярная социокультурная форма. Подобно тому как обучение детей музыке начинают с самых простых народных песен, начинать эстетическое воспитание следует с самых простых форм этикета, учить детей вежливым словам и правилам. В этикете универсально соединяются правила нравственности и красоты. Он делает нашу жизнь гораздо радостнее и счастливее. Правилам культурного поведения учат в детском саду и школе. Затем о них нередко забывают в средней и в высшей школе, в семье, на производстве, в общественных местах. Так воспитывается малокультурная молодёжь. Её портрет – это отражение коллективного портрета общества в целом. Следовательно, создание коллективной системы эстетического воспитания и образования – это забота не только государства, но и общества в целом, каждого его члена. Для решения этой задачи нужно готовить в рамках магистратуры, аспирантуры, докторантуры высокопрофессиональные кадры филосо-

фов, эстетиков, педагогов, критиков и знатоков искусства. Именно они владеют всей палитрой эстетического знания в историческом и современном аспектах. Они знают научную литературу, читают на иностранных языках, следят за современной проблематикой.

Украшением Конгресса были две открытые лекции зарубежных учёных: Игоря Павловича Смирнова (Германия) [17; 18] «Киноискусство и “regress us ad infinitum”» и Михаила Наумовича Эпштейна (США) «Поэтическое вне поэзии» [21; 22]. Оба лектора поразили аудиторию не только своими знаниями искусства, научной эрудицией, особой атмосферой эстетизма, но и общими проблемами, вопросами, поставленными независимо от рассуждений другого. Несмотря на то, что в одном случае материалом для эстетических суждений выступал кинематограф, а в другом – поэзия и моменты новой поэтизации современной жизни, обоих учёных волновал один и тот же вопрос: куда идёт искусство и какова роль поэтического (эстетического) в будущем человечества?

Смирнов вынес однозначно пессимистический вердикт современному кинематографу. Его упадок и кризис обусловлен тем, что он больше не решает гуманистических и эстетических задач. Цель современного кино – это или развлекать, или держать зрителя в постоянном нервно-шокирующем состоянии. Если в традиционном искусстве герой побеждает Мир, то современное кино, тотально зависящее от развития техники, несёт и становится всё более регрессивным. В нём всё более обнаруживается недостаточность человека и дефицит субъективности. Всё менее заметен в нём человек. Отсюда бедность современного кино, его экспериментальная техноло-

гичность, продиктованная массовым спросом, и опасная для сознания человека художественная невыразительность.

Об уменьшении поэтического в современном мире и не только самих стихов, в своей лекции говорил Эпштейн. С одной стороны, сегодня мы наблюдаем депоэтизацию нашего мира, ибо поэзию вытесняет не только техника, экономика, политика, наука, но и угроза нескончаемой пандемии. Мы испытываем глобальную неопределённость и не понимаем, как и чем можно наслаждаться в этом неопределённом бытии и идти вперёд? Радоваться или страдать в такой неопределённости? Если техника сегодня преобразует материю и играет с ней, то новая жизнь, как утверждает Эпштейн, рождает новое свойство поэзии – автопоэзис на всех уровнях бытия. Говоря о геной инженерии на уровне растений, животных и даже человека мы можем говорить о «парении» генов. Здесь жизнь сама несёт свойство поэзии. В современном человеке также происходит поэтическое перемешивание многих человеческих индивидов и перенос свойств одного человеческого индивида на другой. Отсюда современный индивид гораздо более многогранен, чем раньше, поскольку вбирает свойства других людей и становится всё более поэтичным. Он как бы играет многих других людей. Полиморфность современной жизни заставляет его проживать много жизней. Он освобождается от односторонности и утилитарности. Новая социопоэзия как бы фиксирует «разбегание» поэтического во всех и во всём. Поэтический полиморфизм – это одно из проявлений свойств рассмотрения современного эстетического поля.

Радоваться или ужасаться тотальному расширению поэтического вне поэзии, телепортации образов во Вселенную, замутнён-

ности и хаосу разных квантовых состояний – это вопросы, на которые может ответить Сова Минервы, вылетающая, как известно, в полночь. Нужно, чтобы явление свершилось, закончило свой цикл, только тогда возможны анализ и выводы.

В течение трёх дней важного научного форума ученые-эстетики наслаждались тем, что были все вместе, в меняющем нас кар-

динально цифровом и пандемийном мире, в мире новых представлений об искусстве и эстетической чувственности, проявили дерзость научного мышления, развивая одну из самых древних, сложных и элитарных наук – Эстетику.

Эстетическая наука и эстетические знания много раз переступали и будут переступать пороги веков и тысячелетий.

Список литературы

1. Воеводин А. П. Аксиология культуротворчества : монография. Луганск : Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2017. 198 с.
2. Воеводин А. П. Антропологические основания исторической типологии культуры // Альманах Научно-образовательного культурологического общества России «Мир культуры и культурология». Выпуск VI / отв. ред. А. В. Бондарев, И. В. Кондаков, И. В. Леонов. Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017–2018. С. 247–253.
3. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. Москва : Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
4. Закс Л. А. Современная эволюция/революция культуры и формирование культуроцентристской парадигмы сознания (на примере философии и социогуманитарных наук) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. 2018. Том 14. № 1 (185). С. 40–53.
5. Закс Л. А. Культурология – наука, созревшая в прошлом, проверяемая настоящим и предвещающая будущее // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 243–251.
6. Капичина Е. А. Человек в мире современного искусства // Психолого-педагогические, культурологические и искусствоведческие проблемы бытия человека : монография / под ред. В. В. Спасенникова, М. В. Хохловой. Брянск : БГТУ, 2021. С. 124–156.
7. Капичина Е. А., Воротынцева Л. А. Метаморфозы интертекстуальности в музыкальном искусстве XX–XXI веков: стиль – полистилистика – метастиль : монография. Луганск : Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2021. 284 с.
8. Куренкова Р. А. Этюды к феноменологической эстетике музыки. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2015. 200 с.
9. Куренкова Р. А. Феноменологический подход в современном образовании // Эстетика и эстетическое образование в процессе трансформации современной культуры : материалы международной научной конференции. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2018. С. 145–150.
10. Куренкова Р. А. Эстетическая ориентация образования в современном классическом университете // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2019. № 36 (55). С. 103–112.
11. Латышева Ж. В. Межкультурная коммуникация: осмысление фундаментальных оснований в современных условиях // Научно-практические материалы Второго Всемирного Конгресса в реальном и виртуальном режиме «Запад-Восток: пересечения культур». Япония, Киото, Университет Киото Сангё. 2–6 октября 2019 года. Том 1. С. 463–469.
12. Латышева Ж. В. Социальное трансцендирование в коммуникационных процессах социальных систем (на основе теории Н. Лумана) // Эстетико-коммуникативное пространство России и дискурс масс-медиа : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 15 октября 2020 года, г. Владимир / под. общ. редакцией д. филос. н. Ж. В. Латышевой. Владимир : Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Транзит-ИКС, 2020. С. 12–17.

13. Мазаненко О. М. Творческое сознание в свете феноменологической эстетики // Вестник ЛАВД имени Э. А. Дидоренко, 2020. № 2 (9). С. 264–272. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-460-472
14. Мазаненко О. М. Творческое сознание художника: от концепции сущности к парадигме существования : монография. Луганск : Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2020. 362 с.
15. Радеев А. Е. Поворот к множественности в эстетике и проблема чувственности // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. 2013. № 3. С. 108–116.
16. Радеев А. Е. Спор об эстетическом отношении: история и проблема // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 35–45.
17. Смирнов И. П. От противного. Разыскания в области художественной культуры. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 322 с.
18. Смирнов И. П. Ум хорошо, а два лучше. Философия интеллекта. Москва : Новое литературное обозрение, 2021. 352 с.
19. Хангельдиева И. Г. Креативные технологии в образовании, или Как стать креатором. Опыт переосмысления. Москва : Издательский дом Международного университета в Москве, 2015. 122 с.
20. Хангельдиева И. Г. Креативные технологии в пространстве современного образования. Санкт-Петербург : Планета музыки, Лань, 2021. 180 с.
21. Эпштейн М. Н. Поэзия и сверхпоэзия. О многообразии творческих миров. Санкт-Петербург : Азбука, 2016. 480 с.
22. Эпштейн М. Н. Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. Москва : Рипол-классик, 2019. 240 с.

References

1. Voevodin A. P. *Axiology of cultural creation*. Lugansk, Publishing House of the Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovskiy, 2017. 198 p. (In Russ.).
2. Voevodin A. P. Anthropological foundations of the historical typology of culture. In: Bondarev A. V., Kondakov I. V., Leonov I. V., eds. *Almanac of the scientific and educational cultural society of Russia "World of culture and cultural studies". Issue VI*. St. Petersburg, Published by Center for Humanitarian Initiatives, 2017–2018. Pp. 247–253. (In Russ.).
3. Gumbrecht H. W. *Manufacturing presence: what meaning cannot be conveyed*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2006. 184 p. (In Russ.).
4. Zaks L. A. Modern evolution/revolution of culture and formation of culture-centric paradigm of consciousness (on the example of philosophy and social sciences). *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and political sciences*. 2018, vol. 14, no. 1 (185), pp. 40–53. (In Russ.).
5. Zaks L. A. Culturology – the science which has ripened in the past, is being checked by the present and foretelling the future. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2017, no. 2, pp. 243–251. (In Russ.).
6. Kapichina E. A. Man in the world of contemporary art. In: Spasennikova V. V., Khokhlova M. V., eds. *Psychological-pedagogical, cultural and art history problems of human existence*. Bryansk, Publishing House of the Bryansk State Technical University, 2021. Pp. 124–156. (In Russ.).
7. Kapichina E. A., Vorotyntseva L. A. *Metamorphoses of intertextuality in the musical art of the XX–XXI centuries: style – polystylistics – metastyle*. Lugansk, Publishing House of the Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovskiy, 2021. 284 p. (In Russ.).
8. Kurenkova R. A. *Etudes for the phenomenological aesthetics of music*. Vladimir, Publishing House of the Vladimir State University, 2015. 200 p. (In Russ.).
9. Kurenkova R. A. Phenomenological approach in modern education. In: *Aesthetics and aesthetic education in the process of transformation of modern culture: materials of an international scientific conference*. Vladimir, Publishing House of the Vladimir State University, 2018. Pp. 145–150. (In Russ.).
10. Kurenkova R. A. The aesthetic orientation of education in modern classical University. *Bulletin of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs. Series: Pedagogical and Psychological Sciences*. 2019, no. 36 (55), pp. 103–112. (In Russ.).

11. Latysheva Zh. V. Intercultural communication: understanding the fundamental foundations in modern conditions. In: *Scientific and practical materials of the Second World Congress in real and virtual mode "West-East: intersection of cultures"*. Japan, Kyoto, Kyoto Sangyo University. October 2–6, 2019. Volume 1. Pp. 463–469. (In Russ.).
12. Latysheva Zh. V. Social transcending in the communication processes of social systems (based on the theory of N. Luhmann). In: Latysheva Zh. V., ed. *Aesthetic and communicative space of Russia and mass media discourse: materials of the All-Russian scientific and practical conference, October 15, 2020, Vladimir*. Vladimir, Publishing House of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, 2020. Pp. 12–17. (In Russ.).
13. Mazanenko O. M. Phenomenological and psychological study of creative consciousness in aesthetic coordinates. *Bulletin of the Luhansk Academy of Internal Affairs named after E. A. Didorenko*. 2020, no. 2 (9), pp. 264–272. (In Russ.). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-460-472
14. Mazanenko O. M. *Creative consciousness of the artist: from the concept of essence to the paradigm of existence*. Lugansk, Publishing House of the Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovskiy, 2020. 362 p. (In Russ.).
15. Radeev A. E. Turn to plurality in aesthetics and the problem of sensuality. *Bulletin of Pushkin Leningrad State University*. 2013, no. 3, pp. 108–116. (In Russ.).
16. Radeev A. E. Dispute about the aesthetic attitude: history and problem. *Problems of philosophy*. 2017, no. 5, pp. 35–45. (In Russ.).
17. Smirnov I. P. *On the contrary. Research in the field of artistic culture*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2018. 322 p. (In Russ.).
18. Smirnov I. P. *Mind is good, but two is better. Philosophy of intelligence*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2021. 352 p. (In Russ.).
19. Khangeldieva I. G. *Creative technologies in education, or How to become a creator. The experience of rethinking*. Moscow, Publishing House of the International University in Moscow, 2015. 122 p. (In Russ.).
20. Khangeldieva I. G. *Creative technologies in the space of modern education*. St. Petersburg, Music Planet, Publishing House "Lan", 2021. 180 p. (In Russ.).
21. Epshtein M. N. *Poetry and Superpoetry. About the variety of creative worlds*. St. Petersburg, "Azbooka" Publishing House, 2016. 480 p. (In Russ.).
22. Epshtein M. N. *The future of the humanities. Technogumanism, creatorics, eroticology, e-philology and other sciences of the 21st century*. Moscow, Publishing House "Ripol-Classik", 2019. 240 p. (In Russ.).

*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ДЕКАДАНСА

УДК 18:7.03

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-115-127>

Н. Е. Шафажинская

Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского,
Москва, Российская Федерация, e-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Аннотация: Современные тенденции и проявления отечественной культуры, ознаменованные переломным характером постсоветского периода, несут в себе похожие черты другой, не менее драматичной ситуации в отечественной истории – рубежной и многострадальной эпохи XIX–XX веков. Такой цивилизационный излом и, как следствие, происходящие идеологические, социально-психологические изменения во всех сферах культуры, известен как явление *декаданса* – направление в культуре, творческой мысли и соответственно в литературе рубежа XIX и XX веков, которое характеризуется подчеркнутыми проявлениями *эстетизма, индивидуализма и имморализма*. При этом очевиден и его прогрессивный, новаторский характер. В материале данной статьи даётся краткий анализ упомянутых явлений в русской культуре и в частности в литературе, которые, на наш взгляд, позволяют лучше понять причины тех направлений, которые прослеживаются в социокультурном пространстве и в новейшее время.

Ключевые слова: русская культура, русская философия, русская литература, кризис, декаданс, эстетизм, имморализм, индивидуализм, духовность, нравственность, Серебряный век, экзистенциальные проблемы.

Для цитирования: Шафажинская Н. Е. Некоторые аспекты трансформации отечественной культуры в эпоху декаданса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 115–127. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-115-127>

SOME ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN CULTURE IN THE ERA OF DECADENCE

Natalia E. Shafazhinskaya

K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University),
Moscow, Russian Federation, e-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Abstract: Modern trends and manifestations of the national culture, marked by the turning point of the post-Soviet period, carry similar features of another, no less dramatic situation in the national history – the milestone and long-suffering era of the nineteenth and nineteenth centuries. This civilizational kink

ШАФАЖИНСКАЯ НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА – доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского

SHAFAZHINSKAYA NATALIA EVGENYEVNA – D.Sc. in Cultural Studies, PhD in Psychology, Professor at the Department of Educators and Psychology of Vocational Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)

© Шафажинская Н. Е., 2021

and, as a result, the ongoing ideological, socio-psychological changes in all spheres of culture, is known as the phenomenon of decadence. The phenomenon of decadence is a trend in culture, creative thought and, accordingly, in the literature of the turn of the 19th and 20th centuries, which is characterized by accentuated manifestations of aestheticism, individualism and immorality. At the same time, its progressive and innovative character is also obvious. The material of this article gives a brief analysis of these phenomena in Russian culture and, in particular, in literature, which, in our opinion, allow us to better understand the causes of those trends, which can be traced in the sociocultural space and in modern times.

Keywords: Russian culture, Russian philosophy, Russian literature, crisis, decadence, aestheticism, immorality, individualism, spirituality, morality; The Silver Age; existential problems.

For citation: Shafazhinskaya N. E. Some aspects of the transformation of Russian culture in the era of decadence. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 115–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-115-127>

Актуальность и проблема данной статьи заключаются в выявлении роли декаданса (фр. *décadent* – ‘упадочный’) в социокультурной жизни общества, некоторых психологических аспектов этого феномена и в попытке ответить на вопрос: является ли он упадническим стилем, эстетика которого состоит в деструктивном, разрушительном характере, или неизбежным и многоуровневым явлением, вытекающим из иного мироощущения и прокладывающим пути к новой системе восприятия духовно-нравственных и художественно-эстетических ценностей.

Декаданс – явление, которое возникает в умонастроениях людей в переломный момент исторического развития общества, когда они находятся в поисках новых духовных ориентиров, и которое воплощается впоследствии в художественных образах, содержащих свою уникальную эстетику. Это направление изначально получило развитие в связи с актуальной новизной идей и форм во Франции, а далее распространилось по всей Европе. Его приверженцы утверждали оригинальный, экстравагантный стиль в литературе, изобразительном искусстве, создавая новые авторские модели, далеко выходящие за рамки тра-

диций, благодаря чему считались эпатажными и скандальными. Пришедший в Россию и ярко проявившийся на русской почве декаданс позиционировал себя как серьёзное явление духовно-эстетического порядка, рождение которого было неизбежно, так как было обусловлено всем ходом историко-культурного процесса.

Декаданс не просто художественное течение, культивируемое определённой группой творческих личностей, ищущих новые пути в развитии искусства, а явление, порождённое общественным сознанием, упаднические настроения которого явились результатом крайних мер преобразования социального устройства, связанного с начавшейся индустриализацией, сменой классовости в попытке ускорения и упрощения жизни. Процессы массовизации во всех социальных сферах привели к немедленной реакции носителей высокой культуры против такого сценария развития общества. Декаданс стал выражением протеста, открыв тем самым поиски новых путей развития искусства.

В России декаданс появился на рубеже двух эпох и оказался выражением острейших социальных и духовных противоречий. Он стал начальной, неотъемлемой частью

Серебряного века, истоком модерна, а впоследствии – катализатором новых авангардных течений, радикально отличавшихся от классического искусства, литературы, философско-религиозной мысли.

Понятие «декаданс» в русской культуре связано с именем И. Э. Грабаря, который отмечал, что «словечко это стало обиходным только в середине 90-х годов. Заимствованное у французов, где поэты-декаденты противопоставляли себя парнасцам, оно впервые появилось в России в фельетоне моего брата Владимира “Парнасцы и декаданты”, присланном из Парижа в “Русские Ведомости” в январе 1889 года. Несколько лет спустя тот же термин, но уже в транскрипции “*декаденты*” был повторен в печати П. Д. Боборыкиным и с тех пор привился. “*Декадентством*” стали именовать все попытки новых исканий в искусстве и литературе» [3].

В своей книге «Уединённое» В. В. Розанов рассуждает о смысле появившихся некоторых «новых слов», среди которых упоминается «*декадент*» как вариация некоего психологического отклонения, «*болезни духа*» [9]. Уже в конце 1890-х годов появляется термин «*упадничество*» в качестве русского аналога декадентства.

Интересно, что данное явление, наблюдаемое как в творчестве, так и в поведении ряда представителей нового направления, получило обоснование и интерпретацию в позициях видных психологов и психiatров. Так, профессор И. А. Сикорский считал, что утрата обществом идеалов и высоконравственных ценностей, а также ослабление традиционного отечественного воспитания напрямую связаны с духом упадничества, подавленности, увеличением числа преступлений и суицидов. В труде «Психологические основы воспитания

и обучения» (1909) Сикорский подчёркивал особое влияние художественной литературы на общественные нравы, что определяло высокую ответственность самих авторов произведений за содержание творческой деятельности. Психиатр ставил писателей и художников на высокий пьедестал, называя их одарёнными «Божией искрой» людьми, «которые распознают добро и зло, здоровье и болезнь общественной души» [13, с. 10]. При этом одной из главных причин психологической уязвимости, депрессивности и склонности к мрачному пессимизму в произведениях ряда отечественных авторов учёный называет слабую волю как универсальную черту славянского национального характера. И только воспитание сильной воли, по мнению Сикорского, позволит устранить деструктивные явления из жизни общества и творчества [13, с. 21–22].

Для произведений современных писателей, по мнению известного врача Психиатрической клиники Московского университета Ф. Е. Рыбакова, характерно «отсутствие идейности». В них важной является не сама жизнь, а лишь «прозаические мелочи этой жизни», в которых авторы копаются чрезмерно кропотливо и болезненно, что отличает людей психически надломленных и нервнобольных. Характеризуя проявления декаданта, психиатр отмечает: «Никогда ещё литература не представляла нам такого обилия патологических типов, как именно теперь. И причину этого является опять крайний индивидуализм ... Как известно, в каждой группе художников, помимо здоровых, истинно-талантливых натур, есть ещё и натуры больные. Вот эти-то больные натуры, копаясь в своем “я” и не находя в нём элементов истинного творчества, вынуждены бывают ограничиться изобра-

жением того узкого, больного мира, который заполняет их душу и сковывает их мозг. В результате – описание половых переживаний, импульсивных влечений, иллюзий, галлюцинаций и бредовых идей, которое так часто мы встречаем у современных литераторов ...» [11].

Известный русский дефектолог и невропатолог Г. И. Россолимо на основе исследования творческих работ пациентов сделал неутешительный вывод: «Когда пятнадцать лет тому назад мне впервые пришлось рассматривать рисунки и читать стихи психически больных, на меня большинство подобных произведений искусства производило глубокое впечатление своей уродливостью и диким содержанием – до того они резко отличались своим патологическим характером от того, что давала в то время живопись и поэзия. Прошло всего пятнадцать лет, и от этой беспредельной разницы осталось очень мало – настолько, что в некоторых пунктах приблизились друг к другу произведения некоторых представителей больного и здорового искусства» [10, с. 38]. Россолимо предупреждал об опасности «психического заражения» подобными явлениями в культуре декаданса, называя современное состояние *эпидемией больного искусства*. Учёный считал целесообразным весьма избирательно относиться к произведениям декадентского направления во избежание его особенно разрушительного влияния на психику молодого поколения. При этом учёный обосновывал тесную связь «усиленной душевной деятельности», повышенной психической напряжённости с возникновением у писателя нездорового нервно-психического состояния. Россолимо делает вывод о том, что «люди, эстетически одарённые от природы, обладают настолько патологически-тонкой организацией, что

очень часто бывают жертвами более или менее тяжких заболеваний» [11, с. 13].

Однако многие исследователи новых трансформаций в культуре полагали, что явление декаданса в значительной мере вызвано социальными причинами. Феномен упадка, деформаций и деструктивных процессов в культуре и искусстве связывался с существующей цензурой и негативной атмосферой в социуме, препятствующей развитию позитивных художественных тенденций. Так, в частности, анализируя проявления декаданса как культурного и социально-психологического явления, психиатр М. О. Шайкевич высказывал убеждение, что произведения и патологические образы героев – отнюдь не плод «извращённой психики» писателей или их аморализма: художники лишь изображают объективную картину действительности.

Ответственность творческих деятелей за морально-нравственные деформации в обществе, с точки зрения Шайкевича, не обоснована или, по крайней мере, преувеличена, поскольку «патологическая нервная организация может и должна также непременно рассматриваться, как одна из форм проявления ненормальных общественных условий» [15, с. 9].

Например, А. П. Чехов, по мнению Сикорского, в своих произведениях отражает очевидные психопатологические процессы, угрожающие деградации человека, живущего в нездоровом обществе. Известный врач-психиатр М. П. Никитин, в свою очередь, отмечал глубинное проявление душевных болезней в произведениях Ф. М. Достоевского и у чеховских героев, оказавшихся в тисках экзистенциальных переживаний – страха, отчуждения, отверженности, безысходности («Человек в футляре», «Палата № 6») [7].

Чтобы понять и оценить, в чём же состояли главные находки нового направления в искусстве, важно обратиться к предшествующим – 1870-м годам, поскольку новое искусство всегда вызревает на почве старого и вбирает всё лучшее, как бы являя собой недосказанность предыдущей эпохи. Так характеризуется «предшествующий раскрепощённому плюрализму веку “Серебряному” век “Золотой” в своём академичном реализме переходного периода, между литературными традициями» [4, с. 253–275], давший хороший вектор в направленности нравственных идей и исканий человечества в трудах таких гениальных писателей, как А. П. Чехов, Л. Н. Толстой и в особенности Ф. М. Достоевский. Эти художники не боялись посвящать целые романы человеческим чувствам без контекста каких-либо политических, исторических событий; они изображали терзания и метания человеческой души, не боясь очернить её, «вытаскивая» наружу все скверные помыслы, часто реализуемые в таких же поступках.

В самом начале Серебряный век творчески осмысливал трагедию человека, исходящую из духовной пустоты, пытаясь обновить и наполнить его мироощущение новыми идеями, несущими спасение. Именно поэтому творчество каждого неравнодушного творца того периода было обращено к *человеку страдающему* в соответствующих темах, выносящих на поверхность индивидуальное существование личности в трудных обстоятельствах, интимно уделяя внимание внутренним переживаниям в каждом индивидуальном случае, а не призывающих пафосными лозунгами людские массы к беспредметному будущему.

Как свидетельствуют факты истории, время декаданса кратко. Именно в этот период неопределённости и неуверенности

человек и общество начинают испытывать потребность в новизне более совершенной мировоззренческой и духовно-эстетической парадигмы. Отсюда возникает недоверие к общепризнанным ценностям, их «девальвация», и индивид начинает чувствовать себя свободным от всевозможных догм и схем, предаваясь полной свободе художественного творчества, остро ощущая утрату целостности мира, разрыв с традиционной классикой. Творец эпохи декаданса обращается к искусственному, возводя в культ «утончённый» эстетизм, проявляя склонность к иррациональному, мистике; поиски идеала проходят в горниле разочарований и сомнений; повышается интерес к пограничным состояниям психики, нередко происходит болезненное любование отталкивающими картинами бытия.

Понятие «*декадентство*» отражало всякое «инакомыслие», экстатические проявления, эпатаж и очевидные признаки морально-нравственного упадка. В современной культуре имморализм представляет собой определённую «картину мира», которая отвергает ранее признанные этико-эстетические приоритеты. Само слово «*имморализм*» произошло от латинского *immoralismus*: *in* – ‘не’, *moralis* – ‘моральный’, ‘нравственный’. В культурфилософском смысле имморализм – это не однозначно негативная характеристика, а своеобразный критический тип мышления, независимый от доминирующих в общественном сознании моральных норм и являющийся равноправным компонентом культурного диалога. В историко-культурном ракурсе имморализм – это некая антитеза, инвариация – то неизменяемое, что остаётся в культуре при любых её трансформациях. Важно заметить, что между терминами «имморализм» и похожим «аморализмом» непра-

вомерно ставить знак равенства. Понятие «аморализм» означает лишь нежелание следовать установленным этическим правилам и признанным в социуме моральным авторитетам – и в целом, и в конкретных ситуациях.

Гуманитарная сфера отечественной культуры, особенно литература, а в более точном определении – *русская словесность*, всегда наиболее тонко улавливала антиномичность переломных эпох и реагировала на вызовы грядущих общественно-политических катаклизмов. И именно в такой атмосфере в российском обществе создавалась максимально благоприятная духовно-нравственная ситуация для трансформации декаданса из мироощущения в мировидение *через художественно-эстетические инновации и новые художественные образы*. Поскольку «декаданс – это в первую очередь протест на мещанское обмирщение в буржуазном развитии, выступающий против массовости и защищающий элитарность культуры» [6, с. 231–240], постольку он, как противоядие, резким эпатажным всплеском поражает, закрывает прошлое, не давая его оплошать, но и не позволяет упрощать будущее в надежде на скорое пробуждение прогрессивных культурных слоёв. И это пробуждение, этот духовный подъём рождается парадоксальным образом: из боли и отчаяния «экзистенциального кризиса» до вдохновенной красоты и возвышенных смыслов, воплощённых в многообразии творческих шедевров, иллюстрирующих масштаб индивидуального творческого самовыражения.

Одна из особенностей периода декаданса заключалась в том, что в нём жили и творили поэты, представляющие разные, порой абсолютно противоположные литературные течения и творческие концепции.

При этом одним из важнейших качеств русской культуры, а именно литературы, всегда оставался духовно-нравственный и религиозный поиск, выраженный в вечном стремлении понять своё предназначение и смысл бытия [16]. Но Серебряный век – это особое явление, представленное, как известно, всеми областями духовной жизни России, эпоха, отмеченная необычайным творческим подъёмом и выдающимися достижениями, чего не происходило в прежние исторические периоды. Пробуждение свободной мысли и свободного творчества в отечественной культуре сопровождалось исканиями новых ценностей и смыслов в науке, социальном служении, философии, религии, русской словесности. Многожанровые произведения эпохи и высказанные в них идеи – прямые доказательства того, что культура, искусство и в особенности божественный *дар слова*, воплощённый в русском литературном творчестве, – это те «духовные ключи», которые открывают душу человека, пробуждая его духовно-нравственное чувство и устремлённость к возвышенному. Особое, трепетное отношение русских литераторов к словесности обусловлено религиозной природой происхождения самого *слова*, его *красоты*, *духовного значения*. Именно по этой причине отечественные философы, или, как их называли в прежние времена, «любомудры», всегда искали объяснение русскому национальному характеру в сакральной сфере.

Первым течением литературы стала поэзия, которая приняла декадентские оттенки и показала в своём содержании следование основным принципам этого течения, сложившимся в Европе и имеющим общие черты и основу для своего становления. Одновременно развивалась и *самобытная русская философско-религиозная мысль*, об-

ретая в своих исканиях новые пути в толковании смысла бытия [17]. Так как самоощущение реальности было разорвано, то и её изображение было не цельным, а метафорически-символичным, выраженным весьма субъективно. По выражению А. Ф. Лосева, осуществлялось «чисто внутреннее, интуитивное познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе посредством силы воображения» [5, с. 213].

В литературе, как, впрочем, и в других областях культуры, декадентство получило развитие и стало популярным, однако нельзя признать, что его распространение получило широкий охват в силу своей *элитарности*. Мотивы декаданса, кризиса нашли своё воплощение в различных направлениях искусства, становление которых происходило на основе идей *модернизма*, сформировавшегося «в систему относительно самостоятельных художественных направлений и течений, характеризующихся ощущением дисгармонии мира, разрывом с традициями реализма, бунтарско-эпатирующим восприятием, преобладанием мотива утраты связи с реальностью, одиночества» [17], которые явились основными характерными составляющими декадентской эстетики, пронизанной мотивами внутреннего конфликта и потребностью духовного поиска.

Декадентство в рубежный период XIX–XX столетий заявило о себе достаточно громко, опираясь в своей позиции на положения манифеста о смене ориентиров и установленных путей, что отразилось в формировании *символизма* с его устремлённостью в изображении реальности через её отражение с *помощью знаков и символов*.

Серебряный век русской культуры парадоксален в своих непревзойдённых достижениях. Необходимо подчеркнуть, что период, который мы упоминаем, а именно – историко-философские проявления и выражения декаданса в русской культуре, являлся временем высочайшего духовного и художественного подъёма, несмотря на то, что проходил он в России под знаком катастрофы и зарождался из трагичности мироощущения. Поскольку начало русской декадентской культуры «произрастало» в целом на той же почве, что и европейская, элементы упадочности в начале его становления ярко обозначались за счёт узости культурного круга. Были резко изменены формы и стили художественных средств, с помощью которых достигалась выразительность будь то литературы или других форм искусства.

Декаданс – это и проводник в новый открывшийся мир искусства, который бескомпромиссностью и бесстрашием своих творцов создал предпосылки, получившие дальнейшее развитие в многочисленных культурных направлениях и школах блистательного Серебряного века. В то же время декаданс, в основе которого было заложено и *саморазрушение*, явственно продемонстрировал, что произойдёт с культурой Серебряного века: он оказался недолгим в литературе, искусстве, так как «пал жертвой собственного духовного богатства, многообразия, нравственно-эстетического плюрализма» [4, с. 229].

Первыми свою индивидуальность и независимость в применении новых творческих форм, доказавших многозначную сверхреальность посредством усложненной метафоричности образов, проявили такие выдающиеся литераторы, как Д. Мережковский и З. Гиппиус, Ф. Сологуб и В. Брюсов,

К. Бальмонт. Они явились одними из первых художественных новаторов, отказавшихся от классического наследия и отразивших своим творчеством все идеи явления декаданса в полной мере.

Манифестом, устанавливающим появление нового направления в отечественной литературе, культурологи называют статью Мережковского «О причинах упадка и новых течений современной русской литературы», опубликованную в 1893 году. В последующие годы в свет вышли стихотворные сборники «Русские символисты», авторство большинства произведений в которых принадлежало Брюсову. Так эпоху реализма сменил символизм, главной идеей и всеохватывающим смыслом которого стала Красота. В своих произведениях, в частности поэзии, творцы новой эпохи обращались к изысканной образности передачи тончайших движений души через музыкальность и легкость слога, *относились к слову как к некоему шифру через его знаковое наполнение*, стремились создать картину идеального мира с эстетизацией смерти как бытийного начала. Новаторское поэтическое творчество провозглашало полное неприятие действительности и было обращено к миру трансцендентного, запредельного бытия через мистические переживания. Эти тенденции полностью соответствовали декадентской «картине мира» и особому типу сознания, который появился именно в переломный период, порождая чувство уныния, депрессии, страха перед жизнью, неверие в возможность познать мир, а тем более его изменить:

«Дома и призраки людей –
Всё в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мёртвом задыхалось.
И мимо каменных громад

Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо,
Куда – не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомлённый,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порождённый,
Туманом северных ночей» [8].

В этом стихотворении Мережковского видим, что поглощающей и умертвляющей силой всегда служит город, лишённый жизни, как искусственное явление, с которым творчеству поэтов-декадентов всегда сопутствует тема отчуждённости, искусственности. И сама жизнь – лишь призрачная её видимость, с людьми бестелесными, исполненными трагизма, выражающими бессмысленность бытия.

Философия и эстетика русского декаданса складывались, как уже было сказано, под влиянием идей европейского декаданса, в классических образах которого обнаруживаются черты литературы декаданса и одновременно – характеристики экзистенциальной психологии: эстетизация пессимизма; атмосфера безысходной грусти; астеничная болезненность; деструктивность эмоциональных переживаний, несмотря на очевидную искренность описываемых самоощущений; подчеркнутый индивидуализм, «инаковость» автора, который «не смешивается» с толпой, его отрешённость, депрессивность восприятия мира; тяготение к усложненной форме и в то же время изысканность прорисовки метафор и символов с оттенками мазохистской удовлетворённости. Разумеется, ассоциации и переживания у читателя могут быть различными, несмотря на общую угнетающую тональность, однако очевидна бесспорная талантливость, неординар-

ность, «элитарность» декадентского стиля. Фактически, все эти проявления выступали в качестве протеста против массовости, «культуры толпы», проявляющейся во всех сферах жизни нового общества и насаждаемой новым строем. По выражению Д. В. Сарабьянова, отмеченные выше поэты относили себя к декадентам, стиль, которых «выразился у нас в России в конце 80-х и начале 90-х годов. Их язык был предельно символическим и являлся универсальным культурным языком конца XIX – начала XX века, с приходом коего и в русской литературе начались необратимые процессы в формировании новой системы ценностей в мировоззрении культуры» [12].

Правомерно говорить о том, что Россия стала лидером в процессе создания художественно-эстетических инноваций декадентской культуры среди европейских стран, а в ряде направлений даже предвосхищала прогрессивные тенденции. Поэтому при всём разнообразии появившихся блистательных имён, весьма непохожих в своих индивидуальных творческих проявлениях, всех художников объединяло стремление выйти за строгие рамки академического, классического направления философии искусства, освободиться от влияния какой бы то ни было идеологии, «мёртвой» схемы и устремиться в свободное пространство индивидуального творческого самовыражения и жизнотворчества.

В конце XIX века поэтическая культура пережила настоящий взлёт, начало которого было связано с фигурой Бальмонта, открывшего первый, «брюсовский», период символизма. Бальмонт и сам по себе составляет великолепную главу русской поэзии [2]. Очень часто символизм соотносят с декадансом по общим схожим признакам, центральным из которых являет-

ся провозглашение *культы индивидуальности*. Поэзии Бальмонта присущи гибкость и музыкальность языка, так как в своём, особенно раннем, творчестве он обращался к народным мотивам. В то же время в произведениях поэта слышны мотивы скорби о «невозвратном»:

«Как нежный звук любовных слов
На языке полупонятном,
Твердит о счастье необъятном
Далёкий звон колоколов.
В прозрачный час вечерних снов
В саду густом и ароматном
Я полон дум о невозвратном,
О светлых днях иных годов» [8].

Однако настоящим виртуозом поэзии декаданса, его рупором был Брюсов, которому, как никакому другому представителю кризисной эпохи, был присущ *декадентский эпатаж*. Первый сборник стихов Брюсова произвёл фурор, а визитной карточкой поэта стала скандально прославленная строка: «*О, закрой свои бледные ноги*». Наверное, представить, какая именно была реакция публики на столь неординарный пассаж очень сложно, но можно, пожалуй, сравнить её с восприятием общественности картины Казимира Малевича «Чёрный квадрат». Хоть и представленные в разное время, но в своей откровенной провокационности не уступающие друг другу, эти произведения, каждое по-своему, закрыли одну эпоху и открыли другую в искусствоведческой категории.

Брюсов – один из ярчайших представителей Серебряного века – занимал индивидуальную нишу в русской поэзии. Проявив свой талант сначала в символизме и будучи приверженцем декадентской эстетики, Брюсов внёс большой вклад в развитие её новых направлений. Притом, что он считал

себя образцовым поэтом-декадентом и подерживал эстетику стиля декаданс в быту, Брюсов проявлял некую двойственную природу, о которой писали его современники, называя поэта «безумие, наглухо застёгнутое в сюртук» [2, с. 19]. Он одним из первых предложил путь преодоления, изменения смысла и пересмотра предназначения символов, уделяя огромное внимание не *смыслу слова, а его звуку*:

«Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине» [8, с. 61].

Эти строки как будто создают чувство оторванности и погружения в ирреальный мир. По ритмике и интонации стихотворение воспринимается как звуковой комплекс с ощущением от прочтения некоего речитатива, что отсылает данный стиль к языческому, народному творчеству, иными словами – к этническому наследию. Такое обращение в поисках новых путей в переходном периоде прослеживается у многих творцов.

Отметим, что новые творцы были весьма образованными людьми, в большинстве своём обладали энциклопедическими знаниями различных культур разных времён, изучением которых они занимались на древних языках. Во многих работах усматривается обращение к мотивам эпосов многих племён, обращение к архаическим образам которых должно было *вернуть слову его силу внушения* и таким образом преодолеть разрыв между интеллигенцией и народом. Серебряный век отличался своей универсальностью во всех проявлениях

и стремлением к синтезу, что также является одной из его характерных черт. Характерные особенности декаданса отчётливо проявились в творчестве многих авторитетных и талантливых литераторов, в авангарде которых находились Мережковский и Гиппиус. Сами себя они считали символистами, используя в ранних литературных исканиях приёмы декаданса лишь для философских, этических и эстетических экспериментов, являющихся неотъемлемой частью их художественных исканий. И Гиппиус, и Мережковский, так же как и представители русской философии, утвердившие свою независимую концепцию без какого-либо влияния Запада, – В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Г. В. Федотов, считали декаданс не упадничеством в буквальном смысле, а лишь инструментом, помогающим отобразить бытие через индивидуальное восприятие.

Сам Мережковский признавал, что во многом на его творчество повлияли Бодлер и Эдгар По, но не как декаденты, а как символисты. Именно после знакомства с творчеством этих классиков литературы начались его духовные поиски и новаторские изыскания. Автор утверждал, что в основе декадентства лежит *откровенный индивидуализм и субъективизм*, которые послужили эстетической основой начальному символизму. Такого же взгляда придерживалась и Гиппиус, утверждавшая, что её занимало не декадентство, а *символы, через которые идёт индивидуальное самовыражение*:

«О, если б острое почувал жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И нет к ней доступа – она глуха.
Своими кольцами она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.

И эта мёртвая, и эта чёрная,
И эта страшная – моя душа!» [8, с. 55].

Но, признавая факт существования декадентской культуры, не все литераторы, критики выделяли ей равноправное место в культуре, так как не все считали декаданс явлением духовно-нравственным, заложенным самим ходом истории, а поэтому и неизбежным. Некоторые критики – они составляли меньшинство – называли декадентскую культуру порождением эпатажных людей. Решительно негативное отношение к общеевропейскому декадансу и данному направлению в России высказывал В. В. Стасов, «стремясь, прежде всего, оградить русское передовое искусство от его вредного влияния. Он, не понимая классовых корней декадентства, ошибочно считал, что в России нет для него почвы, что российское декадентство является исключительно результатом “плачевного подражательства”, “плохого обезьянничания” тому, что творилось в европейском искусстве» [14]. Именно с этих позиций Стасов повёл непримиримую борьбу против русских декадентов, создавших в конце 1890-х годов своё художественное объединение «Мир искусства» во главе с С. П. Дягилевым и А. Н. Бенуа. В 1899–1904 годах эта группа издавала одноимённый художественно-иллюстрированный журнал, популяризовавший декадентское искусство. Стасов писал о «мирискусниках»: «Стадо Дягилева, рабское и безвольное, вышло из источников и преданий чужих, иностранных – сначала французских, а потом немецких ... ни единой капли не заключает в себе чего-нибудь самостоятельного, своего ... Так велика ещё у нас подлая страсть обезьянничания, трусливая дрожь перед тем, что в Европе делается» [14]. Подавляющее большинство при-

знанных литераторов, философов, критиков признавали феномен декаданса в начальной культуре Серебряного века. Так, Н. А. Бердяев в «Великом инквизиторе» писал, что декадентство – «очень глубокий кризис человеческой души и очень серьёзное течение в искусстве» [1, с. 41]. Интересный фрагмент полемики Блока и Мережковского по поводу идей символизма находим в труде Д. Мережковского «Акрополь. Избранные литературно-критические статьи»: «Самое большее, что может сделать лирика, – говорит Ал. Блок, – это – усложнять переживания, з а г р о м о ж д а я д у ш у н е в о о б р а з и м ы м х а о с о м и с л о ж н о с т ь ю . Если это “самое большее”, то что же малое? В искусстве, которое всё-таки есть, прежде всего, осуществление красоты, порядка, строя, гармонии, воля к “невообразимому хаосу” ничего доброго не обещает» [6, с. 256].

Исследованием и определением декаданса, его характеристик, специфических черт, а также причин для его проявления занимались Мережковский и Бердяев, так как через определение декаданса в области сознания выявлялись чувства, тревожащие человека в кризисную эпоху. Через эти экзистенциальные состояния происходил акт изучения художественной эстетики декаданса, которая часто имела провокационный характер, возводя в культ любой тип красоты как самодовлеющей ценности – с эстетизацией греха и порока в знак протеста против мещанства и обмирщения высокого нравственного чувства.

Как и в общественной жизни, так и в культурной возникала дилемма социального и сущностного, стремление к цельности и в то же время некая «разорванность» сознания. Всё это привело к **социокультурному плюрализму**, который ока-

зался разрушительным в своём остром противоречии. В дальнейшем все творцы, причислявшие себя к декадантам, «растворились» в других течениях, не оставаясь при этом приверженцами одного стиля. В своем новаторстве они не изменяли себе в угоду властям, но в соответствии с эпохой были людьми двойных мыслей и стандартов. То, что определяло весь Серебряный век и явилось началом его конца. Хотя декаданс наиболее выразительно проявился в литературе, поскольку в художественном аспекте он больше был явлением литературным, но его эстетическая концепция существенно отразилась и в других видах искусства. Фактически литература Серебряного века была социально-психологическим срезом общества, отображая все культурные явления изнутри.

В заключение правомерно резюмировать, что декаданс – явление историко-философское, психологическое и социокультурное: изначально появляясь в общественных умонастроениях, он находит художественное воплощение в наиболее актуальных видах литературы и искусства. Декаданс выступает как инструмент кризисной эпохи, чутко улавливающий настроения в обществе и его духовную жизнь. *Основными характеристиками творчества русской культуры кризисного периода являются иллюзорность, двойственность, условность, построение на контрасте, кото-*

рое наиболее соответствует условному изображению действительности. Идеино-эстетические образы декаданса отображали внутренний мир человека, не считая действительность предметом, достойным творческого, художественного изображения.

Тенденции культурно-исторического развития России зачастую опережали цивилизационные, вступая с ними в неразрешимые противоречия или труднообъяснимые альянсы, что особенно явным и злободневным становилось в переходные, кризисные эпохи. Когда будущее стремится к своему началу, но ещё не созданы соответствующие условия, а прошлое, закрепившись в традиционных нормах и ценностях, «не сдаёт своих позиций», наступает противоречивое время. Именно в такой – кризисный период – особенно остро проявляется состояние социокультурной неполноты, экзистенциальная драма: взаимное несоответствие социальных феноменов духовно-нравственным ценностям отечественной традиции и культурных значений.

Концепция декаданса полностью соответствовала своему начальному поводу для возникновения: *протест против утилитарности во всех сферах жизни человека.* Упомянутые тенденции и характеристики рубежного периода XIX–XX столетий весьма существенны и для понимания кризисной эпохи новейшего периода в истории и культуре современной России.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Великий инквизитор // О русских классиках / [авт. вступ. ст. К. Г. Исупов ; сост. и авт. коммент. А. С. Гришин]. Москва : Высшая школа, 1993.
2. Березовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры : учебник для студентов вузов : в 2 частях. Москва : ВЛАДОС, 2002.
3. История слов : Около 1 500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов. Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Научный совет «Русский язык». Институт русского языка имени В. В. Виноградова. Москва, 1999. 1138 с.
4. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. Москва : Аспект-пресс, 1997. 686, [1] с.
5. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / [авт. вступ. ст. А. А. Тахо-Годи]. Москва : Политиздат, 1991. 524, [1] с.

6. Мережковский Д. С. Акрополь : Избранные литературно-критические статьи / [сост., авт. послесл. и коммент. С. Н. Поварцов]. Москва : Книжная палата, 1991. 351 с.
7. Никитин М. П. Чехов, как изобразитель больной души // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1905. № 1.
8. Поэзия Серебряного века. Антология. Москва, 2007.
9. Розанов В. В. Уединённое. Санкт-Петербург, 1912.
10. Россолимо Г. И. Искусство, больные нервы и воспитание : (По поводу «декадентства»). Москва : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901. 50 с.
11. Рыбаков Ф. Е. ... Современные писатели и больные нервы : Психиатрический этюд. Москва : типолит. В. Рихтер, 1908. 49 с.
12. Сарабьянов Д. В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. Москва, 1993. 320 с.
13. Сикорский И. А. Психологические основы воспитания и обучения : Изд. дополнено разделами: «Психологические основы обучения» и «Идеи и орудия дошкольного воспитания». 3-е издание, доп. Киев : лито-тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, Киевск. отд-ние, 1909. 112 с.
14. Суворова Е. И. В. В. Стасов и русская передовая общественная мысль. Ленинград : Лениздат, 1956. 152 с.
15. Шайкевич М. О. Психопатология и литература. Санкт-Петербург : тип. Ц. Крайз, 1910. 136 с.
16. Шафажинская Н. Е. Тема духовного поиска в русской литературе и философской мысли // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (51). С. 41–46.
17. Эстетика : словарь / [Абрамов А. И. и др.; под общ. ред. А. А. Беляева]. Москва : Политиздат, 1989. 445 с.

References

1. Berdyaev N. A. Grand Inquisitor. In: Berdyaev N. A. *About Russian classics*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1993. (In Russ.).
2. Berezovaya L. G., Berlyakova N. P. *History of Russian culture*. Moscow, Humanities Publishing Center “VLADOS”, 2002. (In Russ.).
3. Vinogradov V. V. *History of words: About 1,500 words and phrases and more than 5,000 words associated with them*. Moscow, 1999. 1138 p. (In Russ.).
4. Kondakov I. V. *Introduction to the history of Russian culture*. Moscow, Publishing House “Aspect Press”, 1997. 686 p. (In Russ.).
5. Losev A. F. *Philosophy. Mythology. Culture*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. 524 p. (In Russ.).
6. Merezhkovsky D. S. *Acropolis: Selected literary critical articles*. Moscow, 1991. 351 p. (In Russ.).
7. Nikitin M. P. Chekhov as a depiction of a sick soul. *Bulletin of psychology, criminal anthropology and hypnotism*. 1905, no. 1. (In Russ.).
8. *Poetry of the Silver Age. Anthology*. Moscow, 2007. (In Russ.).
9. Rozanov V. V. *Solitary*. St. Petersburg, 1912. (In Russ.).
10. Rossolimo G. I. *Art, Sore Nerves and Education: (Concerning “decadence”)*. Moscow, 1901. 50 p. (In Russ.).
11. Rybakov F. E. ... Modern writers and sick nerves: Psychiatric study. Moscow, 1908. 49 p. (In Russ.).
12. Sarabyanov D. V. *The history of Russian art of the late XIX – early XX century*. Moscow, 1993. 320 p. (In Russ.).
13. Sikorsky I. A. *Psychological foundations of education and training: Book supplemented by the sections: “Psychological foundations of education” and “Ideas and tools of preschool education”*. 3rd edition. Kiev, 1909. 112 p. (In Russ.).
14. Suvorova E. I. V. V. Stasov and Russian progressive social thought. Leningrad, Publishing House “Lenizdat”, 1956. 152 p. (In Russ.).
15. Shaikevich M. O. *Psychopathology and Literature*. St. Petersburg, 1910. 136 p. (In Russ.).
16. Shafazhinskaya N. E. The topic of spiritual search in Russian literature and philosophical thought. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2013, no. 1 (51), pp. 41–46. (In Russ.).
17. Belyaeva A. A., ed. *Aesthetics: vocabulary*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1989. 445 p. (In Russ.).

ФЕНОМЕН АКЦИОНИЗМА В ОПТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

УДК 008:18

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-128-134>

Е. В. Верхотуров

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: wew89@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются причинно-следственные аспекты развития акционизма как инновационного явления. Тенденции возрастания интереса к различным видам эстетического акционизма проявляются как в массовой культуре, так и в специализированных сферах эстетического и культурологического знания. Особое внимание обращается на влияние антропологического кризиса и информационных технологий на мотивацию участников эстетических акций, которые занимают видное место в культурном пространстве современности. В статье выявляется научная целесообразность и практическая значимость выделения в современной эстетике новых аналитических подходов к природе и основным параметрам арт-практик, а также к трансформации языков искусства. В границах антропологического, реляционного и проективного направлений постнеклассической эстетики расширяются возможности осмысления специфики акционизма и адекватной оценки режиссёрского фактора реализации принципа эстетической вовлечённости зрителей в зрелищно-игровое пространство арт-практик.

Ключевые слова: акционизм, арт-практика, эстетизация, эстетическая вовлечённость, антропологическая эстетика, реляционная эстетика, проективная эстетика, режиссёрский фактор.

Для цитирования: Верхотуров Е. В. Феномен акционизма в оптике современных эстетических подходов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 128–134. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-128-134>

THE PHENOMENON OF ACTIONISM IN THE OPTICS OF MODERN AESTHETIC APPROACHES

Evgenii V. Verkhoturov

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: wew89@mail.ru

Abstract: This article reveals the cause-and-effect aspects of the development of actionism as an innovative phenomenon. The tendencies of increasing interest in various types of aesthetic actionism

ВЕРХОТУРОВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры
VERKHOTUROV EVGENIY VALERYEVICH – PhD student at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Верхотуров Е. В., 2021

are manifested both in mass culture and in specialized areas of aesthetic and cultural knowledge. Particular attention is paid to the influence of the anthropological crisis and information technologies on the motivation of participants in aesthetic actions, which occupy a prominent place in the cultural space of our time. The article reveals the scientific feasibility and practical significance of highlighting in modern aesthetics new analytical approaches to nature and the main parameters of art practices, as well as to the transformation of the languages of art. Within the boundaries of the anthropological, relational and projective directions of post-non-classical aesthetics, the possibilities of understanding the specifics of actionism and an adequate assessment of the director's factor in the implementation of the principle of aesthetic involvement of spectators in the spectacular and play space of art practices are expanding.

Keywords: actionism, art practice, aestheticization, aesthetic involvement, anthropological aesthetics, relational aesthetics, projective aesthetics, the director's factor.

For citation: Verkhoturov E. V. The phenomenon of actionism in the optics of modern aesthetic approaches. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 128–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-128-134>

Потребности в анализе таких инновативных процессов в пространстве художественной культуры, как творческое экспериментирование, переформатирование искусства и развитие различных видов эстетического акционизма, обусловили появление постклассической и постнеклассической эстетики. Закономерность их возникновения признаётся многими исследователями, исходя из того, что «искусство XX века, особенно со второй его половины, постоянно находится в поиске новых пространств и ракурсов своего бытия» [3, с. 62]. Как авангардные явления первой трети XX века, так и включение в культурное пространство последних десятилетий андеграундных форм авторского самовыражения и самоутверждения стимулировали модификацию системы эстетического знания, не только в теоретическом, но и практическом отношении.

Проблематика и методология постклассической, и постнеклассической эстетики выходят за пределы академических традиций философствования. Причем оба типа модифицированной эстетики не существуют сами по себе, а сопрягаются с другими сферами гуманитарного знания. Новые гра-

ни динамики художественной жизни в реалиях информационного общества и трансформации ценностных систем обусловили интенсивность «процессов интеграции современной эстетики с культурологией, искусствоведением, социологией, психологией, философией» [7, с. 17]. Установка ряда современных исследователей на различные формы междисциплинарного взаимодействия и содержательного диалога наглядно проявляется в опыте «встречного» движения эстетиков и культурологов. Благодаря этому возник симбиоз обеих сфер гуманитарного знания. М. С. Каган определил этот симбиоз словосочетанием «эстетосфера культуры» [5, с. 4–5], а О. А. Кривцун – как культурологическую эстетику.

Содержательная основа междисциплинарных исследований в сфере культурно-эстетических явлений и переформатирования искусства соотносится с широким кругом вопросов – от гуманитарного до проективно-творческого. Гуманитарная компонента «эстетосферы культуры» обусловлена антропологическим кризисом, который фиксируется многими исследователями. Заметное возрастание интереса к проективно-творческому аспекту эстети-

ческих трансформаций связано, как справедливо отмечает Кривцун, с культуротворческим потенциалом искусства, способного «опережать наличные состояния сознания, оказывать обратное влияние на жизненный, цивилизационный процесс» [7, с. 19]. Этот тезис проецируется и на сферу ценностных ориентаций современного человека и его художественно-эстетических предпочтений.

«Опережающие» способности искусства проявлялись, как известно, в различные культурно-исторические эпохи, но особенно интенсивно и ярко – в культурном пространстве модерна и постмодерна. Именно в контексте развития модерна и постмодерна произошли кардинальные изменения в художественно-творческой сфере, которые явно не соответствовали традиционному взгляду на искусство как «мышление в образах» (Гегель) и критерию «нормы вкуса» (Кант). Отсюда и понимание необходимости новых исследовательских подходов к авангардным явлениям искусства и различным видам художественного экспериментирования.

Важным импульсом возникновения в эстетической сфере гуманитарного знания новых направлений осмысления художественно-творческой динамики стали также многочисленные вызовы глобализма и противоречия образа жизни людей в условиях техногенной цивилизации. Разнообразие и нередко протестный стиль эстетических ответов на эти вызовы способствовали диалогу философов, искусствоведов и культурологов вокруг явления трансформации языков искусства.

С этой точки зрения интересно утверждение американского ученого А. Берлеанта о том, что эстетический опыт имеет непосредственное отношение к повседневному существованию человека [12, с. 10]. Как

специфические грани эстетического опыта *уличное искусство и другие виды акционизма* подтверждают собой мысль Берлеанта о взаимосвязи бытового, психологического и эстетического аспектов жизни. Этот момент признаётся и другими зарубежными и российскими учёными. Отсюда интерес к теме влияния антропологического кризиса на эстетические возможности его «смягчения». Тенденции распространения арт-практик рассматриваются в разных аспектах, в том числе и как эстетической реакции на противоречия глобализма и техногенной цивилизации.

Антропо-социальный угол зрения на массовое сознание и феномен «базового напряжения» современного человека обусловил эстетические инновации поиски способов выражения ценностного и личностного взгляда на мир [6, с. 1]. Не стоят в стороне от вопроса о влиянии антропологического кризиса на творческие установки представителей акционизма и исследователи. Так, в проблемном пространстве современной эстетики видное место занимает тема виртуализации связей человека с миром природных и культурных явлений, а также тенденция усиления потребительского отношения к художественно-эстетическим ценностям. Исследовательский интерес к отмеченным проблемам в определённой степени обусловлен ещё одной причиной: «*Вся культурная динамика начинает пониматься с позиции массового потребителя культурных зрелищ...*» [11, с. 116].

Разнообразие выразительно-изобразительных форм акционизма выявляет взаимообусловленность таких сравнительно новых направлений современной эстетики, как *антропологическое* и *проективное*. Связующим моментом является тема субъекта процессов перформативирования в художе-

ственной культуре и обновления языков искусства. Кроме того, в русле антропологической и проективной эстетики осмысляются тенденции возрастания массового интереса к различным типам зрелищного акционизма как одной из форм эстетизации досугового пространства современного человека. Причём основные параметры зрелищного акционизма оцениваются не только с эстетической точки зрения, но и по *критерию гуманизации образа жизни*.

Взаимообусловленность процессов гуманизации и эстетизации человеческого существования в условиях глобализма и техногенной цивилизации можно определить, как *артификацию*. В процессуальном и креативном отношении различные виды артификации соотносятся чаще всего с проективными задачами – задачами обогащения «эстетосферы культуры», которые согласуются с определённым вектором культурных изменений. Согласно М. Эпштейну, такой вектор творческой инноватики можно определить как *культуронику, то есть проективизм*. Целесообразность введения данного понятия в сферу гуманитарного знания, наряду с эстетикой и культурологией, современный исследователь объясняет так: «... конструирование новых форм действия в культуре, новых техник общения и познания, новых моделей восприятия и творчества. Если культурология мыслит проекциями – преломлениями предметов в знаковых системах разных культур, то культуроника мыслит проектами, то есть знаковыми системами, которые ещё не стали практиками и институциями какой-либо культуры и образуют план возможных трансформаций всего культурного поля» [9, с. 210].

Существенное отличие антропологической эстетики от проективной является, на наш взгляд, заключается в следующем:

в границах первого акцентируются экзистенциально-психологические сложности современного человека, а суть второго заключается в установке на практическое решение проблем гуманизации повседневного существования.

Разнообразие видов социокультурных трансформаций и их связи с рядом направлений совершенствования эстетических характеристик повседневной жизни обуславливают целесообразность изучения и объективной оценки. Не случайно актуальное состояние эстетики характеризуется дифференциацией этой сферы гуманитарного знания. В результате появились такие новые направления, как *антропологическая эстетика, медиаэстетика, эстетика повседневности, реляционная эстетика* [2, с. 21], *экологическая эстетика* [10, с. 18]. Общим моментом у этих направлений современной эстетической мысли является, по нашему мнению, проективизм, креативный потенциал которого наглядно проявляется в опыте включения арт-практик в эстетизацию культурного пространства.

Одним из таких способов является *эстетическая вовлечённость* людей любого статуса и возраста в культурное пространство. Суть данного способа активизации посетителей спектаклей уличного театра или других форм эстетического акционизма заключается в достижении не только «эффекта погружения» в сюжет, но и соучастия. По сути, эстетическая вовлечённость «случайных» созерцателей в сферу эстетических «высказываний» создателей перформансов, хеппенингов и других форм самопрезентации тождественна *интерактивной стилистике арт-практик*.

Основой арт-практик являются не традиционные каноны и оценочные критерии классической эстетики, а новые, не-

редко экспериментальные формы вовлечения в реализацию творческого замысла не только исполнителей, но и наблюдателей. По утверждению исследователя феномена перформативности Э. Фишер-Лихте, «вместо произведения, существующего независимо от его создателя и реципиента, мы имеем дело с *событием*, в котором в различной степени, а также в разных функциях участвуют все присутствующие, в результате чего создание и восприятие художественного произведения происходит синхронно в одном и том же месте» [8, с. 30]. В результате ситуативно создаётся «сообщество актёров и зрителей, основанное на определённых эстетических принципах» [8, с. 100].

Вопросы эстетической вовлечённости зрителей в зрелищно-игровое пространство арт-практик – предмет *реляционной эстетики*. Данное направление определяется рядом исследователей как эстетика взаимодействия и взаимоотношений. Идеи реляционной эстетики интересовали таких специалистов, как Н. Буррио, Ж. Рансьера, К. Бишоп и многих других специалистов.

Реляционная эстетика берёт начало в институциональной среде художественного кураторства и основывается в большей степени на прагматическом опыте, чем на теоретико-методологическом. Опубликованный в 1998 году текст «Реляционная эстетика» – это одновременно и анализ, углубленная критика успешного кураторства Буррио, и укрепление его как ведущего специалиста арт-сцены. К достижениям данного направления эстетики можно отнести то, что реляционная эстетика перенесла в статус более доступных проекты дискурсивного и дискуссионного характера для культурных центров [12, с. 10].

В связи с этим трудно переоценить *компенсаторно-творческий потенциал* эстети-

зации современной культурной среды. Инновационный аспект использования зрелищных форм эстетической вовлечённости населения в сферу непосредственных ярких впечатлений в определённой степени связан с развитием современных арт-практик. Возникновение этого культурно-эстетического явления обусловлено процессами трансформации искусства.

Одним из таких процессов является *перереформативание*. В контексте перереформативания появляются новые источники экономики впечатлений: видовое богатство арт-практик как арт-феноменов [4, с. 212].

Выразительно-смысловая целостность произведения, созданного на основе принципов уличного искусства, не достигается стихийно, а требует осознанного отношения его автора к проектируемому событию. С этой точки зрения заслуживает внимания тот факт, что Буррио предлагал дать определение и современным художникам – «оператор знаков», для фиксации социокультурного статуса «предприниматель-политик-режиссёр». На первый взгляд кажется, что данный социокультурный статус абсолютно не уместен и не корректен, но давайте разберёмся. Обсуждение статусов «художник-режиссёр» и «художник-политик» происходит в спорах и дискуссиях. Направлены эти споры и дискуссии на сам спектакль, его возможное видоизменение, на векторы развития индустрии культуры, а также на создание определённой эстетической сферы в конкретном случае – как формы политактивности. Но дальнейшая конкретизация данного социокультурного статуса порождает множество других проблем, в частности, проблему репрезентации художественного мира, которую многие исследователи/теоретики/критики вроде бы отвергли. При этом Н. Буррио писал, что для

абсолютно всех и каждого художника критерием его самоопределения и определения со стороны общества является определённый процесс показа [2, с. 12].

Тенденция повышения социального статуса профессионального постановщика зрелищных мероприятий в значительной степени обусловлена потребностями совершенствования процесса эстетизации культурного пространства. Режиссура массового представления (особенно праздничного) включает в себя ряд важных параметров компетентности – от навыков проективного мышления до продуктивного использования технических средств активизации зрителей, то есть их эстетической вовлечённости в контекст и атмосферу. Режиссёрский фактор достижения зрелищно-игрового эффекта экономики впечатлений можно рассматривать через призму расширения граней деятельности постановщика массовых мероприятий. Это означает, что режиссёр-постановщик театрализованных форм эстетизации современного культурного пространства реализует творческий проект на основе осуществления функций интерпретатора, художника-режиссёра и художника-предпринимателя.

Тем не менее, наряду с режиссёрским фактором организации и проведения ди-

намичного яркого представления, включённого в досуговое пространство и переживаемого как эстетическое событие, существенное значение имеет деятельность специалистов в сферах художественного, музыкального, циркового творчества. Иными словами, эстетические измерения акционизма как эстетического события – *от перформанса до спектаклей иммерсивного характера* – зависят от уровня художественных компетенций и авторской мотивации.

В оптике рассмотренных направлений современной эстетики акционизм предстаёт и как факт художественной культуры и в качестве зрелищной компоненты культурного пространства. Многогранность феномена культурно-эстетических трансформаций отражает закономерный характер артификации, занимающей видное место в современной городской среде. Популярность арт-практик связана одновременно как с их зрелищной привлекательностью, так и с актуализацией принципа эстетической вовлечённости людей разного возраста и социального статуса в коммуникативно-игровое пространство городского досуга. Наряду с достижениями визуализации облика города, артификация урбанистической среды способствует решению задач гуманизации эстетическими средствами.

Список литературы

1. Бишоп К. Искусственный ад : партиципаторное искусство и политика зрительства. Москва : V-A-C press, 2018. 528 с.
2. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. Москва : Ад Маргинем пресс, 2016. 216 с.
3. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Искусство техногенной цивилизации в зеркале эстетики // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 62–72.
4. Ерохин С. В. Эстетика цифрового изобразительного искусства. Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. 431 с.
5. Каган М. С. О перспективах развития эстетики как философской науки // Серия "Symposium", Эстетика в интерпарадигмальном пространстве : перспективы нового века. Выпуск 16 : материалы научной конференции 10 октября 2001 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 4–5.

6. Коломиец Г. Г. Проблема субъективности и антропологическая константа // *Философия в современном мире : диалог мировоззрений : материалы VI Российского философского конгресса, 27–30 июня 2012 г., Нижний Новгород* : в 3 томах / Российское философское общество ; Правительство Нижегородской обл. [и др.]. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, 2012. Том 3.
7. Кривицун О. А. Эстетика. 3-е издание, перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. 549 с.
8. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / под общ. ред. Д. В. Трубочкина. Москва : Play&Play ; Канон+, 2015. 375 с.
9. Эпштейн М. Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Выпуск 2 / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. 544 с.
10. Эстетика природы / под ред. К. М. Долгова. Москва : ИФ РАН, 1994. 230 с.
11. Ячин С. Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред // *Личность. Культура. Общество*. 2010. Том XII. Вып. 1. (№ 53–54). С. 108–116.
12. Berleant A. Aesthetic engagement. *XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in Action. Book of abstracts*. Krakow, LIBRON, 2013.

References

1. Bishop C. *Artificial hell: participatory art and the politics of spectatorship*. Moscow : V-A-C press, 2018. 528 p. (In Russ.).
2. Bourriaud N. *Relational aesthetics. Postproduction*. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 216 p. (In Russ.).
3. Bychkov V. V., Mankovskaya N. B. The art of industrial civilization in the mirror of aesthetic. *Questions of Philosophy*. 2011, no. 4, pp. 62–72. (In Russ.).
4. Erokhin S. V. *Aesthetics of digital fine arts*. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2010. 431 p. (In Russ.).
5. Kagan M. S. On the prospects for the development of aesthetics as a philosophical science. In: *Series "Symposium", Aesthetics in the interparadigm space: perspectives of the new century. Issue 16*. St. Petersburg, Published by St. Petersburg Philosophical Society 2001. 96 p. (In Russ.).
6. Kolomiets G. G. The problem of subjectivity and the anthropological constant. In: *VI Russian Philosophical Congress "Philosophy in the Modern World: Dialogue of Worldviews". In 3 volumes, volume 3*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University 2012. (In Russ.).
7. Krivitsun O. A. *Aesthetics*. 3rd edition. Moscow, Publishing URAIT, 2014. 549 p. (In Russ.).
8. Fisher-Likhte E. *Aesthetics of performativity*. Moscow, Play&Play Publishing House; Kanon+ Publishing House, 2015. 375 p. (In Russ.).
9. Epshtein M. *Philosophical projective dictionary. New terms and concepts. Vol. 2*. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2020. 544 p. (In Russ.).
10. Dolgova K. M., ed. *Aesthetics of nature*. Moscow, Publishing House of the IP RAS, 1994. 230 p. (In Russ.).
11. Yachin S. E. Metaculture is a place of personal creativity on the border of cultural environments. *Personality. Culture. Society*. 2010, vol. XII, issue 1, (no 53–54), pp. 108–116. (In Russ.).
12. Berleant A. Aesthetic engagement. *XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in Action. Book of abstracts*. Krakow, LIBRON, 2013.

*

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ Е. А. КИБРИКА 1930-х ГОДОВ. НОВЫЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА

УДК 7.03

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-135-142>

Е. А. Скоробогачева¹, О. Г. Чичварина²

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва, Российская Федерация,
e-mail: Skorobogacheva@mail.ru¹, e-mail: svetalina.info@yandex.ru²

Аннотация: В статье исследуется многосоставность творчества Е. А. Кибрика как новый малоизученный культурологический аспект его творчества на примере ранее неизвестных портретов и жанровых сцен в его исполнении из собрания Николаевского областного художественного музея имени В. В. Верещагина и Вознесенского художественного музея Е. А. Кибрика. Данные произведения впервые вводятся в научный оборот. Синтезированный язык художника основан на интерпретации традиций поколений мастеров искусства: Рембрандта, Ф. Хальса, О. Домье, Э. Дега, К. Моне, а также отечественных авторов: П. Н. Филонова, А. Н. Самохвалова и других. Заключаем, что специфика графического творчества Кибрика 1930-х годов состоит в множественности художественных влияний и, как следствие, в неоднородности манеры исполнения. При всём многообразии его произведений обозначаем следующие общности: психологические типажи; штудии фигуры в окружающем пространстве; композиции с оттенком жанровых трактовок. Свобода самовыражения, поиск индивидуальной линии творчества в 1930-е годы, во многом предопределённые уходом Кибрика из «Коллектива мастеров аналитического искусства» (КМАИ), позволили ему экспериментировать и создавать яркие портретные образы, значимые в его творческом развитии.

Ключевые слова: многосоставность творчества, синтезированный художественный язык, неизвестные произведения, культурологические аспекты, интерпретация образов, художественные основы, корреляция традиций западноевропейского и отечественного искусства, культурологические смыслы.

Для цитирования: Скоробогачева Е. А., Чичварина О. Г. Неизвестные портретные зарисовки Е. А. Кибрика 1930-х годов. Новые культурологические аспекты творчества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 135–142. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-135-142>

СКОРОБОГАЧЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусств, директор музея Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

SKOROBOGACHEVA EKATERINA ALEXANDROVNA – doctor of art history, Professor at the Department of General history of arts, Director of the Museum of the Ilya Glazunov Russian Academy of painting, sculpture and architecture

ЧИЧВАРИНА ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА – аспирант Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

CHICHVARINA OLGA GEORGIEVNA – PhD student of the Ilya Glazunov Russian Academy of painting, sculpture and architecture

UNKNOWN PORTRAIT SKETCHES BY E. A. KIBRIK
OF THE 1930TH. NEW CULTURAL ASPECTS OF CREATIVITY

Ekaterina A. Skorobogacheva¹, Olga G. Chichvarina²

Ilya Glazunov Russian Academy of painting, sculpture and architecture, Moscow, Russian Federation,
e-mail: Skorobogacheva@mail.ru¹, e-mail: svetalina.info@yandex.ru²

Abstract: The article examines the multi-component nature of E. A. Kibrik's work as a new little-studied culturological aspect of his work on the example of previously unknown portraits and genre scenes performed by him from the collection of the Nikolaev Regional Art Museum named after V. V. Vereshchagin and the Voznesensky Art Museum of E. A. Kibrik. These works are introduced into scientific circulation for the first time. The artist's synthesized language is based on the interpretation of the traditions of generations of masters of art: Rembrandt, F. Hals, O. Daumier, E. Degas, K. Monet, as well as domestic authors: P. N. Filonov, A. N. Samokhvalov and others. We conclude that the specificity of Kibrik's graphic art of the 1930th is in the multiplicity of artistic influences and, as a consequence, in the heterogeneity of the manner of performance. With all the diversity of his works, we designate the following communities: psychological types; study of the figure in the surrounding space; compositions with a touch of genre interpretations. Freedom of self-expression, the search for an individual line of creativity in the 1930th, largely predetermined by the departure of E. A. Kibrik from the Collective of Masters of Analytical Art (KMAI), allowed him to experiment and create vivid portrait images that are significant in his creative development.

Keywords: multi-composition of creativity, synthesized artistic language, unknown works, cultural aspects, interpretation of images, artistic foundations, correlation of traditions of Western European and domestic art, cultural meanings.

For citation: Skorobogacheva E. A., Chichvarina O. G. Unknown portrait sketches by E. A. Kibrik of the 1930th. New cultural aspects of creativity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 135–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-135-142>

Портретным зарисовкам Е. А. Кибрик уделял особое внимание на протяжении всей творческой жизни. Начиная со студенческого времени, а если точнее – с 1922 года, и затем во время увлечения искусством П. Н. Филонова в 1925–1930 годах мы можем констатировать пристальный интерес художника к изучению и интерпретации портретных характеристик через самобытный художественный язык.

Обращаясь к понятию «художественный язык», следует уточнить его значение как совокупности изобразительных средств, способствующих воплощению в произведении образа и идейного содержания. Несмотря на то, что художественный язык в целом складывается в процессе эволюции различных видов искусства, на практике

автор стремится к выявлению своей манеры, выработке приёмов и изобразительных средств, ставших основой индивидуально-почерка, характерного для его личности. Благодаря специфике языка в произведении проявляются образная целостность и выразительность звучания, присущие только конкретному автору, раскрывается индивидуальность художника.

Одной из значимых проблем данного исследования является определение воздействия философии глубокого по своей духовной наполненности, неординарного и противоречивого мэтра авангарда П. Н. Филонова на изменение художественного языка Е. А. Кибрика.

Личность такого крупного масштаба, художника-исследователя, учёного и фи-

лософа притягивала в ряды увлечённых идеей самопознания многие умы творческой интеллигенции, среди которых оказался и Е. А. Кибрик. Ему предстояло в течение пяти лет познавать мировосприятие реформатора, мыслящего иными категориями, не привычными для молодёжи тех лет.

Творчество Филонова и его учеников являло собой синтез аналитического и мистического подходов в искусстве, реального и ирреального. Вместе с тем в «Коллективе мастеров аналитического искусства» (КМАИ) происходило возвращение отчасти грамотных ремесленников, прорабатывавших каждый миллиметр холста либо бумаги с особой тщательной «сделанностью», наделяя каждый штрих или мазок предельной точностью. Обучение лишь ремеслу не могло способствовать развитию художника. Вопросы образного мышления, взаимосвязи образа и цвета, колорита волновали Кибрика, но по-прежнему оставались неразрешёнными. Проблемы передачи художественной правды в искусстве КМАИ также не рассматривались. Главным для Филонова был принцип «сделанности». Его искусство не копировало окружающий мир, а выражало субъективное познание.

Аналитический подход, сравнимый с проникновением в сущность исследуемого вещества, находил применение и в методике преподавания Филонова. Поиск изменения художественного языка ради усиления психологического воздействия через символическое звучание и скрытый, часто ироничный или саркастический подтекст изображения в его творчестве доминировал. Основной причиной конфликта между Кибриком и Филоновым стала дискуссия о том, что именно должно нести в себе истинное искусство [8; 9; 10].

На обозначенный вопрос в диалоге двух художников Кибрик по-своему отвечал в произведениях 1930-х годов, постепенно освобождаясь от влияния бывшего наставника. В отличие от иллюстраций, не менее характерных для творчества Кибрика, в портретах художник проявлял себя как полностью самостоятельный график, произведения которого отличаются многосоставностью, сложным синтезированным художественным языком, не привязанным к тексту. «Я очень люблю писать портреты, – вспоминал Кибрик, – вернее, делать живописные портретные наброски в один, в крайнем случае, в два сеанса. Быстрота позволяет энергично уловить главное в человеке, в его характере. Гениально это делал Франс Хальс, славившийся быстротой своей работы. Возможно, что стремление к быстрой работе с натуры чем-то компенсирует меня за очень медленную работу над композициями» [4, с. 226]. Таким образом, акцентируем влияние искусства Хальса на портретное творчество Кибрика.

Стремление создавать психологические портреты, наблюдать за людьми, подмечать малейшие нюансы настроения нашло отражение в «Портрете художника Д. Крапивного» (1936, автолитография; 26 × 17,5), в котором явно выражено воздействие импрессионистов. Обозначенный портрет подтверждает изменение художественного языка Кибрика, его причастность к эволюции западноевропейской культуры. Так происходило формирование его художественного языка, который в полной мере проявится в серии его иллюстраций к «Очарованной душе» Р. Роллана (1939–1941), к «Портрету» Н. В. Гоголя (1973–1977). «Портрет художника Д. Крапивного» следует назвать первым «смелым шагом» в открытии нового для графика направления в творчестве,

которое только в конце его жизни обретёт наиболее полное проявление.

Среди вводимых нами в научный оборот графических произведений Кибрика значимы портреты, в которых образ изображённого персонажа предстаёт во взаимосвязи с окружающим пространством: «Девушка в красной кофте» (1935, бумага на фанере, акварель, карандаш; 40 × 36), «Портрет кузнеца Бандина с женой» (1935, автолитография; 41,5 × 31,5. Г-2823), «Художник Д. Крапивный» (1930, бумага, уголь; 22 × 41).

Кибрик демонстрирует широкий диапазон способов образной передачи модели: от трактовки на предельно близком расстоянии до удалённого показа портретируемого в среде интерьера. Характерное смещение композиционных осей от центра создаёт определённую динамику в решении произведений «Девушка в красной кофте» и «Художник Д. Крапивный», в отличие от статичного «Портрета кузнеца Бандина с женой», отчасти подобного постановочной фотосъёмке при фотографировании в начале XX века.

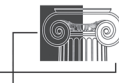
Особый интерес представляет женский образ, изображённый Кибриком в пространстве домашнего интерьера, – «В постели» (1938, бумага, акварель, карандаш; 24×24), близкий по манере исполнения к художественному языку ярких представителей импрессионизма Э. Дега, К. Моне. Важна передача пространственной среды. Особое значение приобретает трактовка глубины интерьера. Изображение получает жанровый характер, но при этом акцентируется лицо изображённого персонажа. Кибрик стремился передать жизнь в её беспрепятственном движении, опираясь на опыт Рембрандта, Оноре Домье и импрессионистов, что нашло отражение в целостной систе-

ме признаков, вобравших в себя опыт предыдущих поколений художников. Определённо Кибрик склонялся к акцентированию пространства в произведении и к отображению человека в пространственной среде, что достигалось им с помощью эскизности, мгновенной фиксации пластики анатомических форм человека и предметов, композиционных ритмов на интерьерной сцене действия. Подобные графические листы легки для восприятия зрителем. В жанре портрета и при изображении человека в пространстве Кибрик находит новую грань творческого самовыражения, что будет развито им в дальнейшем в сериях иллюстраций.

Интересны взаимосвязи между изображением человека и пространства, предметом и рефлексом его цвета, что отражает цвето-тональное воздействие среды, отношения планов, найденные через цветовые градации. Подчеркнём в многосоставном художественном языке Кибрика способ выражения идеи через преодоление условности трактовки форм и застылых в пространстве масс с помощью передачи модели в кульминационный момент, содержащий признаки предыдущего и последующих её состояний. Таким образом достигается передача движения образа, и психологического, и физического.

Кибрик создал выразительные образцы портретов и жанровых сцен в пространстве интерьера или пейзажа, следуя определённому типу образного мышления, который был характерен для графика в середине 1930-х годов. Он раскрывал идею цветового пространства с помощью выработанных графических приёмов: мазка кисти в акварели, штриха, свободной пластичной линии при работе карандашом, углём, сангиной.

Графический лист «Девушка в красной кофте» (1935, бумага на фанере, акварель,

карандаш; 40 × 36) представляет собой женский портрет, изображённый в пейзажном окружении. В данной работе Кибрика особую роль играет осевая симметрия. Художник выделяет центральную ось композиционного листа посредством централизованного изображения героини. Окружающий пейзаж, зеленеющие поля и холмы, служит гармоничным дополнением её образа. Обращение Кибрика к центрической композиции во многом предопределено спецификой самого жанра портрета. С помощью смыслового акцента – направления взгляда девушки – внутри двухмерного изображения создана дополнительная композиционная ось, обращённая к зрителю. Внутреннюю динамику образует цветовой строй полихромного графического листа. Композиционный ритм создан чередованием цветных локальных пятен: лица портретируемой, её костюма, окружающего пейзажа.

Одной из художественных задач Кибрика являлось изображение человека в определённом временном отрезке: «В. А. Фаворский был первым, кто указал на время как основной признак композиционности изображения» – пишет Н. Н. Волков [1, с. 123], и Кибрик, наряду с другими ведущими представителями западноевропейской и отечественной культуры, стремился отобразить и движение, и действие в пространстве листа. При этом происходило приближение взгляда художника к изображаемым образам, что усиливало их содержательность и выразительность.

Обогащение смыслом, заострение образной характеристики достигались вниманием художника к выражению взгляда моделей: от проникновенно-созерцательного в «Портрете Веры Кетлинской» (1938, бумага, уголь; 36 × 28) до отстранённо-интеллектуального в «Портрете Ольги Форш» (1939,

бумага, карандаш; 32 × 18; внизу справа карандашом: «ЕК39». Г-2479). Образная индивидуальность – черта, характерная для портретов, исполненных Кибриком в 1930-х годах. Он раскрывается как самобытный яркий художник, творчески сложившийся в новом ракурсе графического искусства. В исследуемых произведениях отображение внешнего сходства сочетается с передачей настроения и внутреннего переживания портретируемого. Мировоззрение Кибрика находило отражение в его стремлении к раскрытию психологии, внутреннего мира человека через рисунок. Где бы ни находился график, он беспрестанно делал зарисовки лиц, фигур, пейзажей, что позволяло ему создавать острообразительные образы. Таков ряд портретов художника Крапивного.

Основой решения портретов близкого друга Кибрика, художника Дмитрия Крапивного является передача индивидуальных черт представителя своего времени, а также его душевного состояния. В рисунке сангиной 1934 года «Портрет Мити Крапивного» (31,5 × 21; Г-4235) график выступает как уже сложившийся мастер портретного жанра, хроникёр, подмечающий малейшие оттенки настроения портретируемого и создающий психологическую характеристику, акцентируя эмоциональность. Опубликованный в книге воспоминаний Кибрика «Работа и мысли художника» [4] в 1984 году в чёрно-белом варианте «Портрет Мити Крапивного» был исследован нами в оригинале.

Особое внимание привлекает неизученный и не публиковавшийся ранее портрет 1936 года, выполненный в технике чёрно-белой автолитографии, – «Художник Д. Крапивный» – из собрания Николаевского областного художественного музея имени В. В. Верещагина [3], хранящийся в Возне-

сенском художественном музее Е. А. Кибрика [5] (26 × 17,5. Г-2474). Графическое решение портрета близко к пространственному, по манере исполнения в нём вновь ощутимо влияние импрессионизма, так проявляется многовекторность художественных влияний [6, с. 47]. Художник выявляет абрис лица на тёмной плоскости листа, использует наклонные извивающиеся линии, погружает портретируемого в насыщенную тональную среду. Лицо выделено светом, вылеплены объёмы, их пластическая выразительность не мешает эмоциональности восприятия.

Следует отметить различные подходы художника к изображаемым моделям: портреты крупным планом анфас («Портрет Ольги Форш», 1939, бумага, карандаш; 32 × 18. Г-2479) и в профиль («Портрет Веры Кетлинской», 1938, бумага, уголь; 36 × 28. Г-2759), это и парный «Портрет кузнеца Бандина с женой», и композиция в действии («Парашютистка», 1933, бумага, акварель, 35,5 × 21; Г-2526; «Парашютистка», 1933, бумага, акварель, 39 × 14. Г-2757.), и образ на лоне природы «Девушка в красной кофте» (1935).

К известной живописной работе «Портрет кузнеца Бандина с женой» были созданы как подготовительные автолитографии, так и рисунки. Среди них графический лист, исполненный карандашом, композиционно повторяющий автолитографию и картину, следует отнести к первому эскизу будущего произведения. Также при исследовании нами были выявлены многочисленные варианты цветных литографий оплечного портрета кузнеца Бандина из собрания правообладателя наследия Кибрика Н. П. Николаева.

Две композиции с одинаковым названием «Парашютистка» решены в реалисти-

ческой манере, более характерной для плаката, подчёркнуто плоскостно. Предполагаем, что они не завершены художником, поскольку окружающее пространство, в котором находятся героини сцены, не раскрыто. Сюжетно решая портреты девушек, Кибрик стремился подчеркнуть их антураж: рюкзаки, головные уборы, спецодежду, что передаёт впечатления художника от наблюдений за своими моделями.

Возвращаясь к вопросу специфики многосоставного, синтезированного художественного языка Кибрика, следует отметить доминирование реалистической направленности. Техника и технология исполнения варьируются, используются различные графические материалы: уголь, карандаш, сангина, акварель.

Завершая исследование, сделаем ряд выводов.

Каждый портрет, исполненный Кибриком, подобен психологическому исследованию, что стало возможным благодаря тонкой наблюдательности графика и его профессионализму. В цикле исследованных портретных образов отразился талант художника-психолога. Рисунки графика обладают пронзительным звучанием и внутренней жизненной силой. Портреты, созданные в период 1930-х годов, являются и фиксацией определённого момента, и философским обобщением, раскрытием духовного содержания каждой личности. Кибрик обращал внимание на выразительность лиц, их мимику и движение мысли, и передавая быстротечность времени, его ускользающие мгновения, и создавая вневременные характеристики моделей.

В портретах заключалось и обобщённое жизнеутверждающее начало, и отражение сути конкретной личности. Художественный язык Кибрика достигал куль-

минации развития, эмоциональной силы в экспрессии графических решений через «фундамент» эволюции традиций западноевропейского и отечественного искусства, через основы школы мастерства, восходил к остро индивидуальному прочтению образов [7, с. 123].

Закljučаем, что:

- художественный язык Кибрика претерпел существенные изменения в 1930-е годы по сравнению с периодом 1920-х годов;
- в 1930-е годы он постепенно освободился от влияния искусства Филонова;
- манера исполнения приобрела многосоставность, сложно синтезированный характер;
- выделяем следующие общности графических произведений Кибрика 1930-х годов: психологические типажи («Портрете художника Д. Крапивного», 1936, автолитография; 26 × 17,5); штудии фигуры в окружающем пространстве («Девушка в красной кофте», 1935, бумага на фанере, аква-

рель, карандаш; 40 × 36; «Портрет кузнеца Бандина с женой», 1935, автолитография; 41,5 × 31,5. Г-2823); композиции с оттенком жанровых трактовок – женский образ, изображённый Кибриком в домашнем интерьере («Портрет неизвестной», 1938, бумага, акварель, карандаш; 24 × 24);

- создаваемые произведения, при ярко выраженной реалистической доминанте звучания, отличаются и высоким профессионализмом исполнения, и творческой свободой отображения.

Итак, одной из важнейших целей для художника всегда оставалось создание психологического портрета как отражения личности изображённого, своей эпохи, как выражения своего мировоззрения. Исследованные портреты 1930-х годов работы Кибрика, которые вводятся нами в научный оборот, представляют собой интереснейший пласт его графического искусства, наследия отечественной культуры XX столетия в целом.

Список литературы

1. Волков Н. Н. Композиция в живописи. Москва : Искусство, 1977. 263 с.
2. Западноевропейский рисунок : из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина : альбом / авт. вступ. ст. и сост. Е. С. Левитин. Москва : Изобразительное искусство, 1990. 249 с.
3. Каталог произведений Е. А. Кибрика. Николаевский областной художественный музей имени В. В. Верещагина. Выпуск III. К 100-летию со дня рождения Е. А. Кибрика. Николаевск: Можливості Кіммерії, 2006. 299 с.
4. Кибрик Е. А. Работа и мысли художника. Москва : Искусство, 1984. 255 с.
5. Краснюк И. В. Вознесенский художественный музей Е. А. Кибрика. Одесса : Маяк, 1990. 48 с.
6. Скоробогачева Е. А. Многовекторность как одна из ключевых характеристик искусства Русского Севера // Искусство и образование. 2018. № 2. С. 47–58.
7. Скоробогачева Е. А. Пирамидальное теоретическое построение развития искусства. К вопросу сохранения и эволюции традиций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 123–128. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10616
8. Халаминский Ю. Я. Евгений Кибрик. Москва : Изобразительное искусство, 1970. 183 с.
9. Чегодаев А. Д. Страницы истории советской живописи и советской графики. Москва : Советский художник, 1984. 486 с.
10. Чичварина О. Г. Экспериментальный парадокс Евгения Кибрика. Неизвестные аспекты творчества художника. Москва : Светалина, 2018. 575 с.

References

1. Volkov N. N. *Composition in painting*. Moscow, Art Publishing House, 1997. 263 p. (In Russ.).
2. Levitin E. S., comp. *Western European drawing: from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts*. Moscow, Fine Arts Publishing House, 1990. 249 p. (In Russ.).
3. *Catalog of works by E. A. Kibrik. Nikolaev Regional Art Museum named after V. V. Vereshchagin. Issue III. To the 100th anniversary of the birth of E. A. Kibrik*. Nikolaevsk, 2006. 299 p. (In Russ.).
4. Kibrik E. A. *Work and thoughts of the artist*. Moscow, Art Publishing House, 1984. 255 p. (In Russ.).
5. Krasnyuk I. V. *Voznesensky Art Museum E. A. Kibrik*. Odessa, Publishing House “Mayak”, 1990. 48 p. (In Russ.).
6. Skorobogacheva E. A. Multi-vector as one of the key characteristics of the art of the Russian North. *Art and Education*. 2018, no. 2, pp. 47–58. (In Russ.).
7. Skorobogacheva E. A. Pyramidal theoretical construct of the development of art. On the issue of preservation and evolution of traditions. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2019, no. 6 (92), pp. 123–128. (In Russ.). DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10616
8. Khaminskii Yu. Ya. *Evgeny Kibrik*. Moscow, Fine Arts Publishing House, 1970. 183 p. (In Russ.).
9. Chegodaev A. D. *Pages of the history of Soviet painting and Soviet graphics*. Moscow, Publishing House “Soviet artist”, 1984. 486 p. (In Russ.).
10. Chichvarina O. G. *Experimental paradox of Evgeny Kibrik. Unknown aspects of the artist’s work*. Moscow, Publishing House “Svetalina”, 2018. 575 p. (In Russ.).

*

ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА НИКОЛАЯ РЕРИХА К СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 930.85:177

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-143-150>

М. А. Костерина

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация,
e-mail: makosterina@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена вкладу Николая Константиновича Рериха в разработку основ культуры памяти как альтернативы вандализму в отношении к прошлому различных стран и народов. В статье раскрывается гуманистический потенциал подвижнической деятельности яркого художника и оригинального мыслителя по сохранению национального культурного наследия как компонента мирового фонда материальных, духовных и художественных ценностей. Особый акцент ставится на том, что активный интерес Рериха к задачам формирования этических оснований культуры памяти был вызван его глубокой верой в необходимость реализации на практике основных принципов гуманизма. Задолго до появления фундаментальных трудов по коммеморативной культуре он выдвинул ряд тех идей действенного противостояния тенденциям вандализма в отношении культурных достижений прошлого, которые нашли отражение в его «Пакте мира» (Пакте Рериха). Социогуманитарная значимость данного текста культуры подтверждается рядом вызовов глобализма в современной жизни.

Ключевые слова: Рерих, гуманизм, культура, вандализм, реликты прошлого, культура памяти, Пакт Мира.

Для цитирования: Костерина М. А. Особенности подхода Николая Рериха к сохранению культурно-художественного наследия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 143–150. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-143-150>

FEATURES OF NICHOLAS ROERICH'S APPROACH TO THE PRESERVATION OF CULTURAL AND ARTISTIC HERITAGE

Marina A. Kosterina

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, e-mail: makosterina@gmail.com

Abstract: The subject of this article is connected with the issue of N. K. Roerich's contribution into developing the basis of memory culture as alternative to vandalism towards the past of different countries and peoples. The article unfolds the humanistic potential of selfless work of the brilliant artist and original thinker to preserve the national cultural heritage as part of global fund of material,

КОСТЕРИНА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА – аспирантка Московского городского педагогического университета

KOSTERINA MARINA ANATOLIEVNA – PhD student at the Moscow City University

© Костерина М. А., 2021

spiritual and artistic values. It's emphasized that the active interest of Roerich in the tasks of forming ethical foundations of the memory culture was inspired by his deep belief in the necessity of putting the main principles of humanism into practice. Long before the appearance of fundamental works on commemorative culture he offered a number of ideas on active opposition to the tendencies of vandalism towards the cultural heritage of the past, that are reflected in his Pact of Peace (Roerich Pact). Socio-humanitarian significance of this cultural text is confirmed by a number of challenges of globalism in contemporary life.

Keywords: Roerich, humanism, culture, vandalism, past relics, memory culture, Peace Pact.

For citation: Kosterina M. A. Features of Nicholas Roerich's approach to the preservation of cultural and artistic heritage. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 143–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-143-150>

В условиях глобализма и тенденций переоценки ценностей усложняются проблемы культурной преемственности, включая и вопросы сохранения материального и духовного наследия. Данная проблема была освещена мыслителями ещё в начале XX века, одним из них был известный художник и общественный деятель Николай Константинович Рерих (1874–1947). Его понимание культурного наследия человечества как духовного фундамента культуры сформировалось в пространстве русской философской мысли Серебряного века и созвучно идеям Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, П. А. Флоренского. Идеи современников Рериха нашли отражение в его творчестве и определили стилистику Пакта Мира. Художник к понятию «культура, моё дело» относит не только своё творчество, но и общественную деятельность и широкое социально-историческое осмысление жизни. По мнению М. М. Шибяевой, «Рерих создавал и популяризировал концепцию “убережения” и рационального использования мирового ценностного фонда на основе синтеза философского, религиозного, этического и эстетического подходов в культуре» [26, с. 26].

Николай Рерих ещё в студенческие годы был принят и стал пожизненным чле-

ном Императорского Русского археологического общества (ИРАО). Круг его научных интересов в сфере археологии вмещал период от каменного века до Средневековья. Он практически изучал все известные типы археологических памятников России – сопки, жальники, курганные могильники, стоянки, древние городища. В результате путешествия по сорока городам России, которое он совершил с 1903 по 1904 год, помимо археологических исследований, им была выполнена серия картин «Архитектурные этюды», сделаны фотографии, опубликованы статьи, в которых он поднимал вопрос о большой художественной ценности древнерусской архитектуры и иконописи. Целью было вызвать в обществе резонанс, с тем чтобы поставить проблему разрушения памятников старины. Уже в это время художник анализирует многослойность русской культуры и её синтетичные элементы сочетания с культурой как Востока, так и Запада.

В 1914 году, с началом Первой мировой войны, Рерих выступил с антивоенными заявлениями и статьями в прессе [8; 11; 21]. Он заявил о плачевном состоянии памятников старины, нравственном положении общества и влиянии искусства на общественную жизнь и общественное самосознание. Художник утверждал, что гуманистическая цель искусства – будить дух человеческий,

преодолевать его низшую природу, облагораживать его нравственный облик и указывать путь ко благу. «Недаром искусство называлось священным, – пишет он, – Без него человечество не вышло бы из животного состояния» [19, с. 123]. Большая часть знаковых памятников культуры, на которых он акцентировал внимание, позже были взяты под охрану государства.

В дореволюционный период Рерих публикует несколько десятков статей в журналах и газетах на актуальные гуманистические темы, где утверждал большое значение культуры: очерки о значении иконы и народного искусства [13; 15], статьи о русских городах и о состоянии архитектурных памятников [23; 24], отзывы о творчестве художников и художественных выставках [9; 18] и многое другое. «Сильная страна не порывает связей со своим прошлым, – запишет Рерих в 1911 году, – но прошлое это ещё недостаточно изучено, а художественные памятники его пропадают с каждым днём. Обязанность тех, кто смотрит вперёд, – пока ещё не поздно и время не стёрло всех его следов – сберечь русское народное художественное достояние, направив в эту сторону внимание наших художественных сил» [22, с. 52]. Совпадает с подвижнической позицией Рериха в отношении к культурно-художественному наследию и академик Д. С. Лихачёв. Его научные труды объединены идеей о том, что «память и знание прошлого наполняют мир, делают его интересным, значительным, одухотворённым ... Мы не только должны знать историю всего, что нас окружает, но и хранить эту историю, эту безмерную глубину окружающего» [5, с. 109]. В наши дни формирование в общественном сознании культуры памяти по-прежнему остаётся актуальной задачей. Заданная Рерихом установка на гуманиза-

цию отношения к прошлому нашла продолжение и в исследованиях по проблемам культурного наследования. Так, И. К. Кучмаева утверждает, «сегодня процесс наследования культуры не может рассматриваться как нечто второстепенное, внешнее по отношению к центральным задачам общепланетарного бытия» [4, с. 9].

Рерих не раз повторял, что без аналитического погружения в прошлое невозможно осмыслить будущее, потому так важно сохранять реликты прошлого. В статье «Радость творчества» он писал: «поучительно знать, как на местах самых древних достижений растут новые цветы человеческих знаний ... Эти эманации Культуры удобряют почву» [22, с. 181]. Проблема осмысления культурного достояния в контексте гуманистического развития общества продолжает раскрываться современными учёными. Так, Б. Л. Губман утверждает, что «памятники минувшего, реликты прошлого становятся живой составляющей ткани культуры лишь тогда, когда обретают гуманистический смысл в контексте традиции, диалога с, казалось бы, канувшим в Лету. Без этого им грозит участь остаться навсегда неразгаданной тайной, чьё содержание и смысл безвозвратно утрачено» [2, с. 292].

Данная идея стала основой концептуальных исследований Николая Константиновича на маршруте масштабной Центрально-Азиатской экспедиции (1923–1928), которая реализовалась, по мнению академика Алексея Павловича Окладникова, в духе лучших традиций русской науки [7, с. 5]. Маршрут проходил через Гималаи, Тибет, северо-западный Китай, Монголию и Горный Алтай. Цели экспедиции были многогранны: сбор этнографического и лингвистического материала, воссоздание живописной панорамы земель и народов Азии,

археологическая разведка. «Конечно, моё главное устремление как художника, – вспоминал Рерих, – было в художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления – так щедры эти дары Азии» [14, с. 100]. Маршрут экспедиции был выстроен по землям древнеазиатских культур, где каждая из культур явилась богатым многослойным полем для исследований. Рерих большое внимание уделил не только общим аспектам, которые объединяют различные культуры, но и акцентировал внимание на вопросах культурного взаимодействия народов.

Современник Рериха Вс. Иванов так описал роль художника в этом вопросе: «Вскрыв в России, как в культурном единстве, эти великие категории объединённых культур, являясь в этом отношении полным предтечей евразийцев, которые пришли в мир двумя десятками лет позднее его, опознав эти категории, которые в конечном счёте создали почти всю мировую культуру, Рерих стал это все закреплять в своём искусстве, подымая волну некоего русского новонационализма, не исключаяющего, а примиряющего и синтезирующего» [3, с. 215].

Художник был глубоко убеждён, что культурное сближение Востока и Запада даст единую гуманистическую основу для возрождения того и другого. Проблема «Восток-Запад» находится в фокусе внимания мыслителей уже не одну тысячу лет. Она связана с самыми различными проявлениями гуманистического, культурного и социально-исторического развития человечества. Центральная-Азиатская экспедиция Рериха внесла большой вклад в осмысление исторического и культурного единения Запада и Востока. У Рериха Культура

индивидуальна и народна, общечеловечна и космична. И чем самобытнее Культура отдельного народа в выражении своеобразия своего национального духа, чем более она открыта к общечеловеческим ценностям, тем содержательнее обогащает она свою и мировую культуру и тем плодотворнее участвует в эволюции всего человечества. «Культура, – пишет Николай Константинович, – утверждается в сердце народа и создаёт стремление к строительству» [16, с. 433].

Глубокая озабоченность Рериха судьбой материального и духовного наследия была вызвана не только его непосредственным участием в археологических экспедициях, но и его особым отношением к задачам совершенствования гуманистических основ жизни на планете. Серьёзным вызовом идеалу гуманизма он считал вандализм, обусловленный «параксизмами невежества». Он не мог равнодушно относиться к тому, что вандалы «прежде всего устремлены на всё самое высокое. Невежеству нужно что-то истребить, нужно отрубить чью-то голову, хотя бы каменную, нужно вырезать дитя из утробы матери, нужно искоренить жизнь и оставить “место пусто”. Вот идеал невежества. Оно приветствует безграмотность, оно улыбается порнографии, оно восхищается всякой пошлостью и подлостью...» [12, с. 174].

Глубокое сопереживание разрушению ценностных основ общества и аналитический взгляд на мемориальную культуру, которая отражает коллективную память, необходимую для становления коллективной идентичности, заставляет Рериха организовать международный проект – Пакт Мира (Пакт Рериха). Благодаря своему юридическому образованию в сфере гуманитарного права и в содружестве с деятелями искусства и науки разных стран ему удалось

реализовать данный проект, идеи которого позднее будут взяты за основу написания закона по охране и защите культурных ценностей Гаагской конвенции, принятой ЮНЕСКО в 1954 году.

Рерих был одним из первых в XX веке, кто своими действиями (создание культурных учреждений в России, Америке, Европе, Индии) указал путь на преодоление межгосударственных войн и религиозных разногласий через Культуру, предлагая её как возможный путь решения проблемы на уровне причины. У Рериха Культура и Мир – два неразрывно связанных понятия: «Если мы хотим достигнуть настоящего, действительного мира, – пишет он, – мы прежде всего должны думать о проведении в жизнь неотложных основ Культуры» [20, с. 253]. Художник часто повторял: «Там, где Культура, там и Мир» [10, с. 74]. Сохранение истинной красоты на Земле, созданной человеком в виде произведений искусства и архитектуры, явилось основной задачей Пакта Рериха. Это даёт человечеству возможность через эти творения созидать действительный Мир и продвигаться вверх по эволюционной лестнице.

Пакт Мира стал знаковым шагом в образовании гуманистического фундамента развития межкультурных отношений разных стран. Данный документ способствовал образованию в общественном сознании важнейших гуманистических констант по отношению к объектам культуры, которые только к концу XX века начали приобретать черты универсалий. Николай Константинович утверждал, что «Пакт для защиты культурных ценностей нужен не только как официальный орган, но и как образовательный закон, который с первых школьных дней будет воспитывать молодое поколение с благород-

ными идеями о сохранении ценностей человечества» [17, с. 85].

Пакт Мира и обращения к правительствам и народам всех стран впервые были опубликованы в Нью-Йорке в 1929 году, а уже в 1930 году в Брюгге были учреждены постоянные комитеты Пакта. В том же бельгийском городе в сентябре 1931 года была созвана Первая Международная конференция Пакта Рериха, в 1932-ом – Вторая. В конференциях участвовали представители правительств, военные, гражданские и культурные лидеры, художественные и научные общества, церковные иерархи, выступающие за принятие Пакта. Пакт был единогласно принят на Седьмой Конференции Панамериканского союза в Монтевидео. 14 апреля 1935 года в резиденции президента Франклина Рузвельта в Белом Доме договор Пакта был подписан. В этот период Комитеты Знамени Мира и Пакта Рериха активно действовали в Европе, Азии и Америке.

Концепция Пакта Мира состоит из трёх основных блоков:

- 1) необходимость разработки и осуществления комплекса мер, направленных на сохранение и передачу будущим поколениям наследия культуры;
- 2) необходимость сохранения памятников широкого типологического ряда;
- 3) необходимость организации охраны культурного наследия не только в военное, но и в мирное время.

В первом блоке проекта Николай Рерих определяет комплекс мер, позволяющих сохранять наследие культуры – это исследование и учёт, определение и реставрация памятников, а также создание эффективно работающей государственной системы охраны и организация общественного контроля.

Во втором блоке проекта Николай Рерих утверждает необходимость сохранения исторических ландшафтов и историко-культурной среды памятника. В данном блоке он также акцентирует внимание на необходимости сохранения исторических названий, обрядов, диалектов, народного творчества, обычаев, то есть всего того, что является «нематериальным культурным наследием».

Третий блок проекта включает в себя два направления, которые выбираются в зависимости от ситуации: мирное или военное время. Данная необходимость была установлена с учётом последствий многочисленных разрушений культурных объектов во время Первой мировой войны.

Важно отметить, что в Пакте человек на концептуальном уровне представлен как живой носитель культурных ценностей, который их интерпретирует, создаёт, распространяет и сохраняет для будущих поколений.

Идеи Пакта легли в основу для дальнейшей деятельности по сохранению объектов культуры – это позволяет рассматривать данный документ как гуманистический манифест сохранения культурного наследия

человечества. Они не утратили своей содержательности и в наше время, где находят своё практическое воплощение, например, в туризме. В данном контексте туризм имеет гуманитарный характер, направленный на популяризацию и бережение знаковых памятников мировой культуры.

Николай Рерих, беря на себя ответственность перед обществом и всем человечеством, явил образец ярого служителя культуры в лучших традициях идеи подвижничества. И в наши дни есть много примеров подвижнической деятельности во имя сохранения ценностей мировой культуры, например, Алисия Родригес, Далай Лама XIV.

Общественная деятельность и творческое наследие Рериха является яркими иллюстрациями выполненного русским художником гуманистического диалога культур всех континентов. основополагающий принцип Рериха – это единство, где стираются условные границы Востока и Запада. Во имя Красоты, Знания и Культуры Рерих призывал людей отбросить предубеждения друг к другу и взглянуть на мир с единой гуманистической точки зрения, культурологической в том числе.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. Москва : Мысль, 1990. 172 с.
2. Губман Б. Л. Введение в философию культуры // Современная философия культуры. Москва : РОССПЭН, 2005. 535 с.
3. Иванов Вс. Рерих – художник-мыслитель. Рига : 1937 // Держава Рериха : [сборник / сост. Д. Н. Попов]. Москва : Изобразительное искусство, 1994. 446 с.
4. Кучмаева И. К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. Москва : Государственная академия славянской культуры, 2006. 256 с.
5. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. Издание 2-е, доп. Москва : Детская литература, 1988. 237 с.
6. Мельников В. Л. Н. К. Рерих и Санкт-Петербургская палеоэтнологическая школа // Петербургский рериховский сборник. Выпуск I. Санкт-Петербург : Изд-во Буковского, 1998. 494 с.
7. Окладников А. П. Предисловие // Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982. 304 с.
8. Рерих Н. К. Воззвание художников // Новое время. 1914. 12 октября.
9. Рерих Н. К. Выставка картин В. М. Васнецова // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 6.

10. Рерих Н. К. Держава света ; Священный дозор / Международный центр Рерихов. Рига : Виета, 1992. 285 с.
11. Рерих Н. К. Дивинец // Царскосельский район и особый эвакуационный пункт. 1915. № 6.
12. Рерих Н. К. Жестокосердие // Зажигайте сердца : [О культуре и искусстве] / [вступ. ст., предисл. к главам и примеч. А. Д. Алехина]. [3-е издание, перераб.]. Москва : Молодая гвардия, 1990. 192 с. : ил.
13. Рерих Н. К. Из прошлой и настоящей жизни русского искусства // Искусство. 1905. № 4-8. С. 48–54 ; С. 143–151.
14. Рерих Н. К. Избранное / [сост. и авт. вступ. ст. В. М. Сидоров] ; худож. А. И. Гусева. Москва : Советская Россия, 1979. 382 с., 1 л. цв. ил. : ил.
15. Рерих Н. К. Иконы // Русское слово. 1913. 28 апреля.
16. Рерих Н. К. Культура – почитание света // Избранное / [сост. и вступ. ст., с. 3–20, В. М. Сидорова ; примеч. Д. Н. Попова ; ил. авт.]. Москва : Правда, 1990. 527 с., [5] л. цв. ил.
17. Рерих Н. К. Листы дневника. Том 1 : (1931–1935) / сост. Н. Г. Михайлова. 2-е издание. Москва : МЦР ; Мастер-Банк, 1999. 672 с.
18. Рерих Н. К. Наши художественные дела // Искусство и художественная промышленность. 1898. № 1-3 ; 1899. № 4, 5, 6.
19. Рерих Н. К. Об Искусстве : сборник статей / предисл. А. Д. Алехина, сост. С. А. Пономаренко. 2-е издание, испр. Москва : МЦР ; Мастер-Банк, 2005. 160 с.
20. Рерих Н. К. Почта // Знамя Мира : [сб. материалов] / сост. О. Н. Звонарева, Т. О. Книжник, Н. Г. Михайлова. 2-е издание, доп., перераб. Москва : МЦР ; Мастер-Банк, 2005. 644 с.
21. Рерих Н. К. Привет // Париж накануне войны в монотипиях Е. С. Кругликовой / в лит. отд. участвуют: К. Бальмонт, Александр Бенуа, Макс Волошин, Вячеслав Иванов, В. Курбатов, А. М. Ремизов, Н. К. Рерих, Федор Сологуб, гр. Ал. Н. Толстой, А. Н. Чеботаревская, Георгий Чулков ; худож. ред. В. Н. Левитский ; заставки, концовки и виньетки работы Е. С. Кругликовой. Петроград : Унион, худож. графич. заведение, 1916. 192 с.
22. Рерих Н. К. Радость творчества // Шамбала. Москва : МЦР ; Фирма БИСАН-ОАЗИС, 1994. 208 с.
23. Рерих Н. К. Старина // Новое время. 1903. 23 декабря.
24. Рерих Н. К. Старина на Руси // Зодчий. 1904. № 26, № 28, № 30.
25. Спиридонова Ю. В. Пакт Рериха в истории сохранения культурного наследия : диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии : 24.00.01 – теория и история культуры / Спиридонова Юлия Валентиновна. Санкт-Петербург, 2013. 188 с.
26. Шибаева М. М. Об этическом потенциале культурного подвижничества (на примере миротворческой деятельности Николая Рериха) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4 (84). С. 23–30.

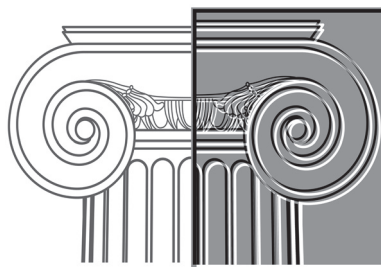
References

1. Berdyaev N. A. *The meaning of history*. Moscow, Mysl Publishers, 1990. 172 p. (In Russ.).
2. Gubman B. L. Introduction to the philosophy of culture. In: Gubman B.L. *Modern philosophy of culture*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2005. 535 p. (In Russ.).
3. Ivanov Vs. Roerich is an artist-thinker. Riga: 1937. In: Popov D. N., comp. *Roerich State*. Moscow, Fine Arts Publishing House, 1994. 446 p. (In Russ.).
4. Kuchmaeva I. K. *Social patterns and mechanisms of cultural inheritance*. Moscow, Publishing House of the State Academy of Slavic Culture, 2006. 256 p. (In Russ.).
5. Likhachev D. S. *Letters about good and beautiful*. 2nd edition. Moscow, Publishing House "Children's Literature", 1988. 237 p. (In Russ.).
6. Melnikov V. L. N. K. Roerich and the St. Petersburg paleoethnological school. In: *St. Petersburg Roerich collection*. Issue I. St. Petersburg, Bukovsky Publishing House, 1998. 494 p. (In Russ.).
7. Okladnikov A. P. Foreword. In: Roerich Yu. N. *On the paths of Central Asia*. Khabarovsk, 1982. 304 p. (In Russ.).

8. Roerich N. K. Appeal of artists. *New time*. 1914. 12 October. (In Russ.).
9. Roerich N. K. Exhibition of paintings by V. M. Vasnetsov. *Art and art industry*. 1899, no. 6. (In Russ.).
10. Roerich N. K. *Power of light; Sacred Watch*. Riga, Publishing House "Vieda", 1992. 285 p. (In Russ.).
11. Roerich N. K. Divinets. *Tsarskoselsky district and a special evacuation point*. 1915, no. 6. (In Russ.).
12. Roerich N. K. Cruelty. *Ignite Hearts. About culture and art*. 3rd edition. Moscow, Publishing House "Molodaya gvardiya", 1990. 192 p. (In Russ.).
13. Roerich N. K. From the past and present life of Russian art. *Art*. 1905, no. 4-8, pp. 48–54; pp. 143–151. (In Russ.).
14. Roerich N. K. *Favorites*. Moscow, Publishing House "Sovet Russia", 1979. 382 p. (In Russ.).
15. Roerich N. K. Icons. *Russian word*. 1913. 28 April. (In Russ.).
16. Roerich N. K. Culture – reverence for light. In: Sidorov V. M., comp. *Favorites*. Moscow, Publishing House "Pravda", 1990. 527 p. (In Russ.).
17. Roerich N. K. *Diary sheets. Volume 1: (1931–1935)*. 2nd edition. Moscow, Published by Roerich international Center, Master Bank, 1999. 672 p. (In Russ.).
18. Roerich N. K. Our Artistic Affairs. *Art and Art Industry*. 1898, no. 1-3; 1899, no. 4, 5, 6. (In Russ.).
19. Roerich N. K. *About Art*. 2nd edition. Moscow, Published by Roerich international Center, Master Bank, 2005. 160 p. (In Russ.).
20. Roerich N. K. Mail. In: Zvonareva O. N., Knizhnik T. O., Mikhailova N. G., comps. *Banner of Peace*. 2nd edition. Moscow, Published by Roerich international Center, Master Bank, 2005. 644 p. (In Russ.).
21. Roerich N. K. Privet. In: *Paris on the eve of the war in monotypes by E. S. Kruglikova*. Petrograd, 1916. 192 p. (In Russ.).
22. Roerich N. K. The joy of creativity. *Shambhala*. Moscow, Published by Roerich international Center, Firm BISAN-OASIS, 1994. 208 p. (In Russ.).
23. Roerich N. K. Old. *New time*. 1903. 23 December. (In Russ.).
24. Roerich N. K. Old man in Russia. *Architect*. 1904, no. 26, 28, 30. (In Russ.).
25. Spiridonova Yu. V. *The Roerich Pact in the history of preservation of cultural heritage. Cand. cult. st. diss.* St. Petersburg. 2013. 188 p. (In Russ.).
26. Shibaeva M. M. On the ethical potential of cultural asceticism (on the example of the peacemaking activities of Nicholas Roerich). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2018, no. 4 (84), pp. 23–30. (In Russ.).

*

СОВРЕМЕННЫЕ
КУЛЬТУРНЫЕ
ПРАКТИКИ

ТВОРЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ КАК ДРАЙВЕР РОСТА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

УДК 304.444

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-152-167>

С. С. Ипполитов

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Российская Федерация,
e-mail: nivestnik@yandex.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка доказать наличие взаимосвязи между уровнем развития творческих индустрий в региональных туристических центрах и уровнем развития потребительского рынка. В этом контексте изучены статистические данные трёх городов «Золотого Кольца России»: Плёса, Суздаля и Мышкина. На основе анализа открытых данных Министерства культуры РФ и Росстата установлена зависимость динамики отраслей региональной экономики, связанных с обслуживанием туристических потоков, от уровня развития творческой индустрии региона. По итогам исследования сформулированы рекомендации по развитию творческих кластеров как драйверов региональных экономик.

Ключевые слова: творческий кластер, брендинг территории, региональная экономика, интеллектуальная собственность, потребительский рынок, экономика культуры.

Для цитирования: Ипполитов С. С. Творческие кластеры как драйвер роста региональных экономик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 152–167. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-152-167>

CREATIVE CLUSTERS AS A GROWTH DRIVER FOR REGIONAL ECONOMIES

Sergey S. Ippolitov

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation, e-mail: nivestnik@yandex.ru

Abstract: The article attempts to prove the existence of a relationship between the level of development of creative industries in regional tourist centers and the level of development of the consumer market. In this context, the statistical data of three cities of the Golden Ring of Russia are studied: Ples, Suzdal and Myshkin. Based on the analysis of open data of the Ministry of Culture of the Russian Federation and Rosstat, the dependence of the dynamics of regional economic sectors related to the service of tourist

ИППОЛИТОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени
Д. С. Лихачёва, Российская государственная академия интеллектуальной собственности

IPPOLITOV SERGEY SERGEEVICH – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher of the D. S. Likhachev
Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Russian State Academy of Intellectual Property

© Ипполитов С. С., 2021

flows on the level of development of the creative industry of the region is established. Based on the results of the study, recommendations are formulated for the development of creative clusters as drivers of regional economies.

Keywords: creative cluster, branding of the territory, regional economy, intellectual property, consumer market, cultural economy.

For citation: Ippolitov S. S. Creative clusters as a growth driver for regional economies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 152–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-152-167>

В современной постиндустриальной экономике мира всё большее значение приобретает развитие творческих индустрий, как сферы деятельности, порождающей значимый синергетических эффект во всех областях экономической, социальной и общественной жизни. Творческие, или креативные, индустрии во многих случаях становятся тем драйвером, который обеспечивает возникновение точек роста в областях и регионах, которые по тем или иным причинам оказались вне генеральных направлений экономического развития. Сравнительно небольшие ресурсы, необходимые для старта опережающего развития; ключевое значение интеллектуальной собственности; вовлечение в индустрию наименее защищённых слоёв населения с высоким уровнем образования и традиционно низкими доходами; создание условий для зарождения и развития малых форм предпринимательства в культурной сфере – эти и целый ряд иных ощутимых эффектов в короткий срок становятся следствием развития творческих индустрий в региональном контексте. Особое значение в этом смысле приобретает так называемое брендинг территории – целенаправленные действия местных администраций и креативного класса по созданию положительного и привлекательного образа страны или региона в восприятии окружающего мира. Это понятие включает в себя формирование ментальной

конструкции, вызывающей положительные ассоциации с местом, людьми, культурой, продуктом. Часто территориальный бренд связывается в сознании с конкретной потребительской продукцией: швейцарский сыр, итальянские вина, греческие маслины. Однако значительно больший потенциал имеет творческое и культурное брендинг, направленное на узнаваемость территории, её привлекательность в глазах жителей страны и мира. Создание культурной «ауры» места, формирование притягательного и интересного образа региона; возрождение старинных и создание новых мифов влекут за собой увеличение туристических потоков, развитие экономики региона, появление новых рабочих мест, рост доходов местного населения и региональных бюджетов. В. А. Васина справедливо отмечает, что «для проектирования бренда территории нужно определиться, что именно является основополагающим фактором развития экономики города или же носит под собой социально-культурную или историческую значимость. Даже узкие бренды во многом могут стать ассоциативными по отношению к данной стране у других игроков рынка, туристов и инвесторов» [1].

Роль творческих индустрий в процессе брендинга территории является ключевой. Постоянная «подпитка» культурного и исторического облика региона творческими, спортивными, культурными мероприя-

тиями не позволяет ослабевать интересу внешней аудитории. Активное продвижение творческих индустрий региона в СМИ, социальных сетях, рекламе; создание информационных новостных поводов, связанных с культурной жизнью региона, привлекают туристический интерес. Как отмечают авторы исследования «Проблемы формирования философии брендинга в современной России», «упор должен делаться на преимущества региона, имеющие ценность в глазах потенциальных потребителей. Инструментами, доказавшими свою эффективность в процессе формирования бренда, выступают кинематограф и телевидение. Благодаря именно сериалам и фильмам возникли стереотипы “Бандитский Петербург”, “Москва слезам не верит” и многие другие. Организация на территории области международных спортивных или тематических событий, как-то Олимпийские игры, Чемпионаты мира, Евровидение, способствует росту популярности региона, дополнительному финансированию его развития, что позволяет повышать благосостояние его жителей» [2].

Особая роль в брендинге территории принадлежит природному и культурному наследию региона. Оно является тем базовым капиталом, на котором, как правило, строится и произрастает местная творческая индустрия. При этом в деятельности организаций культуры и предприятий творческой индустрии неизбежно возникает правовая коллизия. Статья 53 «Основ законодательства РФ о культуре» даёт право организациям культуры «использовать собственную символику (официальное и другие наименования, товарный знак, эмблему) в рекламных и иных целях, а также разрешать такое использование другим юридическим и физическим лицам на договорной

основе. Предприятия, учреждения и организации могут изготавливать и реализовывать продукцию (в том числе рекламную) с изображением (воспроизведением) объектов культуры и культурного достояния, деятелей культуры при наличии официального разрешения владельцев и изображаемых лиц. Плата за использование изображения устанавливается на основе договора. При использовании изображения без разрешения применяются нормы законодательства Российской Федерации. Юридические и физические лица осуществляют туристско-экскурсионную деятельность на объектах культуры только на основе договоров с органами и организациями культуры» [3].

Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» прямо указывает, что «производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций, зданий музеев, объектов, расположенных на территориях музеев, а также с использованием их названий и символики осуществляется с разрешения дирекций музеев» (часть 3 статьи 36). Данное положение является расширенным толкованием части 3 статьи 53 «Основ законодательства РФ о культуре», обязывающей субъектов предпринимательской деятельности, производящих такую продукцию, получать соответствующее разрешение.

Вместе с тем статья 1281 ГК РФ определяет срок действия исключительного права на произведение. Такое право принадлежит автору в течение всей жизни и последующие 70 лет. По истечении названного срока произведение искусства переходит в общественное достояние, в силу чего мо-

жет свободно использоваться любым лицом без чье-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения.

В результате мы видим противоречие норм ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», устанавливающих для всех лиц обязанность получения разрешения на использование изображений культурных ценностей, и ГК РФ, прямо разрешающим свободное использование таких изображений.

Означенная правовая коллизия может являться существенным сдерживающим фактором для развития творческой индустрии региона, поскольку брендинг территории и создание на ней творческого кластера невозможны без участия бизнеса, в своей коммерческой деятельности «эксплуатирующего» местное культурное наследие, создавая на его основе новую интеллектуальную собственность.

С целью выяснить место творческой индустрии в развитии экономики региона, а также роль объектов авторского права в этом процессе проанализируем несколько региональных брендов и попробуем установить взаимосвязь развития творческих кластеров на их территории с экономическими маркерами, сигнализирующими о развитии или стагнации местного потребительского рынка. Если удастся доказать существо-

вание закономерности в логической цепи «культурный и исторический потенциал региона – развитие на его основе творческой индустрии – появление объектов интеллектуальной собственности – возникновение объектов малого бизнеса – развитие потребительского рынка», то будет сформирован работающий алгоритм регионального развития на основе творческого и культурного потенциала места.

Для решения поставленной задачи обратимся к наиболее успешным региональным игрокам туристического рынка, демонстрирующим в последние десятилетия устойчивый туристический интерес, базирующийся на устоявшихся региональных брендах: городам Плёт, Суздаль и Мышкин. Этим муниципальным образованиям за исторически короткий срок удалось создать и развить на своих территориях творческие кластеры, опирающиеся в своей деятельности на богатое культурное и историческое наследие. Кроме того, эти три города, имеющие устоявшиеся территориальные бренды, демонстрируют различные модели коммерциализации интеллектуальной собственности в сфере творческой индустрии.

Вот как, по версии портала ТурСтат, выглядит рейтинг самых посещаемых городов малой России (на 2018 год) [4]:

Таблица 1

№	Город	Количество жителей	Количество туристов	Количество туристов на 1 жителя города
1	Плёс, Ивановская область	2 300	400 тыс.	173
2	Суздаль, Владимирская область	10500	1,7 млн	162
3	Кириллов, Вологодская область	7700	600 тыс.	78

№	Город	Количество жителей	Количество туристов	Количество туристов на 1 жителя города
4	Болгар, Республика Татарстан	8700	21 тыс.	60
5	Мышкин, Ярославская область	5900	203 тыс.	34
6	Городец, Нижегородская область	30700	660 тыс.	22
7	Сергиев Посад, Московская область	110900	2 млн.	18
8	Выборг, Ленинградская область	80000	1 млн.	13
9	Углич, Ярославская область	34500	410 тыс.	12
10	Великий Устюг, Вологодская область	31700	300 тыс.	9

Выбранные нами города занимают первое, второе и пятое места соответственно. Такой выбор был обусловлен, с одной стороны, безусловным лидерством Плеса и Суздаля в привлечении туристов; с другой – уникальными компетенциями Мышкина, где практически с нуля, без наличия уникальных исторических или культурных объектов была создана развитая туристическая инфраструктура. Статистическая информация для анализа была получена с портала Росстата и открытых данных Министерства культуры РФ.

При анализе мероприятий творческой индустрии города Мышкин нетрудно заметить, что все они, так или иначе, обыгрывают в своём названии и содержательной части территориальный бренд, ставший визитной карточкой этого очень небольшого по размерам и количеству жителей города. Мышь, как образ, обыгрывается в названиях мероприятий, создан единственный

в своём роде музей; массово продаются сувениры с изображением этого ключевого персонажа; мышь стала предметом народно-художественной культуры и прикладных ремесёл. Вот лишь небольшая часть мероприятий творческой индустрии города, в которых используется этот территориальный бренд: Зимние святки в с. Поводнево, Кацкие краеведческие чтения, Масленичный балаган в с. Поводнево, Праздничная программа «Масленка примаскалила! / Масленица пришла!», Масленичный разгуляй в Мышгороде, «В гости к мельнику на блины», Народные гулянья «Мышкинская масленица», VIII Российско-Болгарская Вокально-Хоровая Ассамблея «Мышкинская сказка», Мышкинский полумарафон «По шести холмам» в рамках проекта «Бегом по “Золотому кольцу”», «А моё полохало...» (детский праздник огородного пугала), Встреча потомков старинных Мышкинских фамилий на земле предков

«Мышкинское землячество», «Иван Купала с древними традициями и обычаями», Всероссийский семейный фестиваль русской традиционной культуры «Семейный круг», «Фестиваль Мыши», «Новогодние потехи в мышинном царстве», «Рождественское предложение от Мышгорода», Праздничная программа «Святки – это дарома! Святки – это хорошо!» [5]. В Мышкине действует единственный в мире Музей мыши (собрание разнообразных изображений мыши: игрушки, посуда, скульптура и т.д.). Музей под открытым небом включает 16 традиционных народных построек: дома, амбары, кузницы, бани. Дворец мыши (Мышкины палаты), Музей валенка, Мышкинский самоход [6].

Попробуем проанализировать соотношение мероприятий в сфере культуры этого творческого кластера. Для решения поставленной задачи обратимся к открытым данным Министерства культуры РФ. Рубрика «Мероприятия в сфере культуры» на портале Минкультуры предоставляет значительный массив информации о проведении тех или иных мероприятий по регионам страны. К сожалению, не все регионы должным образом отчитываются о своей культурной жизни, поэтому имеющийся массив источников по некоторым муниципальным образованиям носит фрагментарный характер.

Мероприятия в сфере культуры классифицируются порталом открытых данных по нескольким категориям: встречи, выставки, концерты, праздники, обучение, спектакли, экскурсии, выставки, прочие. Собственно, к мероприятиям творческой индустрии без оговорок можно отнести три из них: концерты, праздники, спектакли. Прочие мероприятия в большей степени предполагают образовательную компоненту. К таковым относятся экскурсии, обуче-

ние, выставки, встречи. К категории «прочие» отнесены, как правило, просветительские мероприятия, спортивные соревнования, мастер-классы, викторины, познавательные беседы, официальные мероприятия. Все они, безусловно, содержат компоненту творческих индустрий, но для чистоты эксперимента ограничимся лишь тремя упомянутыми выше категориями мероприятий творческой индустрии.

Для более полного понимания процессов, происходящих в творческой сфере исследуемых регионов, использовалась также информация из иных открытых источников: рекламных порталов, агрегирующих соответствующие данные о творческой деятельности; сайты местных администраций; социальные сети.

Соотношение доли мероприятий в сфере культуры города Мышкин позволяет оценить диаграмма 1. На ней отчётливо просматривается резкое отставание мероприятий творческой индустрии от всех прочих, которые планируется реализовать в 2021 году. Местная администрация сконцентрировала все имеющиеся ресурсы на продвижении просветительской и образовательной компоненты в городских мероприятиях. На долю творческой индустрии приходится лишь 4% от запланированной общественной активности в городе (см. диаграмму 1).

Принципиально иную парадигму продвижения собственного творческого кластера избрало городское поселение Плёское Приволжского муниципального района Ивановской области (город Плёс). Не обладающий, подобно Мышкину, столь удачным и легко тиражируемым образом Плёс демонстрирует впечатляющую динамику развития своей творческой индустрии, позволяющую говорить о существовании собственного городского креатив-

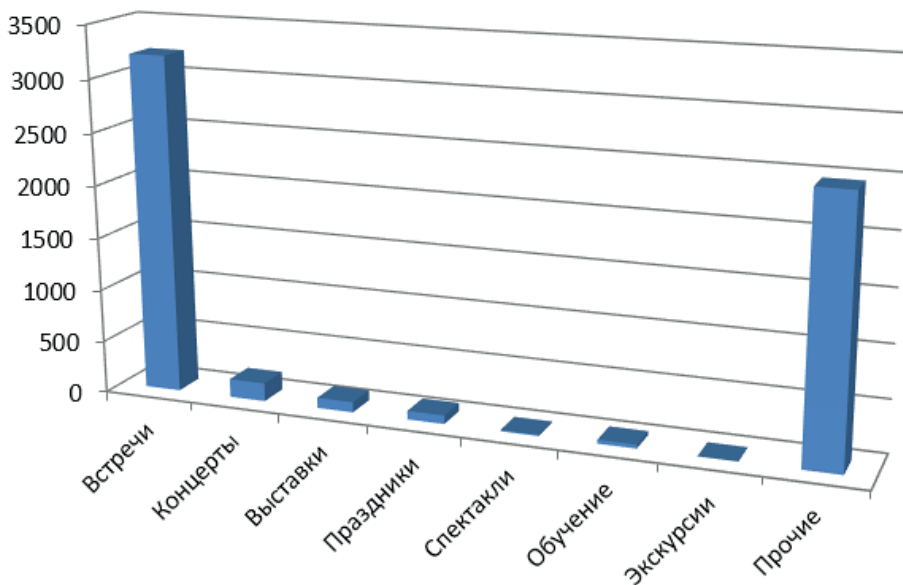

Диаграмма 1

Соотношение доли мероприятий в сфере культуры. г. Мышкин, 2021 год

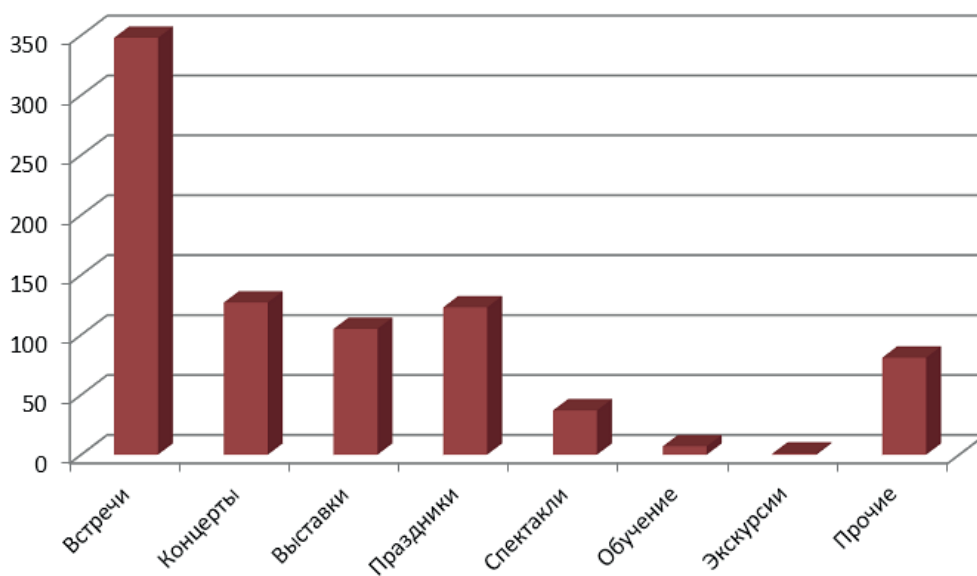
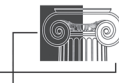

Диаграмма 2

Соотношение доли мероприятий в сфере культуры. г. Плёс, 2021 год

ного, творческого кластера, обеспечивающего рекордный приток туристов со всей страны. Всего лишь две с небольшим тысячи жителей города обслуживают 400 тысяч туристов в год; на каждого жителя, как уже было сказано выше, «приходится» более 173-х туристов.

Городская администрация и местный бизнес, занятый в творческой индустрии, на регулярной основе организуют в городе гастроли ведущих эстрадных исполнителей, столичных театров, проводят собственные креативные фестивали и выставки. Так, на 2021 год в Плесе запланированы спектакли столичных театров с участием ведущих актёров: спектакль «Осенняя соната» театра «Современник» с участием Марины Нееловой; «Сон в летнюю ночь» Мастерской Петра Фоменко; спектакль «Старший сын» с Виктором Сухоруковым в главной роли; спектакль «Евгений Онегин» Театра имени Вахтангова с Сергеем Маковецким в главной роли; спектакль «Москва-Петушки» Студии театрального искусства.

На 2021 год в Плесе планируется также проведение Фестиваля воздушных шаров; Фестиваля фейерверков; Фестиваля красок холи (ежегодный индуистский фестиваль весны); Международного кинофестиваля «Зеркало» имени Андрея Тарковского; Левитановского музыкального фестиваля; Дачного фестиваля имени Шаляпина; Плесского анимационного фестиваля; камерной программы Московского Пасхального фестиваля; ежегодного российского фестиваля моды «Плесь на Волге. Льняная палитра».

На текущий год Плес запланировал гастроли в городе Гарика Сукачева, Леонида Агутина, группы «Чайф», Ёлки, Валерия Меладзе, группы «Звери», Елены Ваенги, Ани Лорак, Дидюли, Владимира Преснякова, групп «Машина времени», «Руки Вверх»,

Басты и целого ряда других популярных исполнителей. Будут проведены Выставка камней, Туристические выставки, Выставка Никаса Сафронова [7] (см. диаграмму 2).

На диаграмме хорошо видна доля концертов, праздников и спектаклей в плане городских культурных мероприятий. Их совокупный вес превысил 37%, обеспечив самый заметный вклад творческой индустрии в экономику города.

Суздаль – город-заповедник во Владимирской области, административный центр Суздальского района, входит в «Золотое Кольцо России», образует муниципальное образование город Суздаль со статусом городского поселения как единственный населённый пункт в его составе. Суздаль традиционно является одним из самых востребованных туристических центров страны благодаря богатейшему историко-культурному наследию. Обилие памятников культуры предопределило парадигму развития городского творческого кластера и его креативной индустрии. Суздаль не стал, подобно Плесу, концертной и театральной площадкой. Основу его творческой индустрии составляет выставочная и экспозиционная деятельность.

Администрация города определила концепцию его развития в качестве полифункционального туристского центра. В Постановлении администрации муниципального образования город Суздаль № 926 от 29.12.2017 «Об утверждении муниципальной программы “Развитие туризма в городе Суздале на 2018–2020 годы”» определена «необходимость развития в Суздале различных направлений туристской деятельности: экскурсионного, научного, делового, фестивального, религиозного, оздоровительного, спортивного, экологического, караванного и др. Суздаль следует рассматривать как

региональный и федеральный туристский центр. Приоритетным направлением является развитие маршрутов выходного дня и долгосрочных маршрутов» [8].

Однако заявленное в Программе развитие фестивального, религиозного, экологического туризма пока не находит отражения в планах городских мероприятий, а финансирование развития туристической отрасли из городского бюджета неуклонно снижается: 2018 – 19250,3 тыс. руб.; 2019 – 18135,8 тыс. руб.; 2020 – 12891,8 тыс. руб. [9]

В условиях дефицита бюджетного финансирования творческая индустрия города находит возможности для реализации фестивальных проектов. На 2021 год в Суздале запланировано проведение Открытого российского фестиваля анимационного кино, являющегося главным смотром российской мультипликации; Праздника огурца в Музее деревянного зодчества; ежегодного фестиваля русской бани; Международной творческой школы «Новые имена»; ежегодного «Suzdal Blues-bike Festival».

Выставочная деятельность в городе сконцентрирована в местных учреждениях культуры; основными выставочными площадками Суздаля остаются городские библиотеки. В 2021 году там запланированы: выставка «Талантливый американец» (Боголюбовская поселковая библиотека); выставка-просмотр «Сергей Донатович Довлатов, писатель и публицист» (Суздальская центральная районная библиотека); выставка «Жизнь как событие: Коко Шанель»; выставка-экскурсия «Дорогами народных сказок»; книжная выставка «Не стыдно ни за одну строчку...»; книжная выставка «Фантастические миры Герберта Уэллса»; выставка детского рисунка «Осенние зарисовки»; выставка «Дары природы» [10].

Сведения городских информационных ресурсов подтверждаются открытыми данными Министерства культуры РФ. Статистика по рубрике «Мероприятия в сфере культуры» за 2021 год по Суздалю содержит 3 197 записей, большинство которых

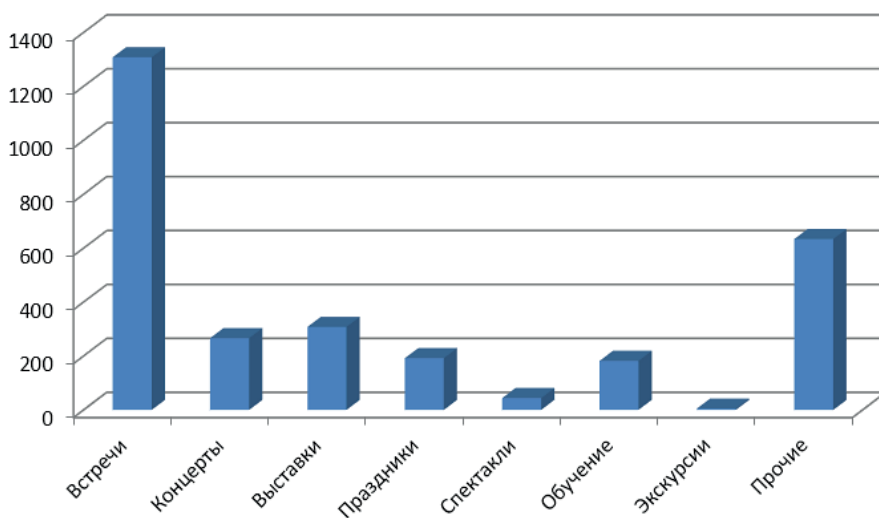

Диаграмма 3

Соотношение доли мероприятий в сфере культуры. г. Суздаль, 2021 год

относится к выставочной деятельности [11] (см. диаграмму 3).

Чтобы оценить вклад творческой индустрии в региональную экономику, роль и значение творческого кластера в развитии городского хозяйства, обратимся к данным Росстата. Следует оговориться, что предоставляемые регионами статистические данные крайне фрагментарны, по некоторым отраслям и видам деятельности информация отсутствует вовсе. Кроме того, существенную роль на экономические показатели регионов в последние два года оказала пандемия и ограничительные меры с ней связанные. Однако при анализе доступного массива данных за последние пятнадцать лет удаётся выявить достаточно убедительные тренды, на которые не повлияли кризисные факторы 2019–2020 годов.

При анализе статистической информации по развитию творческой индустрии в изучаемых регионах прослеживается корреляция между их долей в общем плане культурных и образовательных мероприя-

тий, позицией региона в рейтинге туристической популярности и развитием потребительского рынка. Так, доля творческой индустрии в плане мероприятий Плёса на 2021 год (концертные программы, праздники и спектакли) составила 34,6%. В Суздале этот индикатор оказался равен 17%; в Мышкине – 4% (см. диаграмму 5). Фрагментарность источниковой базы не позволяет произвести анализ всех десяти призёров туристического рейтинга – в открытых данных Министерства культуры РФ искомая информация отражена в малой степени. Вместе с тем сопоставление места в рейтинге с развитием творческой индустрии исследуемых городов говорит само за себя: место в рейтинге точно коррелирует с процентным соотношением творческих мероприятий: первое место занимает Плёс – 34,6%; второе место Суздаль – 17%, на пятом месте Мышкин – 4%. В итоге сравнительная диаграмма доли творческой индустрии в плановых мероприятиях трёх исследуемых городов выглядит следующим образом:

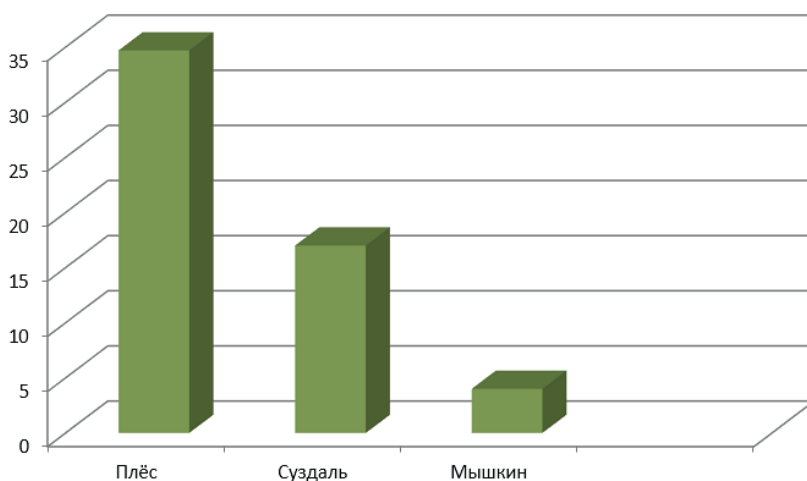

Диаграмма 4
**Процентное соотношение доли творческих индустрий
в программах городских мероприятий, 2021 год**

Выявленные закономерности в развитии творческих индустрий трёх региональных туристических центров позволяют перейти к следующему этапу исследования: изучению корреляции творческого потенциала с развитием потребительского рынка муниципальных образований.

В статистических данных по городу Мышкин обнаруживаются два индикатора, наиболее полно отражённые в открытых данных и позволяющие с высокой точностью определить доминирующие тренды в такой показательной отрасли, как розничная торговля, поскольку именно она тесно связана с обслуживанием туристических потоков. Нетрудно заметить, что с 2006 года по настоящее время количество объектов розничной торговли в Мышкине выросло более чем в 2,5 раза (см. таблицу 1). На графике заметен слом восходящей тенденции, обусловленный эпидемиологической обстановкой в стране в 2019–2020 годы, однако возрастающий тренд очевиден: количество объектов розничной торговли в г. Мышкин неуклонно растёт, и эта тенденция, судя по всему, будет продолжаться (см. диаграмму 5).

Другим, близким по смыслу, индикатором экономического самочувствия региона является площадь торговых залов объектов розничной торговли в городе (см. таблицу 2). Этот параметр демонстрирует ещё более убедительную динамику. Кризисные явления последних двух лет не сказались существенным образом на этом показателе городской экономики; восходящий тренд этого графика ещё более очевиден, нежели аналогичный индикатор количества объектов розничной торговли (см. диаграмму 6).

Наиболее полно представленной статистической информацией по городу Плётс является количество мест в ресторанах, барах

и кафе, иная статистическая информация передаётся местной администрацией в Росстат крайне нерегулярно. Но и этой имеющейся информации достаточно, чтобы обнаружить взрывной рост потребительского сектора города за последние десять лет. Так, с 2010 по 2020 год этот параметр вырос в 5 раз; сгенерированный тренд указывает на продолжающийся рост сектора экономики, обслуживающего туристические потоки (см. диаграммы 7, 8)).

Иную картину можно наблюдать при анализе предполагаемого вклада творческой индустрии в экономику города Суздаль. Приходится констатировать, что своим ведущим местом в рейтинге наиболее посещаемых туристических центров России Суздаль обязан своему уникальному культурному наследию, нежели целенаправленной политике по созданию творческого кластера и развитию креативной индустрии. Мы не обнаруживаем в местных экономических индикаторах взрывного роста, подобно тому, что наблюдался в сфере общественного питания Плётса. Индикатор «Площадь торговых залов объектов розничной торговли» (см. таблицу 4) демонстрирует в Суздале положительную динамику, но она имеет более пологий тренд, обусловленный, вероятно, общим экстенсивным развитием, нежели активными действиями по активизации творческой индустрии.

Индикатор «Количество мест в ресторанах, барах, кафе» демонстрирует стагнацию отрасли в 2006–2019 годы: малый бизнес в сфере общественного питания не видит стимулов к развитию (см. диаграмму 9, 10)).

Выводы и рекомендации

1. Выявление и анализ вклада творческих индустрий в экономику Российской Федерации до сих пор представляет методологическую проблему. Оценка денежно-

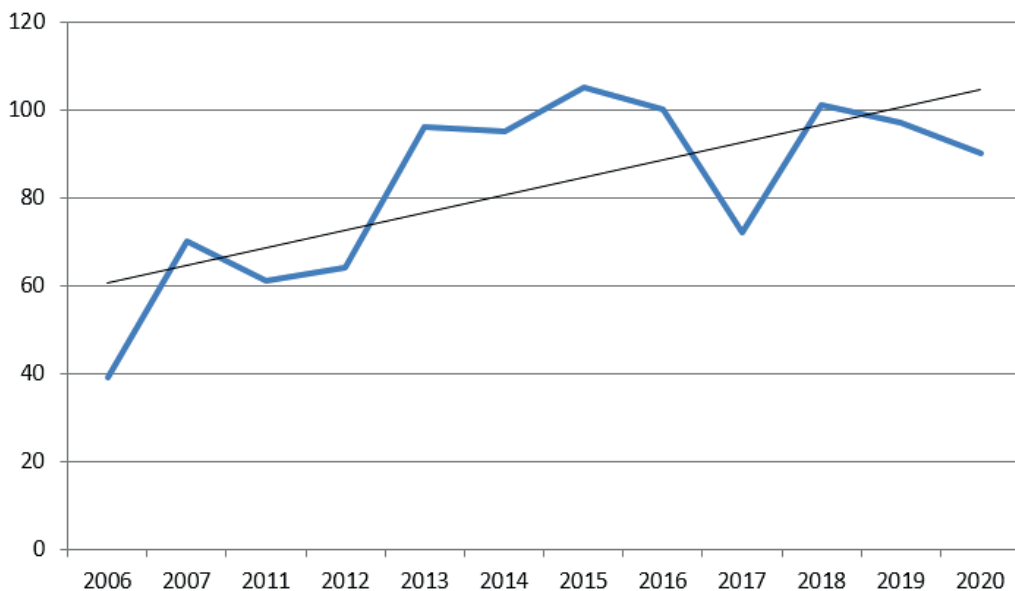

Диаграмма 5
Количество объектов розничной торговли. г. Мышкин, 2006–2020 годы
 (по данным Росстата)

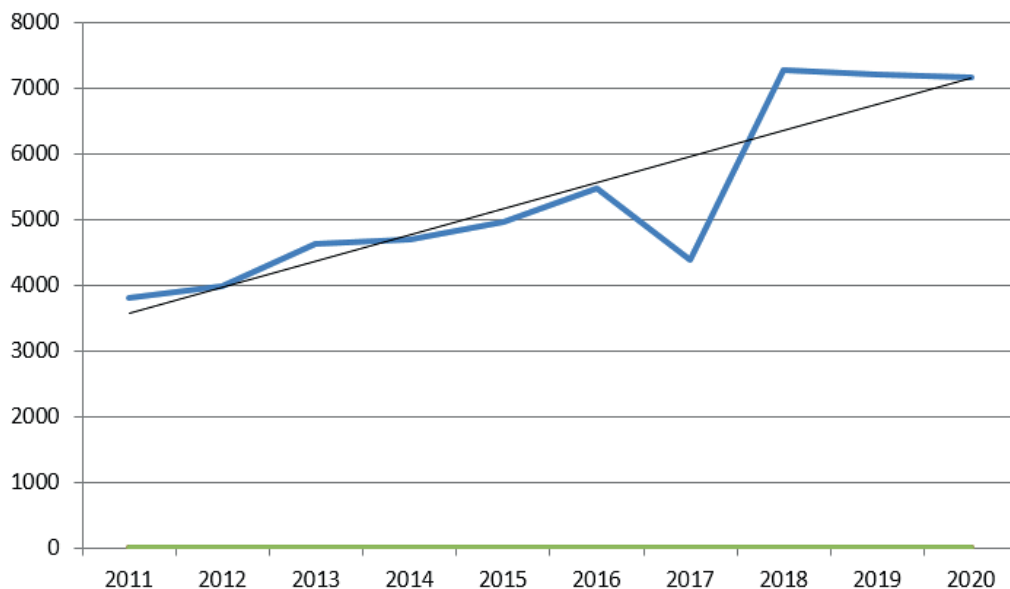

Диаграмма 6
Площадь торговых залов объектов розничной торговли г. Мышкин, 2011–2020 годы

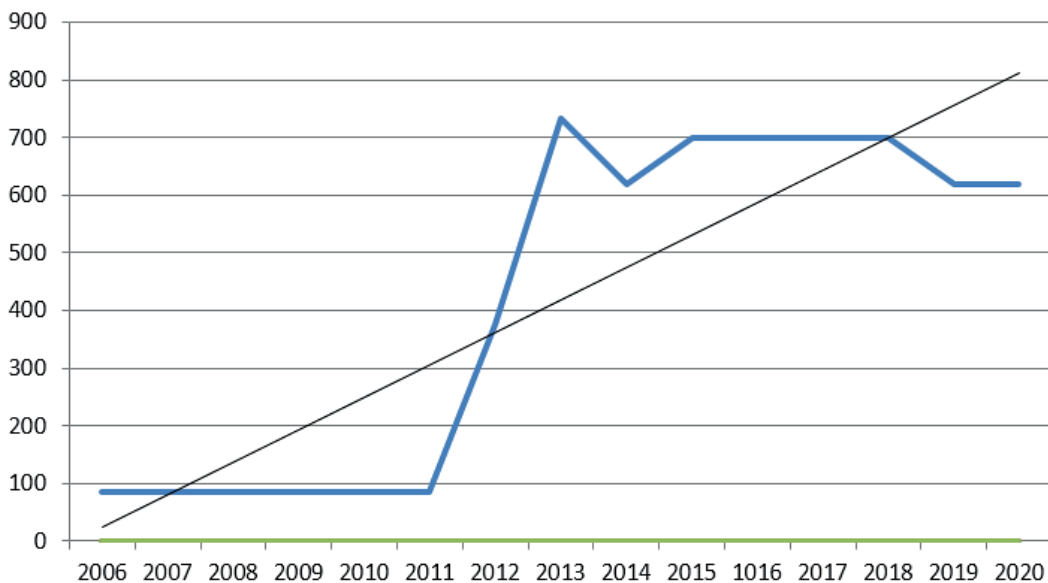

Диаграмма 7

Приволжский муниципальный район, городское поселение Плёское
Количество мест в ресторанах, барах, кафе. 2006–2020 годы

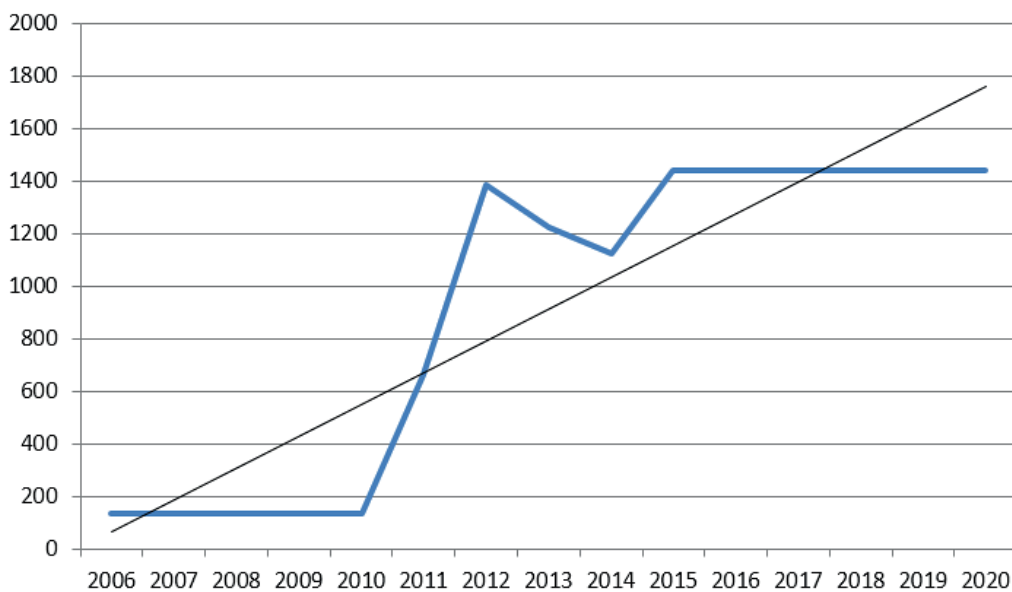

Диаграмма 8

Приволжский муниципальный район. Городское поселение Плёское
Площадь в ресторанах, барах, кафе. 2006–2020 годы (в кв. м)

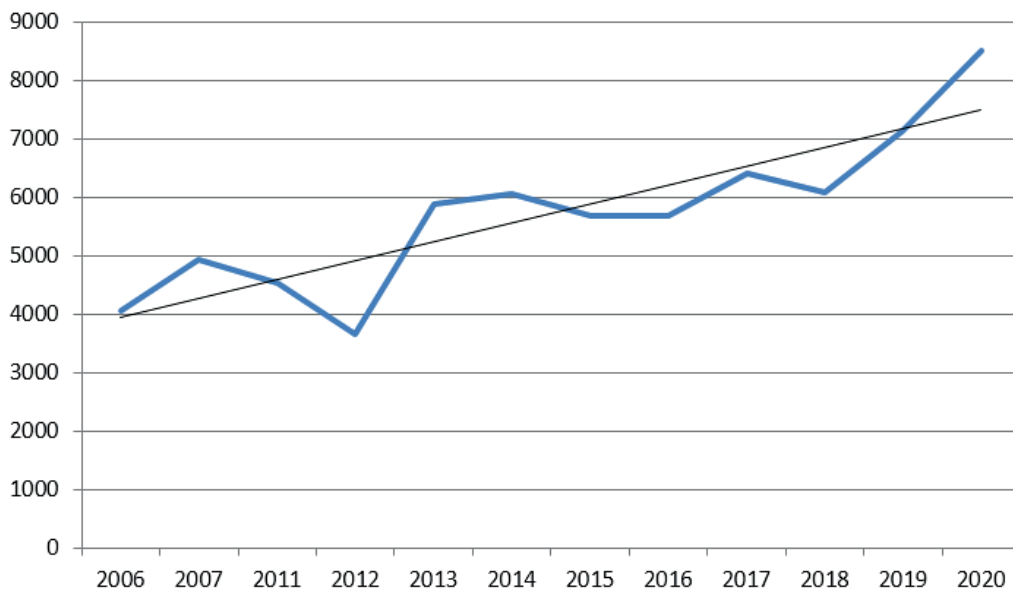

Диаграмма 9

Площадь торговых залов объектов розничной торговли. г. Суздаль, 2006–2020 годы

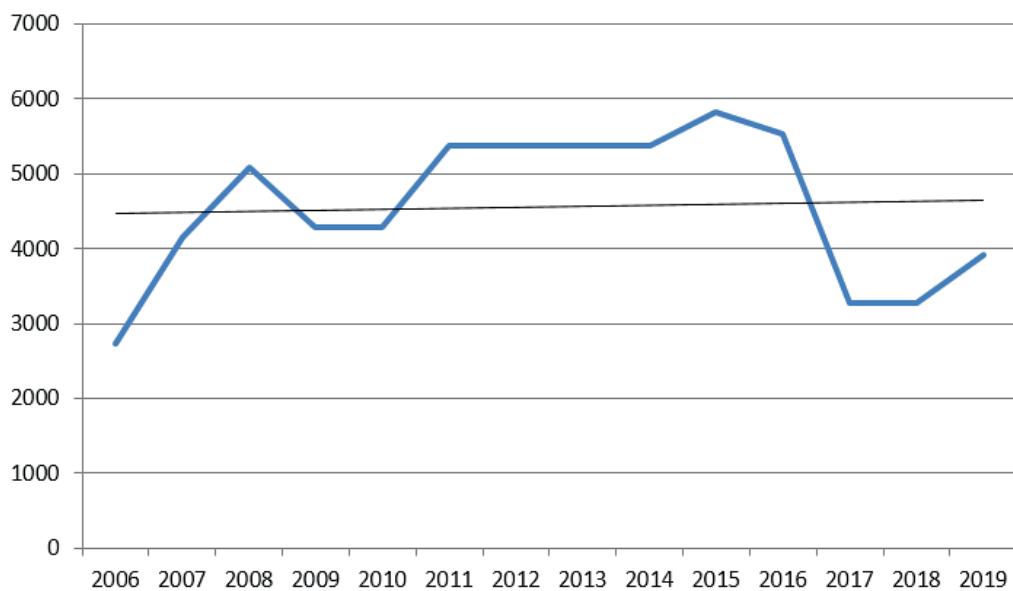

Диаграмма 10

Количество мест в ресторанах, барах, кафе в г. Суздаль, 2006–2019 годы

го оборота предприятий индустрии и налоговых поступлений в местные бюджеты не полностью отражает синергетический эффект от возникновения на определённой территории творческого кластера и развития в его границах творческой индустрии. Назрела необходимость в создании более сложного механизма оценки воздействия креативной индустрии на региональные экономики. Одним из таких механизмов может стать анализ индикаторов потребительского рынка региона в корреляции с развитием творческой индустрии в его условных границах. Результаты проведённого экспресс-анализа на примере трёх туристических центров «Золотого Кольца России» свидетельствуют о наличии неоспоримой связи между творческими мероприятиями региона, количеством туристов и развитием потребительского рынка. Активная деятельность предприятий творческой индустрии и местных властей способствует росту туристических потоков, который влечёт за собой прогнозируемый рост местной потребительской инфраструктуры: магазинов различной специализации, предприятий общественного питания, увеличения занимаемых ими площадей.

2. Зависимость развития регионально-го потребительского рынка от вклада в него

творческой индустрии не имеет линейной зависимости. Потребительский рынок может показывать устойчивый рост и при удачном брендинге территории и умелом использовании культурного и природного наследия. Культурное наследие региона, его религиозное значение, природные ландшафты, архитектура будут обеспечивать туристический поток и без активной деятельности местных властей и креативного класса. Вместе с тем дополнительное развитие в центрах культурного и природного наследия творческой индустрии на базе объектов культурного наследия будет создавать синергетический эффект, ведущий к увеличению экономических показателей региона.

3. Использование предприятиями творческой индустрии объектов культурного наследия может столкнуться с рядом нерешённых правовых проблем. Отсутствие точно сформулированного понятия «изображение (воспроизведение) культурных ценностей»; коллизия между нормами Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» могут создавать конфликты между хозяйствующими субъектами и местными учреждениями культуры, призванными сохранять объекты культурного наследия.

Список литературы

1. Васина В. А. Брендинг территорий // Научный журнал. 2019. № 10 (44). С. 32–35.
2. Девдариани Н. В., Рубцова Е. В. Проблемы формирования философии брендинга в современной России // Иннов : электронный научный журнал. 2018. № 3 (36). URL: <https://www.innov.ru/science/economy/problems-formirovaniya-filosofii-br/>
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утверждены ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1 (ред. от 30.04.2021) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/3fd450781e8484538bc57dcbef4853319ccc34dc/
4. ТурСтат. <http://turstat.com/toptouristtownrussia2019>
5. <http://myshkinmr.ru/rus/plan/>
6. <https://www.myshgorod.ru/>
7. <https://sanatoriirf.ru/meropriyatiya-v-plyose-na-2021-god>

8. <http://www.gorodsuzdal.ru/index.php/novosti/munitsipalnye-programmy-po-kulture-turizmu-i-sportu/razvitie-turizma-v-gorode-suzdale-na-2018-2020-gody>
9. <http://www.gorodsuzdal.ru/files/Kultura/MP/RazvTurizma/2018-20/29.12.2017%20926.pdf>
10. <https://www.culture.ru/afisha/suzdalskiy-rayon/vistavki>
11. <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-events#a:eyJ0YWliOiJidWlsZF90YWJsZSJ9>

References

1. Vasina V. A. Territory branding. *Scientific Journal*. 2019, no 10 (44), pp. 32–35. (In Russ.).
2. Devdariani N. V., Rubtsova E. V. The problems of branding formation philosophy in modern Russia. *INNOV*. 2018, no. 3 (36). Available at: <https://www.innov.ru/science/economy/problemy-formirovaniya-filosofii-br/> (In Russ.).
3. *Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/3fd450781e8484538bc57dcbef4853319ccc34dc/ (In Russ.).
4. TypCrar. <http://turstat.com/toptouristtownrussia2019> (In Russ.).
5. <http://myshkinmr.ru/rus/plan/> (In Russ.).
6. <https://www.myshgorod.ru/> (In Russ.).
7. <https://sanatoriirf.ru/meropriyatiya-v-plyose-na-2021-god> (In Russ.).
8. <http://www.gorodsuzdal.ru/index.php/novosti/munitsipalnye-programmy-po-kulture-turizmu-i-sportu/razvitie-turizma-v-gorode-suzdale-na-2018-2020-gody> (In Russ.).
9. <http://www.gorodsuzdal.ru/files/Kultura/MP/RazvTurizma/2018-20/29.12.2017%20926.pdf> (In Russ.).
10. <https://www.culture.ru/afisha/suzdalskiy-rayon/vistavki> (In Russ.).
11. <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-events#a:eyJ0YWliOiJidWlsZF90YWJsZSJ9> (In Russ.).

*

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ УТОПИЗМ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ (1920–1930-е ГОДЫ XX ВЕКА)

УДК 71(470.61)

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-168-177>

В. О. Хвостикова

Донская государственная публичная библиотека, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: hvostikovavasilina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена градостроительным проектам Ростова-на-Дону 1920–1930-х годов. Раскрываются региональные особенности архитектуры Ростова-на-Дону, которая рассматривается в контексте стадий урбанистического утопизма. Анализируются местные проекты типов «социалистический город» и «город-сад». Выявляются стадии социального утопизма (И. Н. Неманов) во взглядах М. Ямпольского на развитие социалистического города. Рассматриваются причины, по которым ни один из проектов идеального города не был воплощён в Ростове-на-Дону в полной мере.

Ключевые слова: урбанистический утопизм, идеальный город, Ростов-на-Дону, стадии социального утопизма, соцгород, город-сад, М. Л. Ямпольский.

Для цитирования: Хвостикова В. О. Урбанистический утопизм в Ростове-на-Дону: региональный опыт (1920–1930-е годы XX века) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 168–177. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-168-177>

URBAN UTOPIANISM IN ROSTOV-ON-DON: REGIONAL EXPERIENCE (1920–1930)

Vasilina O. Khvostikova

Don State Public Library, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: hvostikovavasilina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to urban planning projects of the city of Rostov-on-Don in 1920–1930. Regional features of the architecture of Rostov-on-Don are revealed. The architecture of the city is considered in the context of the stages of urban utopianism. Local projects of the “socialist city” and “garden city” types are analyzed. The stages of social utopianism (I. N. Nemanov) in M. Yampolsky’s views on the development of a socialist city are revealed. The reasons why none of the projects of the “ideal city” was fully implemented in Rostov-on-Don are studied.

Keywords: urban utopianism, “ideal city”, Rostov-on-Don, stages of social utopianism, socialist city, garden city, M. L. Yampolsky.

For citation: Khvostikova V. O. Urban Utopianism in Rostov-on-Don: regional experience (1920–1930). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 168–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-168-177>

ХВОСТИКОВА ВАСИЛИСА – библиотекарь, ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека»

KHHOSTIKOVA VASILINA O. – librarian, Don State Public Library

© Хвостикова В. О, 2021

Введение

Глобальные изменения, которые достигли нашу страну в первой четверти XX века, отразились на всех областях жизни. Новая социалистическая идеология потребовала подкрепления в разных сферах деятельности общества. Архитектура и градостроительство не стали исключением. В стране развернулась масштабная работа по созданию «идеального жилья» для рабочих. Инженеры и коммунальщики, философы, учёные и градостроители объединили усилия для того, чтобы создать «идеальный социалистический город», что само по себе было утопической задачей. По сути, разрабатываемые проекты и создаваемые здания «служили материализацией идеологии нового государства, “местами памяти” рождающейся советской цивилизации, а потому наглядней и убедительней лозунгов и плакатов демонстрировали установки социализма» [5, с. 246].

Мы в статье сосредоточились на проектах Ростова-на-Дону – города, потенциал которого, начиная с XIX века, стремительно увеличивался: расцветала экономика и промышленность, как результат – за пятьдесят лет лавинообразно выросло число горожан: «если в 1860 году в Ростове проживали 17,5 тыс. человек, то в 1910 году – 190 тыс.» [7, с. 12]. Новаторам в области архитектуры было очевидно, что вскоре город станет столицей Юга.

Однако передовые идеи градостроительства не могли быть слепо применены в существующем, имеющем собственную историю городе. Принял ли какую-нибудь форму урбанистический утопизм в Ростове-на-Дону? Какие региональные особенности обрела данная архитектура? Мы попытаемся определить специфику развития урбанистического утопизма в Ростове-на-Дону 1920–1930-х годов.

Актуальность данного исследования заключается в том, что за последнюю сотню лет (примерно столько лет прошло с авангардистских проектов «идеального города» в Ростове-на-Дону) градостроительных проблем не стало меньше. Даже более того – лавинообразная урбанизация значительно опережает разрешение возникающих противоречий. Урбанистический утопизм, в свою очередь, может выполнять весьма полезную функцию для существующей системы градостроительства: мысленно экспериментируя, утопист осуществляет поиск противоречий и способы улучшить жизнь в городе.

Урбанистический утопизм: сущность и стадии

Для начала нам необходимо разобраться с тем, что представляет собой урбанистический утопизм. В поисках определения мы опираемся на стадии социального утопизма, которые описал И. Н. Неманов [4, с. 99–112].

Первая стадия включает в себя два этапа – *настроение* и *умонастроение*.

Этап *настроения* – критически-негативный. Будущий утопист (именно «будущий», так как здесь ещё нет места утопическому мышлению) оценивает недостатки существующих городов. Утопическое мышление зарождается, если он на первом этапе начинает вести аналитическую работу, обременяет себя поиском позитивного решения. Этот этап Неманов называет *умонастроением*. Применительно к урбанистическому утопизму, умонастроение – это время целеполагания и выбора пути, по которому будет развиваться будущая концепция идеального города.

Стремясь найти этот путь, утопист отвергает опыт прошлого и настоящего. В су-

ществующих городах он не видит решения тех проблем, которые были выявлены на этапе *настроения*.

Это приводит утописта на стадию *умозрительного конструирования*, так как он обращается к сфере глобальных понятий. Элементы «сортируются» по принципу «подходящего», «неподходящего». На данной стадии «идеальный город» обретает форму. Сконструированная модель такого города напоминает отлаженный механизм: в ней всё регламентировано до мелочей.

На последней, *катарсической*, стадии социального утопизма объективная реальность перестаёт быть для утописта важной. Он погружается в идеальные проекты городов, где люди, как детали механизма, существуют в соответствии с придуманными строгими правилами.

Таким образом, урбанистический утопизм – это трёхуровневый конструкт, предназначением которого является создание «идеального города». Он призван сформировать новый тип социальных отношений.

Данный конструкт включает в себя: 1) состояние сознания, стремящегося умозрительно сконструировать проект «идеального города»; 2) проект «идеального города» как продукт вышеупомянутого состояния сознания; 3) деятельность по воплощению проекта.

Важно отметить, что проекты «идеальных городов» всегда делились на два вида. Утописты, создающие первый вид проектов, стремились к уплотнению застройки. Образцом подобной архитектуры является «соцгород» Л. Сабсовича [6].

Другой тип проектов – город-сад, создателем которого был Э. Говард. Последователи Говарда реализовывали проекты по расселению городов и строительству небольших посёлков.

Одним из первых теоретиков утопии, который выделил и дифференцировал два локуса утопии – город и сад, был немецкий учёный Х. Гюнтер. Он писал: «В первом случае мы имеем дело с рационально освоенным, спланированным пространством, во втором – с изначальной гармонией между людьми и природой» [2].

Город-сад включает в себя две главные черты урбанистической утопии – строгую форму снаружи и регламентацию внутреннего содержания. Авторы подобных проектов проходят все три стадии урбанистического утопизма на пути к идеальному городу-саду.

В то же время утопия сада отправляет нас в мифологические времена единства человека и природы. Она может вызвать ностальгию, а не стремление создавать какие-либо проекты.

Региональные особенности отечественной архитектуры 1920–1930-х годов: Ростов-на-Дону

Чаще всего авторы создавали свои проекты идеальных городов с нуля, чтобы не сосредотачиваться на решении проблем уже существующих городов. Но иногда объектами для подобных экспериментов становились реальные, перспективные города. По этой причине в 1920–1930-х годах взгляды архитекторов обратились к Ростову-на-Дону.

Основная идея авангарда в отечественной архитектуре заключалась в разрыве преемственности с предшествующими стилями: «Нас не связывает прошлое. Мы знаем, что современный город смертельно болен, но не желаем его лечить. Наоборот, мы хотим его разрушить и заменить новыми социалистическими формами расселения людей, лишёнными внутренних про-

тиворечий, как пережитков капитализма» [1, с. 154]. Это определение показывает тесную связь авангарда и урбанистического утопизма, причиной появления которого является недовольство существующими городами.

Данный подход неприменим к новой ростовской архитектуре 1920–1930-х годов: «Архитектура Юга России в XX веке породила естественную для зодчества закономерность движения: чередование и сочетание традиционализма и новаторства» [3, с. 487].

С одной стороны, местная застройка отличалась разнообразием – в ней было отчетливо видно влияние ведущих архитектурных течений. Иначе быть не могло: в разное время здесь создавали объекты столичные мастера.

С другой стороны, региональные особенности местного зодчества заключались в интерпретации этих архитектурных течений. Данная интерпретация была следствием преобладания ростовских специалистов в области архитектуры. Это можно считать первым фактором, повлиявшим на градостроительство Ростова в 1920–1930-х годах.

Во-вторых, архитектурный авангард пришёл в Ростов-на-Дону позже, чем в Москву. В Ростове первые эксперименты по созданию жилых комплексов, воплощающих социалистический образ жизни, начались в середине 1920-х годов. На то было несколько причин: последствия Гражданской войны, недостаток молодых, прогрессивных специалистов и стереотипное мышление старых.

Самый важный фактор, повлиявший на архитектуру и, как следствие, на урбанистический утопизм в Ростове-на-Дону, – время. Как уже было сказано, новые течения в архитектуре и урбанистический

утопизм пришли в регион позже. Эти несколько лет оказались преимуществом – были отсечены совершенно фантастические и нежизнеспособные варианты идеальных городов.

Остальные проекты разделились на две группы – города-сады и социалистические города.

Апологетам первого варианта будущее советского общества представлялось в градостроительной форме, напоминающей деревню. Авторы, тяготеющие ко второму варианту – видели социалистический идеал в укрупнении существующих городов за счёт домов-коммун и т.п. В уже существующем и давно развивающемся Ростове не могло быть и речи о строительстве с нуля крупного идеального города. Перед архитекторами стояла цель либо создавать отдельные, сравнительно небольшие районы малоэтажной застройки, либо строить дома-коммуны.

Стадии социального утопизма в теоретических трудах М. Л. Ямпольского

Размышления о том, что послужит лучше в качестве образца социалистического жилья – город-сад или соцгород – развернулись в местных печатных изданиях. Одним из таких изданий стал ежемесячный журнал «Жилищное строительство».

В 1925 году в этом журнале вышла статья «Идеал рабочего жилища» [9] М. Л. Ямпольского, которой поднял вопрос о том, какое жилье более пригодно для расселения рабочих: «Дом-коммуна или дом-особняк должен стать нашим идеалом?» [9].

Мы остановились на персоне М. Л. Ямпольского не потому, что он представляет собой фигуру выдающегося архитектора эпохи (по профессии Ямпольский был краеведом). Его идеи вызывают интерес, так как

они выражают «утопический срез» эпохи. В его статьях сконцентрированы представления его современников об идеальном городе, идеальной архитектуре, идеальном социалистическом быте.

Рассмотрим размышления Ямпольского с точки зрения урбанистического утопизма. Перед нами встаёт задача выявить стадии утопизма в его статьях «Идеал рабочего жилища» [9] и «Общественность и быт в жилтовариществах» [10].

Утопизм начинается с *настроения* – критически-негативной стадии, когда утопист оценивает существующий порядок как неудовлетворительный.

Так поступает и Ямпольский: «Мы вступили на путь интенсивного жилищного строительства, рабочего, кооперативного, но это строительство идёт как-то стихийно, без всякой системы, без плана, без какого-либо идеала и в разброд» [9, с. 4].

Ямпольский акцентирует внимание на необходимости создать *русский* образец идеального жилья и города. Но в отечественной системе градостроительства автор не находит удовлетворительных образцов, соответствующих его представлениям об идеальном социалистическом городе.

Есть ли такие образцы в других странах? Ямпольский подробно рассматривает жилища английских, немецких, американских рабочих, описывает преимущества, недостатки и приходит к выводу, что «слепое» копирование не подходит для отечественного градостроительства.

Заглянув «внутрь» отечественной жилой застройки, Ямпольский также остаётся не удовлетворён. В статье «Общественность и быт в жилтовариществах» [10] он критикует существующие порядки в жилищных кооперативах: ссоры, доносы и прочие атрибуты антиобщественного поведения.

Мы видим, что автор таким образом проводит аналитическую работу. После этого он переходит в стадию *умонастроения*, с тем чтобы выбрать цели и пути, по которым он собирается развивать свой проект идеального города: «В С.С.С.Р. более чем в какой-нибудь иной стране должны быть выработаны идеальные формы рационального градостроительства и планировки образцовых рабочих поселений» [9, с. 5].

Внутреннему устройству подобных поселений Ямпольский даёт название «новый пролетарский быт». Он описывает его довольно подробно – здесь и надзор за беспризорными, и семейные вечера и даже выпуск стенгазеты. Непонятно, как данные меры могут помочь в разрешении мелких бытовых ссор, но подобные воззрения Ямпольского доказывают нам его позицию утописта – он смотрит на быт идеальных социалистических поселений с высоты птичьего полёта.

После этого для утописта наступает время обратиться к глобальным понятиям. Автор вырабатывает понятийный аппарат: употребляет такие термины, как «идеальный рабочий посёлок», «идеал», «соответствие духу эпохи», «идеальная форма градостроительства», «идеал жилищного общественного бытия». Это говорит о том, что он преодолел первую стадию утопизма: настроение и умонастроение. Автор готов приступить ко второй стадии – *умозрительного конструирования*.

В статье «Идеал рабочего жилища» Ямпольский ставит на повестку дня вопрос об актуальной форме жилья, которая бы соответствовала духу эпохи: «Союз жилищной кооперации, как центральный, так и местный, должны в срочном порядке поставить на обсуждение широких кооперативных масс и архитекторов вопросы иде-

ального рабочего строительства посёлка-сада и идеального русского рабочего поселкового дома» [9, с. 5].

И всё же он не предлагает конкретный образец. Возможно, Ямпольскому не суждено было стать полноценным урбанистическим утопистом, однако в статье «Общественность и быт в жилтовариществах» (1927) он приближается к этому. Идеальный город можно распознать по таким критериям, как регламентация и создание гармоничного общества инструментами градостроительства. Ямпольский затрагивает эти вопросы: «Вот образец такой жизни: товарищество состоит из однородного элемента – рабочих и служащих. Расселены члены т-ва соответственно численности семьи в одной, двух-трёх комнатах, имеют общую отдельную прачечную и кухню; детскую площадку и ясли, библиотеку-читальню ...» [10, с. 8]. В завершение своих размышлений автор предлагает несколько мер, чтобы разрешить все существующие разногласия – от укрупнения товариществ, создания надзорного органа, до показательных судов над теми, кто нарушает правила.

Он возводит в абсолют способность жилтовариществ, как объединений жильцов, разрешить все проблемы общества.

Таким образом, автор впадает в абсолютизацию и теряет связь с действительностью. Можем ли мы назвать размышления Ямпольского полноценным урбанистическим утопизмом? Нет, поскольку автор не стремится в полной мере создать проект идеального города. Центром его размышлений становится жилтоварищество, которое представляет собой объединение людей, то есть социум. Между тем в центре урбанистического утопизма находится проект идеального города. Прохождение автором

стадий утопизма без главного этого звена говорит нам о том, что размышления Ямпольского находятся в поле социального утопизма, каким его описывал И. Н. Неманов [4, с. 99–112].

Концепция города-сада: практика воплощения в Ростове-на-Дону

Как уже было сказано, проекты идеального города можно условно разделить на две группы: социалистический город и город-сад. Авторы первой группы проектов стремились к уплотнению жилой застройки. Апологеты концепции города-сада Э. Говарда, наоборот, видели будущее городов в форме небольших разрозненных поселений. Отечественные архитекторы 1920–1930-х годов также разделились на два лагеря, каждый из которых стремился в формах градостроительства воплотить коммунистические идеалы.

Рассмотрим, как концепция города-сада отразилась на градостроительстве Ростова-на-Дону. В 1918 году в «Известиях Ростов-Нахичеванского-на-Дону Совета рабочих депутатов» появился проект В. Монастырева [3, с. 374]. Автор проекта не был уверен в перспективе развития Ростова как промышленного города и поэтому предлагал акцентировать внимание архитекторов на развитии морского порта и прилегающих территорий. Эти территории Монастырев планировал построить частными домами, спрятанными от любопытных глаз множеством деревьев. Мягкие очертания жилых кварталов, обилие зелёных насаждений говорят о влиянии идей Э. Говарда.

Главным посылом книги Говарда «Города-сады будущего» была взаимосвязь между средой и общественными отношениями: формы нового пространства должны были формировать новый тип общества.

Некоторые градостроительные проекты в Ростове-на-Дону испытали влияние концепции Говарда, так как авторы использовали черты города-сада: разуплотнение, озеленение территории. Таковыми стали «Красный город-сад», Первомайский посёлок у Нового поселения, некоторые районы Нахичевани. В этих районах дома располагались среди зелени вокруг общественного центра. Кроме того, каждый посёлок имел развитую инфраструктуру, как и задумывал Говард.

Одним из самых известных примеров города-сада в Ростове-на-Дону может назвать проект жилого квартала рабочего кооператива «Трамвайщик» (ул. Пушкинская, 204). Его автор Л. Ф. Эберг стремился сохранить пространственно-планировочную структуру квартала и одновременно – разуплотнить застройку, как это было принято в проектах городов-садов. Квартал был масштабно озеленён. Кроме того, внутри квартала имелись индивидуальные приусадебные участки, которые объединялись в композицию. Так автор хотел показать единство общего и личного, как предписывала коммунистическая идеология. Город получил замечательное с эстетической точки зрения пространство. Однако жилой квартал рабочего кооператива «Трамвайщик» не стал примером урбанистического утопизма, не воплотил в себе социальную утопию, созданную градостроительными формами.

Это было связано с тем, что квартал «Трамвайщик» создавался на основе традиционной архитектуры: «Традиция места строительства и сложившиеся стереотипы пространственного и образного мышления проявились здесь в качестве существенных формообразующих факторов» [8, с. 50]. Данные факторы исключали саму суть урба-

нистического утопизма, который отрицает имеющиеся традиции и формы.

Таким образом, поскольку архитекторы не стремились воплотить концепцию города-сада в полной мере, была утрачена сама суть концепции и город получил быстрорастущие без какого-либо плана окраины. Осознание проблемы наступило к 1925 году, и градостроители постепенно отказались от идеи.

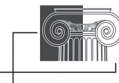
Многоэтажная жилая застройка 1920–1930-х годов: «новый быт» и другие образцы ростовского конструктивизма

Если мы вернёмся к размышлениям Ямпольского и сравним их в 1925 и 1927 годах, то станет очевидно, что автор за два прошедших года разрешил для себя вопрос: «Дом-коммуна или дом-особняк должен стать нашим идеалом?». Следуя общегосударственной тенденции, Ямпольский акцентировал своё внимание на укрупнении жилой застройки.

Профессиональные архитекторы конца 1920-х годов также сконцентрировались на строительстве многоэтажных жилых комплексов. Это было связано с возросшей потребностью обеспечения широких масс жильём.

К этому времени в столичных проектных бюро уже развернулся архитектурный авангард. Ещё не вышел труд Л. Сабсовича «Социалистические города» (1930), ставший кульминацией в стремлении уплотнить застройку, но уже стремительно утверждались формы «нового быта».

Подобные жилые комплексы представляли собой «города в городе»: в них должны были быть все необходимые общественные помещения – от магазина до яслей и библиотеки. Несмотря на то, что эта идея была не нова (её пытались воплотить ещё на ру-

беже веков) в домах «нового быта» эта тенденция обрела второе дыхание.

Главными архитекторами Ростова-на-Дону, которые создавали жилые комплексы «нового быта», были М. Н. Кондратьев и Л. Ф. Эберг. Одним из образцов подобной архитектуры является здание «нового быта» на проспекте Соколова 21–23. Этот яркий образец конструктивизма был создан в 1927–1931 годах.

Архитектура здания не была похожа ни на что из уже имеющегося в Ростове-на-Дону, его объёмно-пространственная композиция существенно отличалась от революционных.

«Новый быт» занимал довольно большую часть квартала и представлял собой два симметричных корпуса необычной формы. Его резолиты и эркеры удивляли современников, так же как и отсутствие стилизации. Эстетическая выразительность воплощалась в самой форме здания.

Другой подобный образец архитектуры – жилой комплекс на Будёновском проспекте. Новаторская для Ростова-на-Дону форма уже давно была на вооружении столичных мастеров. М. Н. Кондратьев стремился сделать из комплекса «город в городе»: дом включал в себя помещения общественного назначения – прачечную, столовую, магазин, библиотеку, ясли.

К 1930-м годам в столице конструктивизм начал уступать место неоклассицизму. Атмосфера в архитектурных бюро СССР перестала быть свободной. Самореализация художника ушла на второй план и на первое место вышло восхваление Сталина и достижений советского народа.

Однако в регионах, в частности в Ростове-на-Дону, начало 1930-х годов стало временем расцвета конструктивисткой архитектуры. В 1930 году был построен дом

«Гигант № 1» (В. Н. Наумычев), комплекс жилых домов Андреевского жилищного комбината на Будёновском проспекте, кварталы домов табачной фабрики и многие другие. Все эти тщательно продуманные здания были предназначены для рабочего класса.

Описанные нами образцы ростовского конструктивизма представляют собой памятники архитектуры. В них воплотилось мастерство местных мастеров, на которых, конечно, оказала влияние общегосударственная градостроительная тенденция. Однако здания «нового быта», жилого комплекса на Будёновском проспекте и другие нельзя назвать урбанистической утопией, так как их форма не создавала социальную утопию.

Урбанистический утопизм всегда начинается с градостроительного плана, а не с социального прогнозирования. Город, отдельные объекты в нём можно рассматривать как совокупность зданий, этажей и комнат. К обществу данный способ рассмотрения совершенно неприменим. Социум всегда оказывается чем-то большим, нежели совокупностью человеческих единиц. Уже на стадии регламентации жизни в зданиях вроде «нового быта» архитекторы утратили понимание всей сложности устройства общества.

Заключение

Изученные образцы архитектуры Ростова-на-Дону побуждают нас разделить понятия архитектурной и урбанистической утопии. Первое воплощает идеалы гармонии и прекрасного языком архитектурных форм. Второе – социальная утопия в пространстве города. Социальная утопия призвана своей формой создавать гармоничное общество. Она воплощает в себе идею

логию и диктует её социуму, является гарантом порядка, плана, регламентации, справедливости и т.д.

Тем не менее урбанистическая утопия не дошла до Ростова-на-Дону в полной мере: «На Юге не получили такого яркого воплощения, как, например, в Москве, сочетания форм нового быта и их пространственного воплощения в архитектуре» [3, с. 417].

Что-то похожее на стадии урбанистического утопизма проходил в своих размышлениях видный автор статей о социалистическом быте Ямпольский, но то, что он не создал проект идеального города или идеального жилого комплекса, говорит нам о том, что он не был урбанистическим утопистом, а только социальным.

Главная причина того, что Ростов-на-Дону не стал оплотом урбанистической утопии, заключается в том, что утопия – это «бунтующее умонастроение». Проектирование идеальных городов проходит стадии, на которых отвергаются существующие образцы градостроительства. Однако такой подход не годился при строительстве в Ростове-на-Дону: «В историческом Ростове здание

никогда не создавалось само по себе. Частное возникло в структуре общего по законам общего и само же его формировало» [7, с. 37].

Это коснулось и тех проектов, которые должны были воплотить в себе концепцию города-сада и тех проектов, которые тяготели к форме социалистического города. Одни превратились в поселения деревенского типа – с мазанками, хатами и т.п. Другие стали архитектурной утопией – памятниками архитектуры, не несущими в себе идею социальной утопии. Зависимость новых форм от уже имеющейся архитектуры привела к тому, что урбанистическая утопия не нашла себе места.

Тем не менее нельзя отвергать опыт архитекторов, создававших для Ростова-на-Дону проекты идеального города. Например, попытки создать проект города-сада в пределах Ростова-на-Дону сегодня значительно бы облегчили транспортную ситуацию. Все урбанистические утопии достойны внимания по той причине, что они позволяют с новой стороны посмотреть на существующие противоречия в градостроительстве.

Список литературы

1. Гацунаев К. Н. Социокультурные предпосылки возникновения феномена советского архитектурного авангарда // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 3. С. 151–158.
2. Гюнтер Х. По обе стороны утопии. Контексты творчества А. Платонова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=163269>
3. Есаулов Г. В. Архитектура Юга России : от истории к современности. Очерки : монография. Москва : Архитектура-С, 2016. 568 с.
4. Неманов И. Н. Социальный утопизм и общественная мысль // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли / [члены-корреспонденты АН СССР М. Т. Иовчук и Б. А. Чагин, д-р филос. наук Л. А. Коган и др. ; редкол.: Б. В. Богданов (отв. ред.) и др.] ; АН СССР, Ин-т философии, Научный совет по истории обществ. мысли. Москва : Наука, 1977.
5. Паниотова Т. С., Романенко М. А. Кривые зеркала авангарда: утопические проекции советской цивилизации // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 237–250.
6. Сабсович Л. Социалистические города. Москва : Московский рабочий, 1930. 124 с.
7. Токарев А. Г. Архитектура Ростова-на-Дону первых пятилеток. 1920–1930-е года. Ростов-на-Дону : Институт архитектуры и искусств ЮФУ, 2016. 392 с.

8. Токарев А. Г. Особенности архитектурно-градостроительного решения жилого квартала рабочего кооператива «Трамвайщик» в Ростове-на-Дону // Вестник ТГАСУ. 2020. Т. 22. № 1. С. 44–52.
9. Ямпольский М. Л. Идеал рабочего жилища // Жилищное строительство. 1925. № 14–16. С. 4–12.
10. Ямпольский М. Л. Общественность и быт в жилтовариществах // Жилищное строительство. 1927. № 2. С. 6–9.

References

1. Gatsunaev K. N. Sociocultural prerequisites of emergence of the soviet architectural avant-garde phenomenon. *Humanitarian Vector*. 2018, vol. 13, no. 3, pp. 151–158. (In Russ.).
2. Gunther H. *On Both Sides of Utopia. Contexts of A. Platonov's creativity*. Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=163269>(In Russ.).
3. Esaulov G. V. *Architecture of the South of Russia: from history to modernity. Essays*. Moscow, Publishing House “Architecture-S”, 2016. 568 p. (In Russ.).
4. Nemanov I. N. Social utopianism and social thought. In: Bogdanov B. V., ed. *Methodological problems of the history of philosophy and social thought*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1977. (In Russ.).
5. Paniotov T. S., Romanenko M. A. Distorting mirrors of the avant-garde: utopian projections of soviet civilization. *Dialogue with time*. 2019, issue 69, pp. 237–250. (In Russ.).
6. Sabsovich L. *Socialist cities*. Moscow, Publishing House “Moscow worker”, 1930. 124 p. (In Russ.).
7. Tokarev A. G. *Architecture of Rostov-on-Don of the first five-year plans. 1920–1930*. Rostov-on-Don, Publishing House of the Institute of Architecture and Arts SFedU, 2016. 392 p. (In Russ.).
8. Tokarev A. G. Architectural and urban planning of residential settlement of cooperative society “Tramvayshchik” in Rostov-on-Don. *JOURNAL of Construction and Architecture*. 2020, vol. 22, no. 1, pp. 44–52. (In Russ.).
9. Yampolskii M. L. The ideal of a working dwelling. *Housing construction*. 1925, no. 14–16, pp. 4–12. (In Russ.).
10. Yampolskii M. L. Community and everyday life in housing associations. *Housing construction*. 1927, no. 2, pp. 6–9. (In Russ.).

*

ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ В РОССИИ: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

УДК 379.851

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-178-184>

С. А. Буторов

Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация,
e-mail: Sergeybutorov@gmail.com

Аннотация: В работе рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой нынешнего состояния и перспектив развития внутреннего туризма в России в условиях пандемии и закрытия границ в странах Евросоюза и Северной Америки. На основе отечественных и зарубежных источников обосновывается, что внутренний туризм стал главным направлением в деятельности туристической индустрии как в ведущих туристических державах мира, так и в России. Отмечается, что в стране далеко не в полной мере реализуется имеющийся потенциал, который способен вывести туристическую отрасль на качественно новый уровень. В связи с началом строительства скоростной автомагистрали Москва – Казань автор выдвигает идею создания туристско-рекреационного кластера, в который вошли бы малые города, прилегающих к трассе регионов. В работе обосновывается необходимость для страны проекта, аналогичного советскому проекту «Золотое кольцо». Автор статьи приходит к выводу, что реализация проекта будет способствовать как развитию внутреннего туризма, так и возрождению малых городов Приволжских регионов России.

Ключевые слова: внутренний туризм, туристско-рекреационный кластер, коронавирусная пандемия, глобальные угрозы и вызовы, региональный, мировое культурное наследие.

Для цитирования: Буторов С. А. Внутренний туризм в России: нереализованный потенциал // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 178–184. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-178-184>

NATIONAL TOURISM IN RUSSIA: UNREALIZED POTENTIAL

Sergey A. Butorov

Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation, e-mail: Sergeybutorov@gmail.com

Abstract: The paper deals with issues related to the characteristics of the current state and prospects for the development of domestic tourism in Russia in the context of the pandemic and the closure of borders in the European Union and North America. On the basis of domestic and foreign sources, it is proved that domestic tourism has become the main direction in the activity of the tourism industry both in the leading tourist powers of the world and in Russia. It is noted that the country is far from fully realizing the existing potential, which is able to bring the tourism industry to a qualitatively new level.

БУТОРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор Института сервисных технологий Российского государственного университета туризма и сервиса

BUTOROV SERGEY ALEKSEEVICH – DPhil, Professor, the Institute of Service Technologies, the Russian State University of Tourism and Service

© Буторов С. А., 2021

In connection with the beginning of the construction of the Moscow – Kazan expressway, the author puts forward the idea of creating a tourist and recreational cluster, which would include small cities of the regions adjacent to the highway. The paper substantiates the need for a project similar to one of the most famous and commercially successful tourist routes, the Golden Ring, launched half a century ago. The author of the article concludes that the implementation of the project will contribute to both the development of domestic tourism and the revival of small towns in the Volga regions of Russia.

Keywords: domestic tourism, tourist and recreational cluster, coronavirus pandemic, global threats and challenges, regional, world cultural heritage.

For citation: Butorov S. A. National tourism in Russia: unrealized potential. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 178–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-178-184>

В условиях пандемии и закрытия границ в ведущих туристических державах мира (Франция, Италия, Китай) был взят курс на переориентацию потока международного выездного туризма на развитие внутреннего туризма. Россия не стала исключением. Президент России В. В. Путин в мае 2020 года предложил включить развитие внутреннего туризма в общенациональный план действий по нормализации деловой жизни в стране и форсировать возможности на этом направлении [3].

В июне 2020 года председатель Правительства России М. В. Мишустин заявил о готовности страны к открытию туристического сезона, несмотря на потери, которые были нанесены ограничительными мерами в связи с пандемией. Высшая исполнительная власть России для вывода отрасли из кризиса по примеру зарубежных стран взяла курс на развитие внутреннего туризма. Ростуризму, туроператорам и перевозчикам была поставлена задача запустить новые внутренние маршруты по таким направлениям, как Калининградская область, Республика Хакасия, озеро Байкал и Горный Алтай [2].

Развитие туристской отрасли в России с каждым годом приобретает большую актуальность, так как оказывает стимулирующее действие на другие секторы экономики,

привлекает и мотивирует источники инвестирования любого уровня, создаёт значительное количество рабочих мест, увеличивает базу налогообложения, сохраняет культурный и исторический потенциал страны, а также способствует развитию международного и межкультурного диалога.

Однако Россия значительно отстаёт по вкладу от туризма в экономику страны и экспорту туристических услуг от мировых лидеров. Если в Китае этот показатель в 2020 году составлял 13%, США – 8%, Франции, Испании, Гонконге – 6%, то в России – от 1,5 до 3% [4].

Развитие внутреннего туризма в России не представляется возможным без решения острых социально-экономических проблем. В любой стране доступность граждан к отдыху и развлечениям определяется уровнем их доходов. Сегодня на одного россиянина приходится в среднем примерно 0,4 поездки в год. В государствах, которые считаются лидерами по туризму, граждане в течение года совершают пять – семь путешествий [5].

В 2020 году прибыль туристической отрасли составила порядка 790,5 млрд рублей. В то же время доход гостиниц сократился в 2,5 раза. По оценкам российского исследователя Я. Костенко, численность путешественников по внутренним туристическим

направлениям составила 22 млн человек [1]. Автор считает, что подавляющая часть туристов была удовлетворена природой и достопримечательностями России, но разочарована сервисом, инфраструктурой, стоимостью проезда и условиями проживания.

В начале текущего года была разработана «Стратегия развития внутреннего туризма в России в 2021 году», в которой определены основные приоритеты отрасли [4]. В документе отмечается, что национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» ставит задачу перед отраслью – довести число турпоездок до 140 млн в год, а число занятых в отрасли – до 5 млн человек. Значительно увеличивается период продолжительности поездок, появляется возможность совмещения бизнеса и отдыха, чему способствует переход на удалённую работу.

С твёрдой убеждёностью можно сказать, что разработанная стратегия развития внутреннего туризма в России будет способствовать выводу отрасли из кризиса. В то же время нельзя не отметить, что предлагаемый комплекс мер не учитывает в полной мере масштабности тех проблем, которые существуют в туристической отрасли. Сегодня страна нуждается в проекте, аналогичном запущенному полвека назад одному из самых известных и коммерчески успешных туристических маршрутов «Золотое кольцо», который преобразовал советскую туристическую отрасль. Будущий маршрут призван создать базис для развития внутреннего туризма в стране на перспективу и возродить ряд небольших, но исторически значимых городов Приволжской России. Рациональным и обещающим выгоду новому туристическому маршруту и отрасли в целом может стать скоростная автострада Москва – Казань, которая пройдёт

через такие города, как Владимир, Муром (Владимирская область), Арзамас, Сергач (Нижегородская область), Канаш (Чувашская Республика). Регионы, прилегающие к будущему автобану, обладают богатым, существенным и значимым, в том числе на мировом уровне, культурным наследием, способным в полной мере удовлетворить интересы и потребности как российского, так и иностранного туриста.

Муром в историческом значении является великим городом России. Впервые он упоминается в древней летописи «Повесть временных лет» в 862 году. Город знаменит своим былинным героем Ильёй Муромцем. Тысячи паломников посещают Муром, чтобы поклониться мощам князей Муромских, святых Петра и Феврония, главных православных покровителей семейных ценностей.

Древний красивый город Арзамас славится множеством разноплановых достопримечательностей и исторических памятников, расположенных как в центре, так и в окрестностях. Его часто называют «городом соборов и писателей».

Город Сергач известен памятниками старинной архитектуры и достопримечательностями, среди которых собор в честь Владимирской иконы Божией Матери, денежная кладовая уездного казначейства и другие.

Мокринский железнодорожный мост, или «Римский виадук», расположенный в непосредственной близости от Канаша, относится к самым красивым и загадочным достопримечательностям Чувашской Республики. Построенный в начале XX столетия по проекту русского учёного и мостостроителя Г. П. Передерия, в годы Великой Отечественной войны мост был важным стратегическим объектом, по которому переправляли боеприпасы и оборудование.

Вдоль возводимой магистрали на сравнительно небольшом расстоянии расположен ряд других малых городов и населённых пунктов с уникальным историческим прошлым. К их числу следует отнести прежде всего город Алатырь (Чувашская Республика); село Дивеево – духовный центр православной России, привлекающий тысячи паломников своими святынями; Большое Болдино, где расположен Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино» (Нижегородская область).

До конца XVII столетия Алатырь принадлежал к числу крупных сторожевых форпостов на юго-восточной границе Русского государства, под началом которого были объединены огромные земельные владения. Со временем Алатырь потерял военное значение, но ещё достаточно продолжительное время являлся крупнейшим пунктом православия, центром христианизации и миссионерства во вновь присоединённых областях. До 1672 года Алатырь относился к патриаршей области, затем вошёл в состав Нижегородской епархии, и духовные отцы носили звания митрополитов и епископов «Нижегородских и Алаторских». Этот период отмечен расцветом деревянного и каменного строительства православного зодчества в Алатырском крае. По сведениям Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в 1887 году в Алатыре было 9 каменных церквей (в том числе 2 собора) и 2 деревянных; 2 каменных монастыря (мужской Троицкий и женский Киево-Николаевский. – С. Б.) и 4 каменные часовни [7].

Необходимость развития туристической отрасли в малых городах Приволжской зоны продиктована, по нашему глубокому убеждению, складывающейся в ней

неблагополучной социально-экономической обстановкой. Экономические реформы 1990-х годов обернулись для большинства населения этих административных образований неблагоприятными последствиями. Закрытие в ряде из них градообразующих предприятий привело к безработице, оттоку работоспособного населения в другие города; деqualификации многих тысяч специалистов, которые вынуждены были трудоустроиваться в охранные агентства мегаполисов или перейти на вахтовый метод работы в других регионах России. Возникли в малых городах и демографические проблемы. Из числа малых городов, прилегающих к возводимой автодороге (Арзамас, Болгар, Сергач, Муром, Канаш, Алатырь) демографически стабильным является лишь Муром (около 117 тыс. человек). За последние 30 лет население Арзамаса сократилось со 108 тыс. до 103 тыс. человек, Сергача – с 25 тыс. до 22 тыс. жителей. Между тем самая большая демографическая яма образовалась в Алатыре, где численность населения уменьшилась с 46 тыс. до 33 тыс. человек.

Проблема занятости населения в малых городах, в первую очередь среди молодёжи и граждан среднего возраста, является приоритетной для местных органов власти. Заметно снизилась и рождаемость в этих городах. Создание разветвлённой сети туристической инфраструктуры в этих городах, которая находится сегодня на крайне низком уровне, будет способствовать решению проблемы занятости.

Ведущие отечественные специалисты в области развития внутреннего туризма считают, что самым слабым звеном в данной сфере является отсутствие достаточного количества доступных по цене и комфортных для проживания отелей.

Информационные порталы приводят сведения о гостиницах и предоставляемых проживающему услугах и сервисе. Анализ отзывов гостей и туристов малых городов об условиях проживания в отелях и комфортности позволяет сделать вывод, что задекларированные в гостиничных проспектах предлагаемые услуги не отвечают запросам проживающих и не соответствуют качеству и уровню оказанного сервиса.

Причины, побуждающие отечественного туриста создавать такой контент, заключаются в том, что за последние десятилетия кардинальным образом изменилась его психология и заметно возросли запросы. До пандемии COVID 19 сотни тысяч россиян совершали туристические поездки или отдыхали в зарубежных странах. Многие из них сравнивают и сопоставляют уровень и качество проживания в отечественных и европейских отелях.

В малых городах Поволжья по-прежнему существует проблема качественного отдыха, который пока не в состоянии предоставить местный бизнес и региональные органы исполнительной власти.

Нехватка отелей всех уровней, услуги питания и сервиса, отсутствие разветвлённой дорожной сети, транспортная проблема, малое количество средств коллективного размещения экономичной и средней ценовой категории с современным уровнем комфорта – лишь часть проблем, которые препятствуют развитию внутреннего туризма.

Значительная часть гостиниц и гостевых домов в малых городах Поволжья была построена в советский период. Реализация выдвигаемого нами проекта маршрута требует модернизации гостиничного фонда, а также строительства новых комфортабельных, но недорогих отелей.

Необходимо добиваться решения проблемы, связанной с проблемой питания будущего туристического контингента. При строительстве автострады вдоль трассы по примеру ведущих европейских туристических держав следует возводить сеть ресторанов, кафе и закусочных, предназначенных для туристов и путешественников.

По нашему мнению, россиянам следует вернуться к своим истокам: целесообразно предложить возведение трактиров по аналогии с такого рода заведениями в до-революционной России, где бы готовились и подавались исключительно национальные блюда.

Как свидетельствуют опросы, многие из россиян имеют весьма скудные знания об особенностях национальной кухни. В конце XVI века в Москве была издана «Книга яств во весь год, в стол подаваемых». Письменный источник предназначался для представителей среднего и мелкого дворянства, а также зажиточного купечества. В нём было перечислено более 300 блюд, среди которых рассольник, солянка, окрошка, уха; традиционные русские квашения, соленья и мочения, употребляемые как готовая закуска и как полуфабрикат для приготовления других блюд; ржаной хлеб, разнообразная речная рыба, лесные ягоды, другие дары природы.

Следует отметить, что регионы, где будет пролегать автострада, располагают большими природными богатствами. Возможно широкое использование местных продуктов и продукции фермерских хозяйств. Каждый из них известен своими местными блюдами. Владимирская область на протяжении веков славится разносолами, капустой, огурцами и особой «невежинской» рябиной. Уха – фирменное нижегородское блюдо. Она бывает «красная» (с шафраном), «чёрная»

(с гвоздикой), сладкая (уха из ерша) и «жёлтая» (из стерляди). Чувашская кухня славится разнообразием мучных изделий: пироги с крупой, капустой, ягодами; лепёшки и ватрушки с картофелем, а также с творогом. К национальной татарской кухне относятся чак-чак (восточная сладость), элеш с курицей и картофелем (пирожок), кумыс, губадия (пирог), кызылык (конская колбаса), кыстыбай (лепёшка, обжаренная в картофельном пюре), айран (кисломолочный продукт), талкыш калеве (сладость).

По-прежнему нерешённой остаётся проблема привлекательности малых городов, их внешний облик, благоустройство. Большинство экспертов сходится в том, что цифры Росстата относительно ветхого и аварийного жилищного фонда для регионов и России в среднем являются сильно заниженными и не отражают реальной ситуации. Искажение статистики происходит в основном на уровне региональных и местных властей. Они зачастую заинтересованы в искусственном занижении числа аварийных и ветхих строений, в частности из-за того, что не имеют в нужном объёме ресурсов для софинансирования программ по капитальному ремонту и расселению аварийного жилья [6].

Примером креативного подхода в развитии туристической отрасли на региональном уровне стало создание туристско-рекреационных кластеров «Свияжск» и «Великий Булгар» (Республика Татарстан). Начавшаяся в 2010 году широкомасштабная реализация комплексной программы «Культурное наследие: остров-град Свияжск и Древний Булгар» включает реставрацию и реконструкцию архитектурных памятников на территории городища и развитие туристической инфраструктуры. Программа предусматривает также обновление жилого

фонда града-острова. Возведены новые здания речного вокзала с информационным центром, музея-заповедника, кафе и автобусной стоянки. Отреставрированы все храмы (Успенский собор, внесённый в 2017 году в Список всемирного наследия ЮНЕСКО; Богородице-Успенский монастырь; Колокольня Никольской церкви; Свяжский Иоанно-Предтеченский женский монастырь; Сергиевская церковь; Собор Богоматери Всех Скорбящих Радости и другие). Открыто несколько новых объектов, включая музей и конное подворье. Планируется сооружение новой гостиницы и строительство гостевых домов.

Другим туристическим местом Татарстана, известным своими достопримечательностями не только в России, но и за её пределами, является Великий Булгар, расположенный в 143 километрах от Казани. В 2014 году Древний Булгар был включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Уникальность исторического памятника состоит в том, что именно здесь находятся развалины некогда величественной Золотой Орды. Булгарское древнее городище богато архитектурными памятниками, среди которых Белая мечеть, музей Корана, колодец Габурахмана, Восточный мавзолей, Соборная мечеть и другие. К числу достоинств исторического памятника относится прежде всего то, что многие архитектурные сооружения сохранились в первозданном виде и отреставрированы.

В заключение полагаем бы целесообразным сделать некоторые выводы. Коронавирусная пандемия со всей убедительностью демонстрирует глубину обрушившейся на мировое сообщество катастрофы, самой масштабной после окончания Второй мировой войны. Появление новых, имеющих множество мутаций штаммов корона-

вируса, низкий уровень вакцинации в стране, прогнозы учёных по возможному переустройству мира после коронавирусной эпидемии, которое не обойдёт стороной Россию, наличие других глобальных угроз и вызовов человечеству позволяют сделать прогноз, что в ближайшей перспективе развитие внутреннего туризма станет приоритетом как в зарубежной, так и российской туриндустрии.

Также полагаем, что преодоление последствий эпидемии будет способствовать поиску путей стимулирования развития региональных социально-экономических систем, в том числе внутреннего туризма. Создание туристско-рекреационного кластера в Приволжских регионах будет способствовать как развитию туриндустрии в целом, так и возрождению уникальных по-своему малых городов этой зоны.

Список литературы

1. Костенко Я. Дома лучше: внутренний туризм в 2021-м может заработать вдвое больше [Электронный ресурс]. URL: iz.ru/1106130/iaroslava-kostenko/doma-luchshe-vnutrennii-turizm-v-2021-m-mozhet-zarabotat-2-dvoe-bolshe
2. Мишустин заявил о готовности России к открытию туристического сезона [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/06/2020/5eddf30b9a7947e7bb3e37ab>
3. Путин поручил форсировать развитие внутреннего туризма [Электронный ресурс]. URL: rg.ru/2020/05/07/putin-poruchil-forsirovat-razvitie-vnutrennego-turizma.html
4. Стратегия развития внутреннего туризма в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: welkometimes.ru/opinions/strategiya-razvitiya-vnutrennego-turizma-v-rossii-v-2021-godu
5. Чернышенко: россияне совершают в среднем менее одной турпоездки в год [Электронный ресурс]. URL: tourism.interfax.ru/ru/news/articles/70632/
6. Шнейдерман И. М., Гришанов В. И., Гузанова А. К., Ноздрин Н. Н. Проблемы ветхого и аварийного жилья в России // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 4, С. 18–35.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 томах. Санкт-Петербург : Тип. Акц. О-ва «Брокгауз-Ефрон», 1890.

References

1. Kostenko Ya. *Homes are better: domestic tourism can earn twice as much in 2021*. Available at: iz.ru/1106130/iaroslava-kostenko/doma-luchshe-vnutrennii-turizm-v-2021-m-mozhet-zarabotat-2-dvoe-bolshe (In Russ.).
2. *Mishustin announced Russia's readiness to open the tourist season*. Available at: <https://www.rbc.ru/society/08/06/2020/5eddf30b9a7947e7bb3e37ab> (In Russ.).
3. *Putin instructed to boost the development of domestic tourism*. Available at: rg.ru/2020/05/07/putin-poruchil-forsirovat-razvitie-vnutrennego-turizma.html (In Russ.).
4. *Strategy for the development of domestic tourism in 2020*. Available at: welkometimes.ru/opinions/strategiya-razvitiya-vnutrennego-turizma-v-rossii-v-2021-godu (In Russ.).
5. *Chernyshenko: Russians make on average less than one tourist trip a year*. Available at: tourism.interfax.ru/ru/news/articles/70632/ (In Russ.).
6. Schneiderman I. M., Grishanov V. I., Guzanova A. K., Nozdrina N. N. The problems of dilapidated and emergency housing in Russia. *Population*. 2019, vol. 22, no. 4, pp. 18–35. (In Russ.).
7. *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. In 86 volumes. St. Petersburg, 1890. (In Russ.).

*

ЧТЕНИЕ, МОЛОДЁЖЬ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: «ПРИОРИТЕТ-2030»

УДК 028.5

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-185-200>

В. Я. Аскар ова

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Российская Федерация, e-mail: viovita@yandex.ru

Аннотация: В статье обосновывается стратегический проект «Чтение и его развитие в век цифровых технологий», который предполагается реализовать в рамках Программы «Приоритет-2030», направленной на реализацию Указа о национальных целях развития России до 2030 года, подписанного Президентом РФ В. В. Путиным. Доказывается соответствие замысла проекта национальным целям, обозначенным в указе, и характеризуются основные позиции проекта: исследовательская составляющая, создающая основу для развития программно-проектной деятельности по стимулированию читательской активности молодёжи; развитие профессиональной коммуникации по проблемам книги и чтения в Евразии; основные достижения, дающие моральное право на реализацию обозначенного проекта. Обозначаются проблемы профессиональной подготовки библиотечных специалистов, готовых к грамотному взаимодействию с читателями, и предлагаются пути приобретения ими необходимых компетенций.

Ключевые слова: «Приоритет-2030», чтение, молодёжь, цифровые технологии, интернет-исследования, стимулирование читательской активности, профессиональные коммуникации, программно-проектная деятельность по поддержке и развитию чтения, читателеведческие компетенции библиотечных специалистов.

Для цитирования: Аскар ова В. Я. Чтение, молодёжь и цифровые технологии: «Приоритет-2030» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 185–200. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-185-200>

READING, YOUTH AND DIGITAL TECHNOLOGIES: “PRIORITY-2030”

Violetta Ya. Askarova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation, e-mail: viovita@yandex.ru

Abstract: The article explains the “Reading and its development in the century of digital technologies” strategic project which is planned to be realized within the frames of the “Priority-2030” Program aimed at the fulfillment of “The Order on the National objectives of the development of Russia till 2030” signed by RF President Vladimir Putin. The article proves the equity of the project’s idea to the national objectives mentioned in the Order and characterizes general positions of the project: research

АСКАРОВА ВИОЛЕТТА ЯКОВЛЕВНА – доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры

ASKAROVA VIOLETTA YAKOVLEVNA – D.Sc. in Philology, PhD in Pedagogic Sciences, Professor at the Department of Library and Information Activity, the Chelyabinsk State Institute of Culture

© Аскар ова В. Я., 2021

counterpart which makes grounds for the development of the program-project activity to stimulate young readers' activity; development of professional communication on the problems of book and reading in Eurasia; key accomplishments which give moral right to carry out the project. The author points out the problems of library experts' professional training that will help to competent treatment of the readers and offers the ways to acquire all competences necessary for them in their work.

Keywords: "Priority-2030", reading, youth, digital technologies, Internet-researches, reading activity stimulation, professional communications, program-project activity of support and development of reading, readers' competences of library experts.

For citation: Askarova V. Ya. Reading, youth and digital technologies: "Priority-2030". *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 185–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-185-200>

1. Стратегический проект «Чтение и его развитие в век цифровых технологий»: соответствие национальным целям

Каждое время выдвигает свои приоритеты, которые определяются состоянием общественного развития, назревшими проблемами, национальными интересами, объективными потребностями социума и ресурсами для их решения. Как правило, формулируют эти приоритеты и задачи их реализации лидеры нации.

21 июля 2020 года Президентом РФ В. В. Путиным подписан «Указ о национальных целях развития России до 2030 года» [15]. В целях реализации этого документа Министерством образования и науки РФ разработана Программа «Приоритет-2030», цель которой – сформировать к 2030 году группу опережающего развития из более 100 университетов и иных образовательных, научных учреждений, которые смогут стать центрами научно-технологического и социально-экономического развития страны. Предполагается, что Программа будет способствовать концентрации ресурсов для достижения поставленных национальных целей, позволит обеспечить деятельное участие образовательных организаций в социально-экономическом развитии страны и отдельных территорий Российской Федерации. Это может быть до-

стигнуто посредством создания новых технологий, отраслей и конкурентоспособных продуктов; расширения межинституционального сетевого взаимодействия; интеграции университетской науки с научными организациями, а также развития международного сотрудничества [5].

Не вызывает сомнения, что в эту созидательную работу должны включиться институты культуры, готовые, в частности, специалистов для сферы библиотечно-информационной деятельности. Вузы, как и любое другое образовательное учреждение, предназначены прежде всего для достижения национальных целей, связанных с формированием системы выявления и развития способностей и талантов у детей и молодёжи, создания условий для воспитания гармонично развитой личности на основе национальных ценностей и традиций. Вместе с тем институты, занимающиеся профессиональной подготовкой специалистов для библиотек, культурно-досуговых, информационных и информационно-аналитических центров и агентств, сами являются создателями цифрового мира и должны принять активнейшее участие в реализации национальной цели «Цифровая трансформация». Развивая цифровые технологии и способствуя наращиванию цифровых ресурсов, подготовленные вузами культуры

профессионалы вносят весомую лепту в достижение «цифровой зрелости» наиболее значимых отраслей экономики, социальной сферы и системы госуправления. Они ответственны и за формирование медийно-информационной грамотности населения, особенно таких проблемных групп, как дети, подростки и юношество, которые испытывают серьёзные проблемы гармонизации взаимодействия с органичным для них цифровым миром и традиционными культурными ценностями, накопленными человечеством в историко-культурном процессе.

Полагаем, что идеологии и требования названного указа и «Приоритета-2030» в полной мере соответствует стратегический проект «Чтение и его развитие в век цифровых технологий», его основная цель – обогащение деятельности по стимулированию читательской активности молодёжи на основе научных представлений об особенностях её чтения в век цифровых технологий.

Предложенный проект приобретает особую актуальность на фоне набирающей силу в развитых странах тенденции сокращения рабочего и увеличения досугового времени. Данная тенденция требует пристального внимания государства с точки зрения наполнения жизни человека развивающимися досуговыми практиками, в том числе – чтением [14].

В статье содержится обоснование названного стратегического проекта, его органичности для названных базовых документов.

Основные задачи проекта:

- проведение читателеведческих и чтениеведческих исследований с широким использованием интернет-ресурсов (Internet Studies) и технологий big data с целью выявления особенностей читательских практик молодёжи в условиях развития цифровой

культуры и появления широкого спектра мультимедийных текстов разной природы;

- развитие профессиональной коммуникации по проблемам книги и чтения на евразийском пространстве;

- влияние на социокультурную политику региона посредством популяризации читателеведческих и чтениеведческих знаний;

- разработка региональных программ и проектов поддержки и развития чтения с их широким представлением российской общественности;

- усиление читателеведческой подготовки библиотечных специалистов в процессе практико-ориентированного базового образования всех уровней (бакалавриат – магистратура – аспирантура) и системы дополнительного профессионального образования;

- разработка программ дисциплин «Социокультурные практики чтения в историко-культурном процессе», «Поддержка и развитие чтения: мировой опыт», «Библиотерапия», «Детское и юношеское чтение», «Особенности изучения чтения и читателей в интернет-пространстве», «Современные стратегии чтения», «Игротехника в развитии чтения», «Книга и чтение в мире мультимедиа»;

- подготовка к изданию учебного пособия «Социокультурные практики стимулирования читательской активности: мировой опыт» (издание планируется в текущем году);

- развитие партнёрского взаимодействия с библиотечными специалистами, педагогами всех уровней образования, специалистами книготорговых заведений с целью взаимообогащения системы деятельности по стимулированию читательской активности молодёжи.

Прокомментируем основные задачи.

2. Чтение молодёжи: неразрывность цепочки «знание-понимание-действие»

Решить обозначенные проблемы без представительных исследований, обеспечивающих специалистов библиотечно-информационного дела и представителей смежных профессий объективными, научно обоснованными данными, невозможно, что подчёркивается Программой «Приоритет-2030»; для системы высшего профессионального образования необходимо усиление своего присутствия в сфере научных исследований и разработок.

Эмпирические исследования, связанные с проблематикой чтения, неизменно вызывают интерес практически у всех специалистов инфраструктуры чтения. Лидирующие позиции в изучении чтения молодёжи, подростков и юношества занимают Психологический институт РАО АН РФ, Российская государственная библиотека для молодёжи, Российская государственная детская библиотека, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, из общественных организаций – Русская ассоциация чтения (Н. А. Борисенко, Т. Г. Галактионова, Е. С. Романичева, М. М. Самохина, Н. Н. Сметанникова, В. П. Чудинова и другие).

В числе ведущих исследовательских тенденций последних лет – попытки разобраться в качественных характеристиках чтения электронных и бумажных текстов, особенностях развития читательских практик в сетевом пространстве, своеобразии восприятия мультимедийных текстов различной природы. Кроме того, отчётливо обозначилось исследовательское внимание к деятельности различных интересантов, пытающихся использовать интернет-ресурсы в качестве инструмента привлечения

внимания к определённым произведениям и стимулирования коммуникации по поводу книги и чтения. Как правило, представители книжного бизнеса – ангажированные блогеры, создатели соответствующих сайтов, пабликов в Инстаграме, различных сетевых сообществ – побуждают к покупке книжной продукции [12; 13].

Библиотеки на своих сайтах, в блогах и на иных ресурсах привлекают внимание к библиотеке, повышают её рейтинг, продвигают определённые произведения, нащупывают пути результативной рекомендации литературы посредством расширенных библиографических записей, чтения рецензий, фрагментов произведений, обмена впечатлениями и эмоциями [7]. Кроме того, многие библиотеки на своих сайтах организуют онлайн-встречи с писателями, ведут посвящённые чтению ютуб-каналы, выступают по проблемам книги и чтения в социальных сетях.

Свои блоги, сайты ведут и сами писатели, что во многом способствует их популярности (яркие примеры в данном контексте – Б. Акунин, Д. Л. Быков, Д. А. Глуховский, З. Прилепин, С. В. Лукьяненко, Е. В. Гришковец). Формой их взаимодействия с читателями в интернет-пространстве являются также странички в «Живом журнале», на Фейсбуке, на сайтах «Сноб», «Русский пионер», «Русская жизнь» и проч.

Вносят свою лепту в стимулирование читательской активности и независимые блогеры, которым нравится делиться своими читательскими впечатлениями. Наиболее известные из них – «Книжная среда», «Юлия Волкодав. Книги: чужие и свои», «Хемингуэй позвонит», «КНИГАГИД», «cutebookmess», «RedAutumnBooks», «Теория большого чтения», «Читалочка», «2 talk girls» и «Bookовски». Кроме того, в Сети

бурно развиваются читательские сообщества («чепочитать», «Книги», «Я сейчас читаю...»), которые можно считать формами саморегуляции читательской деятельности. Бурно развиваются и фандомы, объединяющие поклонников определённых авторов и литературных явлений.

Беглого перечисления подобных интернет-ресурсов достаточно для понимания того, сколь значимо современное интернет-пространство как индикатор читательских практик преимущественно подростково-молодёжных групп читателей и инструмент стимулирования их читательской активности. Соответственно, сейчас Интернет – информационный кладёзь, дающий наиболее полное представление о чтении молодёжных групп, его стимулах, и, кроме того, это пространство экспериментов по поиску наиболее результативных приёмов пробуждения к чтению и приобретению литературы.

Поэтому исследование «Чтение студенческой молодёжи Южного Урала: стимулы и практики формирования интеллектуального ресурса региона в век цифровых технологий»¹, которое проводят педагоги Челябинского государственного института культуры и Южно-Уральского государственного университета, реализуется с широким использованием интернет-ресурсов (Internet Studies)². О значимости больших данных, их способности указывать на существенные тенденции читательского поведения свидетельствует исследовательский опыт фонда системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ Brand

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740015.

² Обоснование методолого-методических аспектов исследования содержится в ранее опубликованной статье В. Я. Аскаровой и Л. Б. Зубановой [3].

Analytics [17]. На основе экспресс-анализа годовой ретроспективы упоминаний о книге, чтении, библиотеке с ноября 2017 года по ноябрь 2018 года с помощью роботизированного поиска удалось выявить 21,6 млрд сообщений российских пользователей соцмедиа, что позволило исследовать место чтения в жизни отдельных сообществ, выявить круг предпочитаемых произведений и факторы, определяющие востребованность определённых библиотек.

Интернет-ресурсы используются нами для проведения онлайн-опроса, наблюдения над различными сетевыми активностями и проведения контент-анализа нарратива в блогах, сетевых сообществах, видеоматериалах различной природы. На сегодняшний день проведён онлайн опрос 1 100 студентов девяти вузов Южного Урала; удалось выявить, что более половины опрошенных студентов всех вузов (от 52 до 64%) считают именно социальные сети и визуальные интернет-ресурсы наиболее действенным средством активизации чтения и популяризации литературы; эта позиция оказалась более значимой, чем государственные программы поддержки чтения и литературы, агитационные высказывания публичных персон, лидеров мнений, инфлюэнсеров, содержание образовательной деятельности в вузах, различные культурные акции, маркетинговые инструменты, личные встречи с писателями и экранизации и театральные постановки. Причём в качестве сетей, которые наиболее активно продвигают книгу и чтение, студенты в порядке убывания называют сети «ВКонтакте», «Инстаграм», Facebook, «Телеграмм», Twitter, You Tube, «Одноклассники», Tik Tok. Значимой формой активизации чтения в вузе названы и обзоры интернет-ресурсов – электронных библио-

тек, специализированных сайтов о чтении и проч. Студенты с большим интересом относятся к интернет-ресурсам, посвящённым писателям, книгам, новостям из мира литературы и чтения, но сами занимают достаточно пассивную позицию; наибольшее количество выборов в порядке убывания получили суждения «Читаю, что пишут другие», «Смотрю видеоблоги, посвящённые книгам и чтению», «Выставляю оценки книгам/авторам в рейтинговых системах».

Вместе с тем мы отдаём себе отчёт в том, что никакие Internet Studies и технологии big data не дадут ответов на вопросы о причинности различных явлений и своеобразии картины чтения на уровне микрогрупп и отдельных персон. Бесценный исследовательский материал можно получить в процессе непосредственного общения со студентами. Общая картина должна быть дополнена, уточнена, конкретизирована на основе подходов, характерных для качественной социологии. В частности, в нашем исследовании уже применяется метод фокус-групп с целью уточнения материала, собранного в ходе онлайн-опроса, и выявления аспектов читательского поведения, не предусмотренных «жёстким рёбрами» анкетной карты.

Будут использованы и драбблы – мини-сочинения «Я читаю» объёмом не более 300 слов. Такие короткие тексты побуждают к лаконичным, но значимым высказываниям; опыт их анализа показал, что когда текст обращён к прошлому, содержит воспоминания о домашней библиотеке или общие рассуждения о пользе чтения, это свидетельствует о том, что чтение в настоящем не является для респондента значимой ценностью. Об обратном свидетельствуют тексты, наполненные сегодняшними приме-

рами читательских практик и обращённые в будущее (о чём хотелось бы ещё почитать).

Кроме того, для выявления наиболее результативных приёмов стимулирования читательской активности студентов важна и поисковая экспериментальная работа. В нашем случае это игровой телекоммуникационный проект «Филологические игры», в котором уже приняли участие семь команд учебных заведений России из Челябинской, Курганской, Архангельской и иных областей. Игра представляла собой выполнение домашних и импровизационных заданий филологической направленности и транслировалась в режиме онлайн. Подобные игры не только привлекают внимание к литературным явлениям, вызывают естественное любопытство, но и демонстрируют привлекательность литературной образованности, заражают интересом к чтению, повышают авторитет читающих людей и побуждают к подражанию.

Полагаем, что полученный материал позволит конкретизировать рекомендации по развитию читательской активности студентов на Южном Урале и обогатит базу эмпирического материала о чтении молодёжи в век цифровых технологий.

3. Развитие профессиональной коммуникации по проблемам книги и чтения; место встречи – «евразийский перекрёсток»

Преподаватели ЧГИК и коллеги по Южно-Уральскому региональному отделению Русской ассоциации чтения (ЮУО РАЧ) традиционно принимают деятельное участие в различных формах профессиональной коммуникации, на которых обсуждаются проблемы чтения; это, прежде всего, конгрессы Российской библиотечной ассоциации (РБА), конференции и «круглые столы»

Русской ассоциации чтения (РАЧ), Межрегионального центра библиотечного сотрудничества (МЦБС) и Ассоциации школьных библиотек Русского мира (РШБА).

Вместе с тем Челябинск и сам стал одним из центров профессиональной коммуникации по проблемам чтения; в столице Южного Урала с 2010 года каждое двухлетие проводится Международный интеллектуальный форум «Чтение на евразийском перекрёстке», причём каждый из них сопровождается выпуском материалов форума. Страны-участницы: Белоруссия, Казахстан, Украина, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и другие. В число организаторов-участников форума входят Русская ассоциация чтения, Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, Российская библиотечная ассоциация, Министерство культуры Челябинской области, Институт психологии РАН, Психологический институт Российской академии образования, национальные библиотеки России и стран СНГ, краевые и областные научные, детские, специальные библиотеки России, университеты и институты РФ и другие.

Характерная особенность форума – вовлечение в обсуждение проблем чтения специалистов всех научных дисциплин, отраслей и ведомств. Кроме того, он предполагает широкое привлечение представителей административных структур, общественных организаций, читателей. Формы участия (как «вживую», так и онлайн) могут быть самыми разными: доклады, полемические выступления на дискуссионных площадках, презентации, сообщения в формате печатной кучи, демонстрационные мероприятия, телемосты и проч.

Технологической особенностью форума стала его работа в режиме нон-стоп. Его подготовке начинается как минимум

за полгода; прежде всего разрабатывается концепция форума, которая очерчивает его проблемное пространство, служит ориентиром для подготовки участников данного научного события и базовым документом составления его программы. Это позволяет избежать неопределённости в выборе формата и тематики выступлений, решить заранее поставленные задачи. Как правило, в первый день форума становится доступным сборник его материалов, а после завершения в качестве его кульминационной составляющей, то есть собственно форума, проводится рефлексия по поводу достигнутого уровня осмысления читателеведческих и чтениеведческих проблем, подготавливается цикл публикаций и исподволь начинает продумываться концепция следующего форума.

Так, содержанием Пятого, юбилейного форума (2019), стала следующая тематика: чтение в контексте современной медиакультуры: время и бремя перемен; чтение, трансформация его стратегий и практик в современных социокультурных условиях; визуализация явлений книжной культуры в системе стимулирования читательской деятельности; институты инфраструктуры чтения; общность устремлений и разнообразие средств воздействия; библиотека как организатор чтения: переосмысление позиций в национальной и региональной культурной политике; читатели поколения Z в конкурентном мультимедийном пространстве; особым читателям – особое внимание; образование и чтение: неразрывность связи; современный литературный поток, его навигация и экспертирование; библиографические инструменты поддержки и развития чтения.

Каждая названная тема была представлена в концепции в достаточно развёрну-

том виде. Для примера представим раскрытие первой названной темы.

1. Чтение в контексте современной медиакультуры: время и бремя перемен. Чтение, его роль в эволюции общества. Теория и практики чтения в дискурсе философии.

Трансформации чтения в эпоху Интернета. Цифровая личность читателя. Ответственный запрос на книгу и чтение; движение в направлении ноосферы или «цивилизации праздности»? Философское осмысление чтения в эпоху постграмотности. Тексты новой природы как явление культуры.

Читательская культура в системе медиакультуры. Читателеведение, его место в медиалогии как синтетической гуманитарной науки информационной эпохи.

Медиапотребление, изменение его структуры в современных условиях. Чтение в структуре современного медиапотребления. Чтение и считывание. Медийные потоки, направленные на стимулирование чтения. Современные стратегии медиапотребления; их влияние на читательскую деятельность. Воздействие интернет-технологий и медиа-оснащённости на чтение.

Интернет- и читательская активность: проблема взаимосвязи. Сеть Интернет как пространство чтения. Интернет-ресурсы стимулирования читательской деятельности: сайты, порталы, социальные сети, блоги, форумы, сообщества, рекомендательные сервисы и другие. Философские форумы в Сети: чтение обновляющихся текстов. Основные участники коммуникации по проблемам книги и чтения в сети Интернет.

Особенности сетевых ресурсов коммерческих и некоммерческих организаций. Побуждение к чтению и побуждение к покупке книги: различие позиций. Особенности сетевой рекламы книги.

Социальные медиа как площадка общения по проблемам книги и чтения, элемент инфраструктуры продвижения книги и чтения. Коммуникация в социальных сетях как средство формирования мнения о явлениях книжной культуры. Гостевые книги, блоги, форумы как инструменты побуждения к чтению. Читательская саморегуляция в сетевом пространстве. Сетевые читательские сообщества: характеристика, темы и средства общения. Формы сетевой литературной и читательской самодеятельности (непрофессиональная рекомендация книги, отзывы о прочитанном, фанфики и проч.)

Столь детальная проработка проблематики стимулирует мыслительную активность коллег, позволяет более чётко определиться с форматом своего участия. В том случае, если какие-то проблемы, поставленные в концепции, не получили должного обсуждения на текущем форуме, они переносятся на следующий и будут додуманы и обсуждены два года спустя.

Этой непрерывной согласованной работой достигается постоянная концентрация на проблемах чтения, читателей и систематическое отслеживание развития связанных с ними научных дисциплин – чтениеведения и читателеведения. Расширился круг участников форума, что способствовало дальнейшему развитию полидисциплинарного подхода к изучению проблем чтения и читателей. В 2019 году впервые в рамках форума сформировалась философская секция, среди участников форума надёжно закрепились культурологи, педагоги, психологи, музеологи, хореографы, режиссёры, что позволило представить процессы, происходящие в сфере чтения, в самом широком контексте. Форум-2019 показал, что сейчас в центре внимания специалистов

институтов инфраструктуры чтения доминируют такие проблемы: дрейф читателя в направлении цифрового мира, различия в качестве чтения электронных и бумажных текстов; многообразие форм визуализации явлений книжной культуры, особенности проявления субъектности современного читателя, переосмысление взаимодействия с трансформировавшимися текстами, обращение к интернет-ресурсам как инструменту познания читателя и развитию диалога с ним; безудержное формотворчество в библиотечном взаимодействии с читателями; цифровая подготовка библиотечных специалистов; приёмы повышения качества текстовой деятельности и стимулирования читательской активности в образовательном процессе.

Следующий, шестой, форум запланирован на апрель 2022 года. Он будет проходить в рамках Международного научного культурно-образовательного форума «Евразия – 2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобальной цифровизации». Наряду с общими проблемами (цифровое будущее культуры и искусства, гуманистический потенциал их цифровизации, философия человека в контексте культуры цифровой эпохи, возможности использования цифровых информационных ресурсов и технологий и проч.), в рамках форума будут рассматриваться вопросы гуманистического потенциала литературы, книги и чтения в цифровом мире; стимулы и практики чтения российской молодёжи в эпоху цифровых технологий; особенности развития читательских практик в условиях библиотечного воздействия; стимулирования чтения высококачественной художественной литературы.

Подобная работа создаёт основу для развития развития партнёрского вза-

имодействия с библиотекарями, педагогами всей системы образования, специалистами книгоиздательских и книготорговых заведений. В результате проблемами чтения, помимо преподавателей и студентов ЧГИКА, занимаются коллеги из Челябинской областной универсальной научной библиотеки, общедоступных и специальных библиотек города и области, Южно-Уральского государственного университета, Челябинского государственного гуманитарного педагогического университета, Челябинского института повышения профессиональной квалификации работников образования, Челябинского государственного университета, ЧелГУ, физико-математического лицея № 31, «Библио-глобуса», что обеспечивает многоаспектность научных исследований и разнообразие практик стимулирования читательской активности молодёжи.

4. Достижения как отправная точка для новых инициатив

При разработке стратегических проектов, заявке на лидерство в каком-либо направлении всегда возникает вопрос о моральном праве на эту инициативу. На наш взгляд, наше право на представляемый проект обосновывается следующими достижениями.

Научно-исследовательская работа по проблемам чтения позволила занять ЧГИК лидерские позиции в публикационной деятельности. За последние 10 лет выпущено два сборника научно-практических работ: «Мода в книжной культуре: границы дозволенного» (Челябинск, 2010), «Кризис чтения: энергия преодоления» (Москва, 2013) [см.: 8; 9]; две коллективные монографии: «Чтение. XXI век» (Москва, 2015) и «От Года литературы – к веку чтения»

(Москва, 2016) [см.: 10; 16]. Добавим к этому перечню и пять сборников материалов форума «Чтение на евразийском перекрёстке». Отличительной особенностью названных трудов является присутствие среди авторов ведущих специалистов в области чтения всей страны: Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Екатеринбургa, Кирова, Челябинска и других городов, что обеспечивает высокий, отнюдь не местечковый характер статей и разделов коллективных монографий. Среди авторов материалов – коллеги из стран Евразии, что подчёркивает интернациональный характер форума, способствует отражению национальной специфики в системе работы по поддержке и развитию чтения.

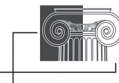
К ярким научным событиям отнесём также Международный фестиваль научно-исследовательских и творческих проектов «Читающая Евразия», посвящённый 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилёва (Челябинск – Омск – Павлодар, 2012), библиотечный Международный конкурс «Интеллектуальный лидер Евразии» (2012). Кроме того, нами инициированы два Всероссийских конкурса фотозон библиотек (2019, 2021), направленных на изучение визуальных библиотечных практик поддержки и развития чтения. Реализуются просветительские авторские проекты «Чтение как искусство» (2014–2020), «Голоса молодых». В ЧГИКе с 2016 года работает междисциплинарная литературно-библиографическая лаборатория, направленная на выявление и апробацию актуальных образовательных практик чтения (Ю. В. Гушул).

В научную и проектную работу читателеведческой направленности вовлечены аспиранты и студенты института: защищены диссертации о проблемах понимания отраслевой литературы (Н. М. Запекина),

осознании трудностей чтения старшеклассниками (М. Ю. Ваганова), о сетевых образовательных проектах как инструменте формирования их медийно-информационной грамотности (Е. В. Качева), о стимулирующих возможностях моды в активизации чтения молодёжи (Д. М. Хафизов). К научной работе подключены и студенты: они выступают с докладами и публикациями о развитии чтения глухих детей в условиях школьной библиотеки (Е. В. Янева), об оказании библиотечной библиотерапевтической помощи населению посредством книги и чтения (У. Ю. Кожевникова), о блогах как инструменте стимулирования читательской активности молодёжи (Л. С. Яцушкина), о фандомах как индикаторе читательских предпочтений (А. В. Солина), об особенностях деятельности по стимулированию читательской активности в библиотеках Северной Европы и Восточной Азии (И. А. Пашкова) и другие.

Научно-исследовательская работа служит ориентиром и для региональной программно-проектной деятельности по поддержке и развитию чтения; на Южном Урале эта работа ведётся с 2004 года. В нашем активе – проекты «Год детского чтения» (2004), «Читающий Урал – настоящая Россия. Год чтения в Челябинской области» (2007), «Библиотечный локомотив» (2010). Центром чтения ЧГИКа и руководителями ведущих библиотек области была разработана «Программа поддержки и развития чтения в Челябинской области (2017–2020 годы)» [11]¹. В Программе рассмотрены документная и ресурсная база её реализации, идеология и приоритеты, состояние инфраструктуры институтов чте-

¹ Названные проекты и программы доступны на сайте Центра чтения Российской национальной библиотеки. URL: <http://nlr.ru/prof/reader/>

ния, содержание деятельности по развитию чтения в образовательных учреждениях, библиотеках различных типов и видов, а также в издательских и книготорговых заведениях, традиционных и электронных СМИ, в музеях, театрах, кинотеатрах, киноклубах, литературно-творческих организациях.

Этот неполный перечень основных достижений в научно-исследовательской, программно-проектной и просветительской деятельности свидетельствует, на наш взгляд, о формировании в Челябинске авторитетной читателеведческой научной и научно-методической школы и её готовности взять на себя лидерство в реализации стратегического проекта «Чтение и его развитие в век цифровых технологий».

5. Подготовка библиотечных специалистов в духе идеологии читателецентризма

И, наконец, о главном: воспроизводстве библиотечных специалистов, обладающих необходимыми компетенциями для грамотного взаимодействия с читателями и стимулирования их читательской активности.

Обозначим общероссийскую проблему: дисциплины, связанные с чтением, различными аспектами читательской деятельности, сейчас не входят в число приоритетов подготовки профессионалов, связанных с книгой и чтением. В полной мере это относится к специальности «Библиотечно-информационная деятельность», что показал выполненный нами год назад анализ соответствующих учебных планов [1]. Между тем ядро профессиональной подготовки библиотечных специалистов должны составлять именно дисциплины, направленные на изучение взаимодействия читателя с до-

кументными ресурсами, доступными в библиотеке; она изначально была создана как ответ на потребности человека в определённом образом систематизированных текстах. Хрестоматийно известные четыре элемента библиотеки неравноценны; основными являются документный фонд и читатель, а материально-техническая база и библиотечный персонал обеспечивают их взаимодействие, то есть выполняют вспомогательную роль. В длительном историко-культурном процессе библиотека пережила череду трансформаций и смену концепций, но суть её осталась неизменной: она создаёт условия для освоения смыслов, добытым человечеством, даёт возможность прикоснуться к социальной памяти посредством чтения, которое мы вслед за М. Ю. Гудовой понимаем как процесс извлечения значений и смыслов из мультимодальных текстов сетевой и несетевой природы [6]. Отход от базовой функции библиотеки ведёт к утрате её специфики, результатом чего может стать её уничтожение. Всё, что она делает, должно быть направлено на чтение, подчинено идее формирования читающей нации, способной к созидательной деятельности. Поэтому библиотечные специалисты должны, прежде всего, обладать полнотой знаний о читателе, его потребностях, различных аспектах читательского поведения, значимых для него стимулах чтения, наиболее результативных формах и приёмах продвижения литературы для различных категорий читателей и т.д.; все библиотечные ресурсы, технологии и сервисы объективно созданы для читателя, служения ему. Это всё время подчёркивал великий Н. А. Рубакин, называя читателя центром книжной Вселенной.

О читателеведческой подготовке библиотечных специалистов мы писали ра-

нее [см.: 1; 2], теперь же сосредоточимся на содержании основных учебных дисциплин, которые сделают библиотечное взаимодействие с читателями более осмысленным. В ЧГИК накоплен достаточно богатый опыт преподавания дисциплин читателеведческой направленности; в разное время здесь преподавались курсы, связанные с детским, юношеским чтением, библиотерапией, литературным развитием детей, профессиональным библиотечным чтением, книгой и чтением в мультимедийной культуре, но, к сожалению, и здесь число подобных дисциплин сокращается, что представляется серьёзной профессиональной ошибкой. Покажем их значимость на примере двух уникальных учебных дисциплин: «Социокультурные практики чтения в историко-культурном контексте» и «Социокультурные практики стимулирования читательской активности: мировой опыт».

Дисциплина «Социокультурные практики чтения в историко-культурном контексте» должна преподаваться на первом курсе бакалавриата. Это способствует формированию читателецентристской идеологии, направленной на служение читателю, ориентирует на антропологическую и гуманистическую направленность всех библиотечных процессов и технологий.

Цель учебной дисциплины «Социокультурные практики чтения в историко-культурном контексте» – помочь студентам сформировать широкое представление об историко-культурном процессе развития чтения, проследить его динамику в контексте различных взаимосвязей ментального, религиозного, национального, экономического, политического и иного характера. Предпринимается попытка проследить его развёртывание во времени с древней-

ших времён до наших дней, что позволит понять логику развития чтения в мировом пространстве, увидеть движущие силы этого процесса, уловить преемственность в динамике читательской деятельности и более глубоко понять современные процессы чтения в век цифровых технологий.

Логика изложения материала определяется последовательностью исторического процесса, основными вехами развития чтения и его практик. Полагаем, что изучение таких тем, как «Развитие чтения в древнейших цивилизациях Востока», «Книга и чтение в культуре античного мира», «Трансформации моделей чтения в Средневековье», «Влияние гуманистических идей на чтение в эпоху Возрождения и Реформации», «Чтение в эпоху зарождения и расцвета идей Просвещения», «Чтение в эпоху европеизации дворянской культуры в России XVIII века», будет способствовать расширению общекультурного кругозора студентов, позволит им более широко взглянуть на роль библиотеки в развитии цивилизации и проникнуться уважением к своей профессии¹.

Курс «Социокультурные практики стимулирования читательской активности: мировой опыт» изначально был подготовлен для магистрантов. Цель дисциплины – ознакомить студентов с мировыми достижениями в области поддержки и развития чтения, показать методики и технологии, пригодные для реализации в нашей стране.

Здесь представлен соответствующий опыт стран Западной, Северной Европы, США, России и государств Восточной Азии. О содержании курса говорят основные его темы: «Германия – «страна идей»,

¹ Ранее этот курс в ЧГИКе назывался «Введение в читателеведение». Более подробно о его содержании см. [2].

«Особенности деятельности по созданию читающей нации», «Читающая Великобритания: трёхлетний опыт преодоления PISA-шока», «Франция: праздник чтения», «Чтение в Финляндии: как создаётся “финское чудо”», «Норвегия: путь к чтению», «Развитие чтения в США: стратегическая роль Библиотеки Конгресса», «Современная Россия: двадцать лет программно-проектной деятельности по поддержке и развитию чтения», «Современный Китай: от Конфуция к чтению с трёх экранов», «Япония: опыт преодоления “кацудзи бонарэ”».

Изучение особенностей деятельности по поддержке и развитию чтения в разных странах позволит понять роль традиций, национального своеобразия, ментальности населяющих их народов, социально-культурной политики государств, состоянии образования и инфраструктуры институтов чтения, креативных идей в программно-проектной деятельности по его развитию.

Реалии сегодняшнего электронного мира требуют от библиотечного специалиста не только читателеведческой подготовки, но и медиаобразования, которое позволит ему обрести компетенции, позволяющие ему вести работу по формированию медийно-информационной грамотности различных групп читателей, особенно – молодёжи: обучение её практикам взаимодействия с мультимедийными материалами разной природы, различным приёмам текстовой деятельности, оптимальным стратегиям чтения, формирование критического отношения к медиаматериалам, способности различать типо-видовые характеристики текстов и выявлять степень их достоверности. Для развития чтения в цифровую эпоху важно также включение в образова-

тельный процесс исследовательских методов и приёмов, направленных на постоянное изучение интернет-контента, содержащего материал о различных проявлениях медийной активности читателей, его внимании к определённым сетевым ресурсам, блогам и форумам, которые связаны с рекомендацией материала для чтения. Как справедливо отметила Н. Е. Беляева, библиотекари с развитием Интернета получили беспрецедентную возможность влиять на поведение читателей, их выбор материала для чтения посредством ведения блогов, использования вики-технологий, сервисов социальных закладок, активного участия в форумах и иных сообществах, где темой общения являются книга и чтение [4].

Работа в рамках данного стратегического проекта позволит обогатить научную и методическую базу в сфере программно-проектной деятельности в области стимулирования читательской активности различных категорий читателей, развить интерес учёных и практиков к этому проблемному полю, отработать методику работы с интернет-контентом в исследовательских целях; создать основу для региональной социокультурной политики по поддержке и развитию чтения в Евразии на междисциплинарной, межотраслевой и межведомственной основе; создать базу учебных и учебно-методических материалов читателеведческой направленности для использования в базовой подготовке библиотечных и иных специалистов институтов инфраструктуры чтения в системе базового и дополнительного профессионального образования; повысить читателеведческую профессиональную компетентность будущих библиотечных специалистов, которые смогут грамотно взаимодействовать с читателями, обучать их наиболее результативным

стратегиям чтения, использовать современные технологии, различные медиа и интернет-ресурсы с целью стимулирования читательской активности различных категорий читателей, прежде всего – детей, подростков и юношества.

Включённость кафедр библиотечно-информационной деятельности, философии и культурологии, педагогики и психологии (Институт культуры детства), истории, музеологии, туризма и документоведения, истории и теории литературы,

развитие партнёрского взаимодействия с Русской ассоциацией чтения, Южно-Уральским государственным университетом, Челябинским государственным педагогическим университетом, Челябинской областной универсальной научной библиотеки, физико-математическим лицеем № 31 свидетельствует о том, что на базе ЧГИК сложился консорциум, готовый к реализации стратегического проекта «Чтение и его развитие в век цифровых технологий» в рамках программы «Приоритет-2030».

Список литературы

1. Аскарлова В. Я. Моргенштерновские чтения – 2020 // Информационно-библиографическая деятельность библиотек: тенденции, современные проекты и инициативы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Челябинск, 27–28 октября 2020 г.). Челябинск : ЧГИК, 2020. С. 186–192.
2. Аскарлова В. Я. Читателеведческая подготовка специалиста библиотечно-информационной деятельности: в преддверии разработки образовательного стандарта четвёртого поколения [Электронный ресурс] // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatelevedcheskaya-podgotovka-spetsialista-bibliotечно-informatsionnoy-deyatelnosti-v-preddverii-razrabotki-obrazovatel'nogo-viewer>
3. Аскарлова В. Я., Зубанова Л. Б. Изучение детского и юношеского чтения в эпоху цифровой реальности: актуальные исследовательские и проектные стратегии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 93–103.
4. Беляева Н. Е. Чтение художественной литературы в Интернете : изучение современных читательских практик // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 47–52.
5. Гвоздева Н. М. Механизм реализации Программы «Приоритет-2030» [Электронный ресурс]. URL: http://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Prioritet_2030/N_
6. Гудова М. Ю. Концепция постграмотности как теоретико-методологическое основание понимания чтения // Пятый Международный интеллектуальный форум «Чтение на евразийском перекрёстке» (Челябинск, 24–25 октября 2019 г.) : материалы форума / науч. ред., сост. В. Я. Аскарлова, Ю. В. Гушул. Челябинск : ЧГИК, 2019. С. 22–29.
7. Дорохина С. В. Теоретико-методологические основания руководства чтением молодёжи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 5 (55). С. 166–170.
8. Кризис чтения: энергия преодоления : сборник научно-практических материалов / редактор-составитель В. Я. Аскарлова. Москва : МЦБС, 2013. 320 с.
9. Мода в книжной культуре : границы дозволенного : сборник научных статей / ФГОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств» ; науч. ред., сост. В. Я. Аскарлова. Челябинск, 2010. 207 с.
10. От Года литературы – к веку чтения : коллективная монография / [науч. ред.-сост. В. Я. Аскарлова]. Москва : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2016. 459 с.

11. Программа поддержки и развития чтения в Челябинской области (2017–2020 гг.) / Министерство культуры Челябинской области, Челябинский государственный институт культуры ; сост. В. Я. Аскарова. Челябинск : ЧГИК, 2017. 79 с.
12. Рубанова Т. Д. Книжные паблики в «Инстаграме» // Библиосфера. 2020. № 1. С. 39–45.
13. Рубанова Т. Д. Поддержка чтения в пространстве социальных сетей // Вестник культуры и искусств. 2018. № 3 (55). С. 45–53.
14. Синецкий С. Б. Адаптирующая культурная политика в условиях усиления тенденции сокращения рабочего времени // Социум и власть. 2016. № 5. С. 127–133.
15. Указ о национальных целях развития России до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>
16. Чтение. XXI век : коллективная монография / науч. ред.-сост. В. Я. Аскарова ; Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск, 2014. 310 с.
17. #ЯЧитаю : как в социальных медиа отражается чтение книг [Электронный ресурс] // Brand Analytics. 2018. URL: <https://br-analytics.ru/blog/yachitayu/>

References

1. Askarova V. Ya. Morgenstern Readings – 2020. In: *Information and bibliographic activity of libraries: trends, modern projects and initiatives: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Chelyabinsk, October 27–28, 2020)*. Chelyabinsk, Publishing House of the Chelyabinsk State Institute of Culture, 2020. Pp. 186–192. (In Russ.).
2. Askarova V. Ya. *Reading management training of LIS specialists: the development of an educational standard of the fourth generation*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatelevedcheskaya-podgotovka-spetsialista-bibliotечно-informatsionnoy-deyatelnosti-v-preddverii-razrabotki-obrazovatelnoego-viewer> (In Russ.).
3. Askarova V. Ya., Zubanova LB. The study of children and youth read in the age of digital reality: relevant research and design strategies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2018, no. 5 (85), pp. 93–103. (In Russ.).
4. Belyaeva N. E. Reading fiction in the internet: modern reader’s practices studying. *Culture and Arts Herald*. 2017, no. 2 (50), pp. 47–52. (In Russ.).
5. Gvozdeva N. M. *Mechanism of the “Priority-2030” Program implementation*. Available at: http://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Prioritet_2030/N._ (In Russ.).
6. Gudova M. Yu. The concept of post-literacy as a theoretical and methodological basis for understanding reading. In: Askarova V. Ya., Gushul Yu. V., eds. *Fifth International Intellectual Forum “Reading at the Eurasian Crossroads” (Chelyabinsk, October 24–25, 2019): Forum materials*. Chelyabinsk, Publishing House of the Chelyabinsk State Institute of Culture, 2019. Pp. 22–29. (In Russ.).
7. Dorokhina S. V. Theoretical and methodological foundations of youth reading management. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2013, no. 5 (55), pp. 166–170. (In Russ.).
8. Askarova V. Ya., ed. *Reading crisis: energy of overcoming: collection of scientific and practical materials*. Moscow, Published by Interregional Center for Library Cooperation, 2013. 320 p. (In Russ.).
9. Askarova V. Ya., ed. *Fashion in book culture: the boundaries of what is permitted: a collection of scientific articles*. Chelyabinsk, 2010. 207 p. (In Russ.).
10. Askarova V. Ya., ed. *From the Year of Literature to the Age of Reading: collective monograph*. Moscow, Published by Interregional Center for Library Cooperation, 2016. 459 p. (In Russ.).
11. Askarova V. Ya., ed. *Reading support and development program in the Chelyabinsk region (2017–2020)*. Chelyabinsk, Publishing House of the Chelyabinsk State Institute of Culture, 2017. 79 p. (In Russ.).

12. Rubanova T. D. Book public pages in Instagram. *Library World*. 2020, no. 1, pp. 39–45. (In Russ.).
13. Rubanova T. D. Support of reading in books social networks environment. *Culture and Arts Herald*. 2018, no. 3 (55), pp. 45–53. (In Russ.).
14. Sinetskiy S. B. Adapting cultural policy in the context of the increasing trend of reducing working time. *Socium and Power*. 2016, no. 5, pp. 127–133. (In Russ.).
15. *Decree on the national development goals of Russia until 2030*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (In Russ.).
16. Askarova V. Ya., ed. *Reading. XXI century*. Chelyabinsk, 2014. 310 p. (In Russ.).
17. *#IRead: how book reading reflects on social media*. Available at: <https://br-analytics.ru/blog/yachitayu/> (In Russ.).

*